



УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0734-241X

**Следопыт**

**10 '88**

**С ДЕЛЕГАТАМИ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС ПИСАТЕЛЕМ ВЛАДИСЛАВОМ КРАПИВИНЫМ И ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ МИХАИЛОМ МАТБЕЕВЫМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ**



Фото Игоря Горячева

**Молодым  
везде у нас дорога!**

С. К.: Хочу начать с несвоевременной фразы: поздравляю вас, друзья, а также всех наших читателей с праздником — юбилеем Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи! Что, отвыкли от торжественных речей? Правильно, и юбилей — не повод для пустопорожних словословий. Хватит, наслушались досыта, оскомину набили. И все же я позволю себе отступить от новомодного стереотипа — только ругать комсомол — и предлагаю защитить юбиляра. В самом деле, из застойного «болота», в которое оказался ввергнутым комсомол, он может выбраться, лишь имея прочную правовую и материальную основу. Причем основу самостоятельную. Чтобы распоряжаться ею не по указке, не с разрешения старших товарищей. Немало сделано для этого в последние годы. И все же — недостаточно. Признаться, я ожидал большего участия в решении сугубо молодежных проблем от XIX партийной конференции. Созвучны моим ожиданиям оказались слова в выступлении учительницы из Перми С. А. Федотовой: «Может быть, стоит сегодня подумать еще об одной резолюции на нашей конференции, отдельной резолюции по проблемам молодежи и повышению роли Ленинского комсомола как политической организации в жизни общества». Ее поддержал Б. Н. Ельцин: «Я бы поддержал предложение о принятии отдельной резолюции по молодежи. Не нам, а ей отводиться и будет отводиться главная роль по обновлению нашего социалистического общества. Надо смело приучать ее руководить процессами на всех уровнях, надо смело отдавать целые пласты руководства всех абсолютно рангов молодежи». Однако отдельной резолюции по молодежи не было принято. Июльский Пленум ЦК КПСС рекомендовал Верховному Совету СССР, который предстоит избрать в апреле 1989 года на съезде народных депутатов СССР, развернуть работу над проектами новых законов, в том числе закона о молодежи. Если бы вам предложили принять участие в этой работе, что бы внесли вы в будущий закон?

В. К.: Прежде всего давайте уточним: на конференции о молодежи говорилось не так уж мало. И в докладе М. С. Горбачева молодежи достаточно места уделено, и, хотя не было принято отдельной резолюции, в главную резолюцию по предложениям делегатов включен большой кусок специально о молодежи. Получилась, по сути дела, резолюция в резолюции. И там заявлено определенно о значительной роли нашей молодежи как актива, резерва перестройки.

Ну, а если создавать отдельную, более широкую резолюцию или закон о молодежи, я бы предложил то, о чем говорю и пишу уже много лет, о чем выступил бы на конференции, если бы дали слово: о правовом статусе школьников. Школьники, на мой взгляд, самая бесправная социальная группа в нашем обществе. От них уже требуют — на словах — активной гражданской позиции, но выразить эту позицию, проявить ее не дают многочисленные педагогические и юридические ограничения, запреты. И даже самые передовые педагоги пытаются ослепить ребят сверху: вот я вам дам новый, готовый метод! — и никто не спрашивает у самих детей: а что же им нужно?..

Много красивых и правильных слов говорится сегодня о школьной реформе. Слова, слова... Прогрессивным было выступление на конференции председателя нового Госкомитета по народному образованию Г. А. Ягодина. Кстати говоря, о многих школьных проблемах я надеялся побеседовать с ним при встрече, на которую был приглашен. Однако уважаемого председателя не оказалось в его кабинете в им же назначенный час. Мне сообщили, что он отдыхает дома. В ответ на телефонный звонок секретаря он отослал приглашенных им людей к своему заместителю. Но у того дверь оказалась закрыта. Так и не удалось мне подпитаться новыми педагогическими идеями в новом педагогическом Госкомитете. И потому мне трудно принимать на полную веру прогрессивное выступление т. Ягодина с высокой трибуны. Слов хороших от наробразовского руководства я наслушался вдоволь, а вот дел хороших не видал. Нельзя же считать хорошим делом экзамены с третьего класса!

В общем, я считаю совершенно необходимым ввести в свод государственных законов строго юридически обоснованные положения о правах учащихся и их родителей.

М. М.: Я тоже уточню. Меня как комсомольского работника насторожило отсутствие в Тезисах ЦК КПСС к XIX партконференции специальных положений о молодежи. В ЦК ВЛКСМ перед началом конференции именно уральцы впервые предложили принять отдельную резолюцию по молодежи. Нас порадовали услышанные в докладе М. С. Горбачева слова о молодежи. Но вот получаем проекты резолюций — молодежной нет. Мы, комсомольские секретари, записку Михаилу Сергеевичу: нужна ли отдельная резолюция по молодежи, или широкий раздел в основной, — это и было принято.

Принять участие в создании закона о молодежи мы все просто обязаны, не надо ждать особого приглашения. И мы должны заглядывать еще дальше. Закон о молодежи — только первый этап. Необходима разработка в государственном масштабе широкой молодежной политики на законодательной основе. Множество проблем, с которыми ежедневно сталкивается молодежь: работа, быт, досуг — решаются пока плохо. Требуется законодательно закрепить положение комсомола в политической системе общества. Он должен быть самостоятельным, участвовать в формировании политики государства. Пора окончательно восстановить ленинские традиции отношения партии к комсомолу: не как строгий отец к невоспитанному сыну, а по-товарищески уважительно. Будем надеяться, что эти проблемы не обойдет обещанный Пленум ЦК КПСС по молодежи.

УРАЛЬСКИЙ

# Следопыт



## 10 '88

### В НОМЕРЕ:

МОЛОДЫМ ВЕЗДЕ У НАС ДОРОГА! Беседа с делегатами XIX партийной конференции . . . . .	1
Подписка-89. БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ . . . . .	2
С. Корниенко ОСТРОВ КОЛЮЧИН . . . . .	4
Ю. Бриль ПИР КОРОЕДА . . . . .	6
А. Ильяхов У НАС ОДИН КОРАБЛЬ — ЗЕМЛЯ . . . . .	20
Е. Бабкин ДИАЛОГИ . . . . .	20
И. Дуэль У САМОГО БЕРЕГА БУХТЫ . . . . .	24
Н. Широкова СВОБОДНЫЙ ВХОД С ВЫХОДОМ НИКУДА! . . . . .	29
З. Востоков ЗЛО ОТ БУМАГ . . . . .	31
Е. Лизунова ПРИНЦ ЗИГФРИД ИЗ ОХИ . . . . .	31
В. Курикалов ПЕРЕХОД ИНЖЕНЕРА СЕЗИНА . . . . .	32
Г. Халюзов С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ... . . . .	33
А. Демидов, Ю. Каплунов СТИХИ . . . . .	33
В. Хатунцев ОХОТА В ЛЕС! . . . . .	34
Н. Семченко ТАИНСТВЕННЫЙ КОРЕНЬ ЖИЗНИ . . . . .	44
Е. Бугаенко ЧУДО-ЧУДИЩЕ МОРСКОЕ . . . . .	45
С. Вахрин ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ . . . . .	46
Н. Андреева КАЮТ-КОМПАНИЯ СЕРГЕЯ ШЕВЕЛЕВА . . . . .	47
С. Васильев ГЛАЗ БУРИ . . . . .	48
Л. Бланк КУДА ЛЕТЕЛА КАЙРА!.. . . . .	49
А. Гушин АЛЛЕИ КОМАРОВА . . . . .	49
Н. Митина ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО — КНИГА . . . . .	50
В. Семенчик Я ПАМЯТЬ НА ДЕТСТВО НАСТРОЮ... Стихи . . . . .	51
КРАВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА . . . . .	52
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Худяков КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА . . . . .	55
ЗАОЧНЫЙ КЛФ . . . . .	63
К. Зиганшин ЩЕДРЫЙ БУГЕ. Повесть . . . . .	65
МИР НА ЛАДОНИ . . . . .	80

ЛИТЕРАТУРНО-  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ  
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА  
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР  
СВЕРДЛОВСКОЙ  
ПИСАТЕЛЬСКОЙ  
ОРГАНИЗАЦИИ  
И СВЕРДЛОВСКОГО  
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ  
С 1 АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК  
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ  
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

### Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН  
(главный редактор),  
Евгений АНАНЬЕВ,  
Виктор АСТАФЬЕВ,  
Виталий БУГРОВ,  
Муса ГАЛИ,  
Юний ГОРБУНОВ,  
Герман ИВАНОВ,  
Сергей КАЗАНЦЕВ  
(ответственный секретарь),  
Владислав КРАПИВИН,  
Юрий КУРОЧКИН,  
Давид ЛИВШИЦ  
(заместитель главного  
редактора),  
Николай НИКОНОВ,  
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,  
Анатолий СЕМЕРУН,  
Константин СКВОРЦОВ,  
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор  
Евгений ПИНАЕВ  
Технический редактор  
Людмила БУДРИНА  
Корректор  
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:  
620219, г. Свердловск,  
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в  
Телефоны отделов:  
51-55-56 (писем,  
молодежных проблем),  
51-22-40 (секретариат),  
51-09-71 (фантастики, прозы  
и поэзии),  
51-53-20 (науки и техники,  
публицистики),  
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати».

Сдано в набор 12.08.88.  
Подписано к печати 29.08.88.  
НС 11032.  
Формат бумаги 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Высокая печать.  
Усл. печ. л. 8,82.  
Уч.-изд. л. 12,8.  
Усл. кр.-отт. 11,34.  
Тираж 480 000.  
(1-й завод: 1—250 000).  
Заказ 465.  
Цена 40 коп.  
Типография издательства  
«Уральский рабочий»  
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки репродукция с картины художника Гиви Манткова «Боцман в отпуске».

# БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Шквал читательских писем и звонков обрушился на нашу редакцию в начале августа: «Что случилось с подпиской на 1989 год? Почему вы обманываете нас, сообщая на первой странице каждого номера, что подписка на «Уральский следопыт» принимается без ограничений?! Помогите выписать ваш журнал!!»...

Зоя Пименовна Латыш из Харькова пишет: «Я одна сына воспитала. Были такие трудные годы, когда на подписку вашего журнала сын собирал из денег на обед... Он вырос хорошим человеком, я уверена, и благодаря «Комсомольской правде» и «Уральскому следопыту»... Сын сейчас служит в рядах Советской Армии, учится Родину защищать. Уже много раз напомнил о подписке на журнал. А дома его ждет предательство: писать, что подписка не ограничена, а потом отказать... Без журнала ни он, ни я не умрем физически, но моральная смерть может быть: много красивых слов о перестройке, о воспитании молодежи, о долге перед Родиной — во все это вера утрачивается...»

Жанна Сандовна Козлова из Туркмении: «Я предпочла бы лишиться всей подписки вообще, только бы я смогла подписать «Уральский следопыт»... Я вообще не понимаю, почему лимитируют именно те издания, которые популярны у читателей...»

Валерий Иванович Савенков из Красноярска: «В протест против «ограничения на подписку» высылаю ваш абонемент... Считайте, что одним (а точнее, семьей из 4-х человек) читателем стало меньше... Ограничения в подписке, ограничение в информации — есть борьба тех сил, которые против перестройки всей нашей жизни. Именно знания, большой кругозор дают сильный импульс в борьбе, в борьбе за движение вперед...»

Ох, достаточно! Лицо горит от пощечин... Теперь давайте разберемся, заслужила ли редакция их.

Известие о том, что наш журнал, ВОЗМОЖНО, будет лимитирован, мы получили по неофициальному каналу буквально за несколько дней до начала подписки. Официальные органы так и отмолчались на этот счет, окончательно цифру выделенного нам тиража мы не знали даже 30 августа. Только благодаря собственной настойчивости нам удалось в начале августа ознакомиться с приказом № 315 Министерства связи СССР, в котором перечислялись более сорока лимитируемых изданий, среди них и «Уральский следопыт». Приказ был подписан 20 июля. Пока он дошел до местных отделений «Союзпечати», подписка уже началась. Почему он не был вовремя опубликован? Не знаем, как в других городах, а в Свердловске самодельные объявления с «лимитными» списками — где неполными, где искаженными — появились как минимум к концу первой подписной недели, когда в большинстве почтовых отделений подписку приостановили: работники почт, «Союзпечати» сами не знали, какие тиражи выделены тем сорока газетам и журналам. Определяют же эти цифры не редакции, не «Союзпечать», а ведомства иные...

В начале августа уже шло полным ходом печатание тиража восьмого номера «Уральского следопыта», двумя неделями раньше была подписана в печать верстка номера девятого: мы просто не успевали убрать с первой страницы и из рекламных объявлений слова, к которым так привыкли за последние годы: «Подписка принимается без ограничений...» Из-за долгого (иначе технология не позволяет) цикла производства мы только сейчас получили возможность объясниться с читателями (на все письма о подписке редакция отвечала сразу же). Надеемся, теперь вы разберетесь, Зоя Пименовна, Валерий Иванович, и

другие, что ваши обвинения были направлены не по тому адресу. Редакция не решает вопрос об ограничении подписки на свое издание, а если бы ей было дано такое право — кто ж рубит сук, на котором сидит?! Можно сказать и так: кто режет курицу, которая несет золотые яйца? Ведь вы, наши подписчики, заплатив деньги вперед за журнал, внесли в кассу Госкомиздата СССР и в государственный бюджет столько, что после вычета всех расходов — от оплаты бумаги и полиграфического труда, зарплаты сотрудникам редакции, гонорара авторам (два последних расхода — самые мизерные) и до цены канцелярских скрепок, лежащих на наших столах, — после всего этого остается чистойшей прибылью почти миллион рублей! Мы, редакция, не имеем от этого миллиона ни копейки и не знаем, в какую бездонную бочку проваливается он. Может быть, есть возможность на эти самые деньги — ваши деньги, читатели, — закупить хотя бы за рубежом бумагу, из-за нехватки которой, как объясняет неизвестный вам приказ № 315 Минсвязи СССР, и лимитированы четыре десятка изданий. Из которых, кстати, наш журнал со своим миллионом — чуть ли не самый бедный, остальные ворочают прибылями в десятки раз большими.

Из тех наших сорока товарищей по несчастью больше всех повезло, пожалуй, журналу «Москва»: его подписчикам 1988 года дано право первоочередной подписки на 1989 год. Это понятно и справедливо — «Москва» начала печатать «Историю государства Российского» Карамзина, рассчитав всю публикацию на три года. Но ведь и у нас только в 1989 году закончится трехлетняя публикация романа Владислава Крапивина «Острова и капитаны». Как быть тем, кто не получит окончания романа? — спрашивает И. Е. Шутова из Йошкар-Олы. Мы не можем ответить на этот вопрос. Наверное, нам надо было позаботиться об этом раньше, как смогли это сделать коллеги из «Москвы». Мы не смогли, в этом — да, виноваты.

После драки, говорят, кулаками не машут. Когда вы получили этот номер «Уральского следопыта», лимит подписки на него давно закончился. Пытаясь сохранить социальную справедливость (чтобы не весь лимит достался 18-миллионному управленческому аппарату, еще не сдавшему многие свои привилегии), «Союзпечать» передала 90 процентов лимита общественным распространителям на рабочие места. Но как быть той же И. Е. Шутовой, которая «сидит дома» с новорожденным малышом? Да мало ли среди наших подписчиков молодых мам-домохозяек, пенсионеров...

Мы не можем помочь подписаться на «Уральский следопыт» даже самым давним друзьям-читателям, даже тем, кто, отчаявшись, прислал нам в конвертах по пять рублей, как, например, С. К. Рыбченкова из Ленинграда. Она пишет: «Вы — последняя инстанция!» Увы, Светлана Константиновна, мы сами, ей-богу, «сапожники без сапог». И в деле подписки мы — инстанция никакая... Как вас, так и нас никто не спрашивал, принимая решение о лимите. Вот и получились мы все вместе — без вины виноватые...

И в заключение — еще одно письмо. «Здравствуйте, дорогая редакция! Я воевал в Афганистане. Были и тяжелые бои, была и радость, что наконец война закончится. Но этого момента я не дождался. С тяжелым ранением был отправлен в Сюз. Врачи долго боролись, но ноги у меня не ходят. Хорошо еще, что жива старенькая мать. Когда меня доставили домой, как же она радовалась, а я не мог удержаться слез... Тяжела жизнь у инвалида, но и в ней есть маленькие радости. Я попросил выписать журнал «Уральский следопыт». Люблю ваш журнал. Но... отказали маме наотрез на нашей почте. И удостоверение инвалида войны не помогло... Высылаю вам 5 рублей, надеюсь... Александр Скоторенко, Калуга».

Мы отправили начальнику 6-го отделения связи г. Калуги официальное ходатайство — напоминание о правах воина-интернационалиста. Все, что могли. Надеемся, поможет. Обращаясь к остальным друзьям журнала, с которыми придется расстаться в 1989 году, с искренними извинениями (хоть кто-то должен это сделать!), мы говорим: будем надеяться на лучшее. Ведь не последний год живем...

РЕДАКЦИЯ

**В. К.** Закон о молодежи должен учитывать интересы граждан СССР не только комсомольского возраста. У нас есть граждане и помладше. Проблемы детства, как раз о которых немного говорилось на Всесоюзной партийной конференции, остаются не менее острыми, чем проблемы подростков и юношества. В стране около 50 миллионов детей, из них 20 миллионов состоят в пионерской организации. Это детская коммунистическая организация, можно сказать, младший отряд комсомола. Но она не имеет возможности принимать решения по проблемам детства, она не самостоятельна, жестко «приписана» к школе. В этом, между прочим, вина комсомола, который со вздохом облегчения сбавил свою же смену под охрану «воспитателей», вооруженных казарменными инструкциями. Политическую роль, самостоятельность пионерской организации надо поднимать. Вот почему на обсуждении основной резолюции конференции я поднял свой красный делегатский мандат: «Прошу слова!». И предложил несколько строк о пионерии (раньше она была названа лишь в перечислении). Эти строки полностью, без изменений включены в основную резолюцию конференции. Делегаты меня поддержали.

**М. М.:** Да, поддержали абсолютным большинством, в отличие от нескольких других поправок и дополнений, которые «прокатывали» 99 процентов делегатов.

**В. К.:** А практическим воплощением этих строчек должна стать перестройка в областной пионерской организации. С чего начать? Ответ давно дан В. И. Лениным: с газеты. До войны в Свердловске наряду с комсомольской «На смену!» выходила и пионерская газета «Всходы коммуны». Можно ее восстановить с тем же названием. Эту идею поддерживают в Центральном совете Всесоюзной пионерской организации. Вот только руководитель областной комсомольки что-то колеблется...

**С. К.:** Ну, может, здесь договориться?

**М. М.:** Двое на одного... У меня старший сын пионер. Не замечаю, чтобы он зачитывался той же «Пионерской правдой». Робкая газета, неохотно дает современные, острые материалы. Сможем ли мы сделать «Всходы коммуны» интереснее, боевитее?

**В. К.:** Силы для этого в области есть, и достаточно подготовленные — юнкорское движение, студенты-журналисты, наш пресс-центр журнала «Пионер» «Каравелла» подключится обязательно.

**М. М.:** Ладно, посмотрим, что даст эксперимент — пробные номера, подготовленные как приложение к газете «На смену!».

**В. К.:** Не надо увязывать судьбу газеты с пробными номерами. Силу инерции надо учитывать. Ведь читатели могут побойться, что это — очередная навязанная кампания. А могут и — на ура. Так что пробные номера — не гарантия. Нужна планомерная, постоянная работа. Пионерская газета может стать массовым вожаком, прожектером пионерской перестройки.

**М. М.:** Договорились, попробуем. У обкома ВЛКСМ тоже есть желание восстановить пионерскую газету. Просто одного желания мало.

**В. К.:** Поможем.

**С. К.:** Мне видится в этой ситуации один из ярких признаков перестройки. Мыслимо ли было лет десять назад прийти в обком комсомола с идеей и не резолюции просить и дожидаться, а предлагать обкому свою помощь! Инициатива снизу и партнерство в решении молодежных проблем — вот чего не хватало руководящим комсомольским органам. А то привыкли: зародить в кабинетах «инициативу», «почин», спустить вниз и там — хоть трава не расти. Немудрено было потерять доверие масс, а отвоевывать его — ох как трудно... Помнится, в конце 70-х на заседание бюро Свердловского горкома ВЛКСМ пришел Евгений Королев со товарищи — оргкомитет МЖК. Помню его недоверчивый, хмурый, исподлобья взгляд: он явно нужденно явился на еще одну, очередную бесполезную инстанцию... Алексей Царегородцев, тогда первый секретарь

горкома, разглядел большое будущее этой инициативы, задуманной не в его кабинете. Он стал ярким защитником этой идеи, помог, при поддержке первого секретаря обкома партии Бориса Николаевича Ельцина, довести дело до победы. Сопротивление было немалое. Как же! Своими руками отдать молодежи хоть кусочек, но ведь самой основы «взрослой» власти — распределения материальных благ, причем первой необходимости — жилья... Пришлось отдать — и мир не перевернулся, и социализм только крепче стал. Есть ли сегодня подобный пример поддержки местным комсомолом инициативы снизу? Хотя сегодня это сделать легче, однако, мне кажется, многие комитеты ВЛКСМ выбирают путь наименьшего сопротивления: организуют дискотеки, рок-клубы и другие развлекательные мероприятия, торопясь собрать плоды дешевой, а потому быстро преходящей популярности...

**М. М.:** Действительно, ряд комитетов комсомола пошли на поводу у поверхностных запросов молодежи и становятся массовиками-затейниками, забывая о том, что они — политический орган. Но ведь такое — тоже отрывка прошлого, когда комитеты ВЛКСМ ничего серьезного, основательного сделать не могли, в их карманах пошвыстывал ветер. Перестройка дала много прав комсомолу, в том числе экономические, и задача комсомольских организаторов — добиваться воплощения этих прав в жизнь. По закону о трудовом коллективе комитеты комсомола имеют право вносить в коллективный договор свои пункты: о распределении жилья, мест в дачах и т. п. По закону о государственном предприятии комсомольская организация может решать молодежные проблемы и за счет общего фонда социального развития, вправе расходовать и часть прибыли предприятия. После XX съезда ВЛКСМ первичные организации получили право не только зарабатывать деньги, но и самостоятельно тратить их — на свои нужды. Только в таких условиях появились возможности для создания хозрасчетных центров НТТМ, фондов молодежных инициатив. Хозрасчет в комсомоле — экономическая гарантия поддержки инициатив снизу.

**С. К.:** Беседа наша продолжалась. К сожалению, мы не могли уделить ей больше места в нашем до сих пор тонком журнале. Гости редакции... впрочем, извинюсь, кого это я назвал гостями? В. Крапивин — член редколлегии «Уральского следопыта», М. Матвеев — руководитель областного комитета ВЛКСМ, органом которого является наш журнал; обком, особенно в последнее время, много помогает своей редакции в ее заботах... Итак, наши коллеги рассказывали о том, как проходила Всесоюзная партийная конференция, сошлись на мысли, что многое высказанное на ней надо обдумать, а не принимать категорично «за» или категорично «против», хватило нам по прежним временам категоричных «единодушных» мнений и «единогласно» принятых решений, надо учиться заставлять себя сомневаться... Главный же вывод нашей беседы: XIX Всесоюзная конференция КПСС дала гарантии необходимости перестройки, в том числе в комсомоле. Успех дальнейшего — в руках каждого из нас. За работу!

## МОРСКОЙ ТЯЖЕЛОВЕС

Супертраулер? Плавбаза-гигант? Огромный ролкер?.. И ни то, и ни другое, и ни третье — это просто сравнить не с чем.

Первый в СССР перевозчик плавучих буровых установок и крупногабаритных тяжеловесных грузов получил название «Траншельф». На рейде Корсаковского порта это необычное судно заинтересовало даже выдавших виды мореходов. А прибыло оно в распоряжение Дальневосточной морской нефтегазоразведочной экспедиции глубокого бурения.

Судов подобного типа во всем мире не наберется и десятка. Построено судно в Финляндии, оснащено самым современным навигационным оборудованием, спутниковой связью и... настоящей, финской сауной.

«Траншельфу» уже приготовили работу: он повезет на своем «горбу» установку «Шельф-6» от Сахалина к берегам Социалистической Республики Вьетнам. Не будь нового судна, — к буксировке пришлось бы привлечь три вспомогательных, и тянули бы они туда буровую около месяца. А новичок выполнит эту сложную операцию за двенадцать дней.

В. АРНАУТОВ

## ГДЕ ПРИЗЕМЛИТСЯ «ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА»?

Архитекторами Северного Сахалина предложен проект четырехквартирного дома с зимним садом. Эскизный проект был отмечен премией Всесоюзного конкурса на разработку жилых домов для строительства в районах Крайнего Севера. Дефицит общения, по мнению архитекторов, главный источник многих бед. И дом, зимний сад с внутренней галереей, куда выходят двери всех квартир, должен стать центром, объединяющим живущих в нем людей. Причем квартир можно компоновать и гораздо больше. Такой дом напоминает по форме «летающую тарелку». Он удобен для строительства в небольших поселках, на нефтеразведках, и в принципе годен для строительства на базе МЖК.

Сахалинские геологи уже заказали два таких дома. А горком комсомола в Охе предложил место будущей застройки — на берегу залива Кеуту. Место это очень суровое, на берегу Охотского моря, и вновь спроектированный дом должен еще доказать, что способен создать высококую комфортность проживания в экстремальных условиях.

Н. ГАЛИНА

## «ИЗ ПЕНЫ МОРСКОЙ РОДИЛАСЬ АФРОДИТА...»

Лаборатория по изучению морской пены есть в Одесском отделении Института биологии южных морей. Были проведены исследования в разных районах Мирового океана — в Персидском заливе, у берегов Антарктиды и Экваториальной Африки, в открытой части Тихого океана. Совместные исследования одесских и дальневосточных ученых подтверждают, что живые существа всеми силами стараются остаться у поверхности пленки: в пене живут бактерии, личинки моллюсков, червей и рачков, икра и мальки некоторых рыб. В пене обнаружилось много питательных веществ — фосфор, аминокислоты, витамины... Пена — колыбель жизни!

Работы исследователей имеют не только важное научное значение, но и представляют практический интерес. Разбавленная пена оказалась прекрасным стимулятором роста. Ячмень, кукуруза, овес, пшеница, политые водой с добавкой пены, растут гораздо быстрее, чем обычно. А некоторые люди считают купания в морской пене целебными... Не зря же древние греки вывели именно из морской пены свою богиню красоты!

Б. РОЗИН

# ОСТРОВ

Сергей КОРНИЕНКО

До острова было мили две. По каналам чистой воды среди льдов наша баржа пробиралась к острову Колочин. Каждому острову, как и кораблю, присущ свой отличительный признак. И если наш пароход плывет под флагом «браво», что означает наличие на борту огнеопасного груза, то у острова Колочин имеется свой опознавательный знак — Флюгер Вильда с Розой Ветров. Он установлен на самом высоком месте острова, бог знает с каких времен, — этот покосившийся столб с вбитым в него металлическим стержнем, на котором нашлось место и восьми лучам Розы Ветров, и двум флюгерам.

Мы выгрузили треклятые бочки с соляжкой и поднялись наверх по крутой каменной тропе, чтобы посмотреть, как живут полярники на этом диком камне, вылезшем из вод мелкого Чукотского моря. Ведь не моржи же они, не тюлени эти люди, не ссыльные. И не старатели, которые разгребают золотую жилу... Кто же они? Какие?

В ветхом доме, в рабочей комнате с рацией, которую полярники упорно называют по-морскому радиорубкой, мы смотрели фотографии из архива зимовщиков Моржи на льдинах, белый медведь прямо на площадке, черные пароходы среди льдов и какие-то веселые люди в мохнатых шапках, скорее всего моряки, вертолетчики и кто-то еще из заплывших или залетных.

Начальник полярной станции Юрий Данилович Ежов понимал, что времени у нас не густо, и потому спешил показать как можно больше, чтобы мы хоть отчасти поняли жизнь на этом крохотном пятнышке суши, а значит, и их, полярников, жизнь. Кроме фотографий на столе были собраны все богатства острова: полупрозрачные халцедоны и сердолики, моржовые зубы и обломки клыков, выброшенные морем. Самые

## ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ

Газета «Красная звезда» за 1923 год так рассказала о последних часах жизни Сергея Лазо: «Товарищи Лазо, Луцкий и Сибирцев, находились в помещении следственной комиссии. Арестованные охранялись с усиленной бдительностью. Несмотря на караулы, некоторым заключенным удалось бежать. Представилась возможность ухода и Лазо — бежать ему предлагал товарищ Колесниченко, приезжавший в заключение вместе с иностранным представителем. Лазо сказал, что примет это предложение только в том случае, если будут выведены все члены Военного совета. Всех же вывести одновременно, очевидно, не представлялось возможным...»

Первый памятник герою гражданской войны Сергею Лазо был поставлен во Владивостоке, в сквере возле театра. В августе 1945 года, когда в городах и селах Приморья было объявлено военное положение, сходство исторических ситуаций всколыхнуло и память о герое, павшем от рук самураев. И именно в августе 45-го было принято решение установить памятник во Владивостоке.

В честь сорокалетия Советской власти, уже в 1957 году, поставил у себя памятник герою гражданской войны еще один приморский город — Партизанск.

Э. БОНДАРЕВА

# КОЛЮЧИН

молодые полярники Андрей Меринов и Костя Карпенко принесли из кладовой несколько кайровских яиц — больших, зеленовато-голубых, с темными метками...

Замечательный это был стол — без привычной снеди накрытый для глаз и души! Мы не успели толком рассмотреть все эти сокровища, а Ежов почти приказал нам:

— Берите на память что хотите...

Он знал, что ни в каком киоске не купишь таких сувениров.

...На вид Ежову лет шестьдесят, и никак он не походил на полярника в идеальном нашем понимании: этаким дуб несогбенный, весь в коже и мехах, с квадратным подбородком и мужественными складками возле губ... Наоборот: очень невыигрышная фигура была у Ежова, да и весь вид: ботинки из грубой кожи, брюки какие-то жеваные, рабочие, пиджачок куцый и шапка зимняя, казенная, с кожаным верхом. И только в широких жестах, внутреннем достоинстве и уверенности в себе угадывалась натура сильная и незаурядная.

Оказалось, Ежов отдал Арктике тридцать пять лет жизни.

— Два года назад распрощался с Севером, уехал в Москву, у меня там квартира. Но не смог в большом городе приспособиться... Жизнь там со всех сторон обижает. А заповедников для нас, северян, пока не строят...

Если у кого-то к исходу пути в послужном списке на первом месте значатся должности, награды и звания, то у полярника Ежова годы жизни упрятаны за географическими названиями, теми точками на карте, где довелось ему зимовать. Остров «Правды» в Карском море, мыс Желания на Новой Земле, бухта Тихая на Земле Франца-Иосифа, мыс Болвановский Нос на острове Вайгач, мыс Харасавэй, мыс Мерессала, мыс Белый Нос, остров Виктория...

Да... тесно после всего этого в городской квартире.

## ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Президент японского агентства «Кокусай боэки цусин» господин Цучия Юго вручил специальные призы группе работников ресторана «Интурист» в Хабаровске — за успехи в приготовлении блюд по рецептам японской кухни. Два дня в залах ресторана «Интурист» проводился конкурс поваров. Один из столов в зале назывался «японский». Блюда — соба, ромэн, темпура, сазан запеченный — готовила группа под руководством Зинаиды Склярской.

Ресторан «Интурист» первым в Хабаровске ввел в меню экзотические блюда соседних стран. А в прошлом году открылось кафе «Восточное». Здесь предложат кимчи — капусту с острейшими приправами, манты, рисовые сладости и другие блюда корейской кухни. Кафе — кооперативное. Чтобы не зависеть от рынка, кооператоры создают свое подсобное хозяйство, где будут выращивать овощи.

Ведутся переговоры с представителями соседней китайской провинции Хейлунцзян об открытии в Хабаровске ресторана китайской кухни, а в Харбине — ресторана русской кухни.

Б. ИВАНОВ

## ДЕДУШКИНЫ СКАЗКИ

Эпилючин стар, а его родное село Ваеги молодо. Бегают внуки в школу, уезжают учиться в города. Болит сердце у Эпилючина — все меньше молодых парней остается в тундре пасти оленей. Болит сердце — забывают они родной язык... Как передать им душу народа, как сохранить для них все, что испокон веков было дорого?

Первые свои сказки Эпилючин рассказал внучатам. Что видел, прожил, продумал и придумал — все складывалось в красочную историю. А потом Эпилючин некоторые свои сказки записал. И принес в Ваежский фольклорный ансамбль «Тополинка».

Недавно по одной из сказок поставлен спектакль «Черт, владыка и ребенок». О чем она? О вечном... О том, что скоро прилетят птицы, и тундра раскинется под ногами пушистым ковром, у мирного очага соберутся гости, и северный олень будет радоваться солнцу.

Бегут стайками ребятишки к клубу: «Сегодня дедушкину сказку покажут!» И старый сказочник улыбается: придумал все-таки он, куда вложить душу, чтобы чукчи ее не потеряли.

Г. НАДИЕВА

## ПИХТОВОЕ МАСЛО... ИЗ ОТХОДОВ

Когда заготавливают древесину, почти все стараются пустить в дело: древесная «мелочь» идет на товары народного потребления, корни — на изящные поделки, хвост — на растопку... А что делать с хвойной лапкой?

До нынешнего года она шла в отходы, за исключением той малой части, что скармливалась в качестве витаминной добавки крупному рогатому скоту. Между тем в хвое пихты — целые кладовые пихтовых масел, которые, по мере засыхания срубленных веток, в прямом смысле улетучивались в воздух.

В Красногорском мехлесхозе смонтировали и запустили в работу установку для выпуска пихтового масла. С тонны хвойной лапки выход «чистой» продукции составляет всего десять килограммов. Но расфасованные 50-граммовые упаковки на прилавках ничуть не залежались, и выгода предприятию оказалась хорошая.

Блинов на пихтовом масле не испечешь. Используется оно не в кулинарных, а в медицинских целях: целебные свойства хвои, пихтового масла известны издавна. А кроме того, добывается побочный продукт — флорентинская вода для добавки в рацион домашних животных. Соседи сахалинцев хабаровчане уже попробовали ее и утверждают, что сохранность молодняка значительно повысилась.

Н. ДАНИЛОВА

## МАСШТАБЫ ЭГВЕКИНОТА

Удивительный поселок — Эгвекино. Он встречает солнечными лучами, которые отражаются от заснеженных склонов и преломляются в водах залива Креста, создавая картину неповторимую и радостную. А войдешь в сам поселок — тоже посветлеешь лицом... Доска на центральной улице гласит: «Улица Ленина — от Тихого до Ледовитого». Подивись, потом выедешь за поселок и увидишь большую металлическую арку с надписью: «Северный полярный круг».

Такие масштабы у Эгвекинота — одного из крупнейших портов на северо-востоке страны, который дает начало почти тысячекилометровой трассе, протянувшейся от Тихого до Северного Ледовитого океана...

В. ГЕНДЛИН



Даешь Магнитку! Даешь Комсомольск! Даешь БАМ! Даешь Тюмень...  
 С какими лозунгами идем мы сегодня на всесоюзную стройку? Нет ли профанации героизма в нашем, ставшем уже безоглядным, «наступлении», когда изначально не учитывается ни экономическая, ни экологическая информация? Опыт ударных строек, со всеми их проблемами и бедами, печально материализовался в одном из последних адресов — Тамбовка. Стоп!.. Дальний Восток — дальше двигаться некуда.

# ПИР КОРОЕДА

Юрий БРИЛЬ

Кто-то невидимый взмахнул палочкой — призывная барабанная дробь пробила тишину: строим новый город на Амуре, город XXI века! И откликнулась молодежь — со всех концов страны обрушились письма на Хабаровский крайком комсомола, на штаб ЦК ВЛКСМ. Кто сказал, что наша молодежь безынициативна?!

«Хочу строить город своими руками и жить в нем».

«Беру «Комсомолку» — здесь стройки, там стройки, бойцы ударной, митинги, ощущение историй — и реву белугой от своей сытой, тихой, размеренной жизни... Страшно сознавать, что прожила двадцать пять лет и не сделала ничего нужного, полезного. Знаете, когда прочитала о вашей стройке, чуть не задохнулась от радости...»

«Живу в благоустроенной квартире, на работе чай распиваю, слушаю сплетни. Что я своим детям рассказывать буду? Как-то на работе у меня поднялась температура. Расплакалась и думаю: как же Павка Корчагин, больной тифом, стоя в ледяной воде, вылавливал онемевшими руками бревна?...»

Январские морозы, июльская жара, мошка —

ничто не пугает. Трудности — это даже хорошо! Привычен нам портрет молодого строителя с закуржавленной инеем бородой на первой полосе «Комсомолки»... В общем, так: самоотверженность, энтузиазм, готовность к трудовому подвигу — и где-то очень мелко, постскриптумом, практические вопросы: зарплата, коэффициент, квартира.

Увидеть бы эту замечательную молодежь! Да что увидеть — самому взять в руки молоток, мастерок или лопату, что доверят; а то ездить журналистом, все с налету, с наскоку... Сборы недолги. Сапоги пригодятся, возьмем с собой, спецовку там выдадут, а удостоверение — подальше, на самое дно переметной сумы. Будет о чем — напишу.

Дальний Восток давно не кажется дальним, немало здесь прожито. Стою на палубе «Семена Дежнева». Начало лета, лучшая здесь пора. Жара не изнуряет, влажный воздух с Амура приносит прохладу. Сопки по берегам ослепительно зелены. Уходить с палубы не хочется: плыть бы да плыть... Но



вот дохнуло металлической гарью — знакомые трубы Комсомольска. Отсюда до Нижней Тамбовки километров сто с небольшим.

— Та самая Тамбовка, где строят завод азотных удобрений? — У трапа стоят несколько пассажиров. Одного, в выгоревшей энцефалитке, с обожженным солнцем лицом, я давно заметил — бывалый, по все-му видно.

— Не будет завода. И города тоже, — вскинул бывалый белые перышки бровей. — Запретили стройку.

— Вот и слава богу! — перекрестилась бойкая старушка.

Теплоход причалил, и я сошел на берег. Сошел один, а навстречу по сходням поднялись трое. Это соотношение, один к трем, как и странное заявление бывалого, насторожили, но я тотчас успокоил себя: только два дня назад видел в крайком комсомола стенд, посвященный будущему городу на Амуре. Фотографии бойцов ударной стройки и обязательные слова под ними об эстафете поколений. Мало ли что болтают!

Не спрашивая, в какой стороне поселок строителей, доверяясь интуиции, иду по галечному берегу. Дома старые, но добротны и крепки. В каждом дворе непременно банька. Переваливается через палисадник черемуха, в огородах картошка, кусты сливы, смородина. Впереди прорезает поросляче семейство: родительница-свинья вразвалочку подошла к столбу, деловито почесалась, съехала в кювет, похрюкивая, принялась вспахивать землю, поросята — за ней. Пробежал стороной табунок лошадей, и рыжий плюшевый жеребенок, приветливо приподняв хвост, уронил мне под ноги «каштаны». Близ залива пасутся коровы. Еще бы пастуха с дудочкой — и очаровательная бухгалтерская картинка вместо всесоюзной ударной... На БАМе бывало по-другому: за многие километры слышишь, как простреливается тайга лязгом и грохотом: ясно — десант, ясно — идет наступление...

Поселок строителей расположился как раз за селом. Вагончики, «гепедушки», несколько одноэтажных общежитий. Похоже на бамовские временные поселки, но как-то тусклее. А вот контора СУ-12 — генподрядчика стройки. Тут обязательные стенды, лицо рабочего человека на плакате, открытое, честное, хотя и не обремененное мыслью. Выцветший флажок, поднятый в честь бригады-победительницы, правда, какой — не ясно. Стало быть, никто стройку не запретил — врал бывалый. Контора, кстати, открыта: народ в отделе кадров. Стою с заявлением, а трое, что впереди, — с обходными. Опять один к трем...

Понемногу начинаю знакомиться с людьми, надеясь встретить тех, кого уже знаю по письмам. Желающих попасть на стройку было хоть отбавляй, многим отказано. Приезжали самовольно, жгли костры, надоедали начальству — и уезжали ни с чем. Лучшие из лучших нужны!

В первый же день познакомился с Папашей. То, что он «лучший из лучших», поручиться не могу, но то, что просто хороший человек, — сомнений нет. Папаша — глава армянской артели. В артели зять, дочь и соседи. Мужчины — каменщики и монтажники, дочь «варит кушать», стирает рубашки. Внуки тоже приехали строить город: одному шесть, другому годик. Папаша сидит на лавке возле гостиницы, на нем голубая майка и кавказская кепка, под которой он, как под зонтиком. Почесывает волосатые, жаждущие работы руки, жалуется на расценки. Издалека, из ар-

мянского селения, всё представлялось богаче и щедрее. Мимо проходят монтажники. Один громко, чтобы Папаша слышал, бросает:

— Гад буду, отдадут им наш кран — в ООН буду жаловаться!

Шабашники — такое к ним отношение. Негласная рабочая инспекция приглядывает за ними, и я еще не раз услышу в адрес артельщиков злобные выпады. А внукам здесь хорошо. Тот, что постарше, Артур, нашел себе друга, Сергея Исанца. Мальчишки завели тетрадку, где столбиком выписаны армянские и белорусские слова — иначе как общаться.

С Юрой Сахаровым и Володей Кривченко познакомился тоже в первый день. Несколько дней жили в одной комнате гостиницы, пока нас не расселили в общежитие. Парни прошли БАМ, строили Зейскую ГЭС, глаз у них наметанный и, надо сказать, особо стройку не ругали. Поживем, дескать, увидим. И уж видели, что жить здесь можно. Вернулись из села, где были у прописавшегося там земляка, розовые после баньки. Счищая толстым плотницким пальцем пятнышко на рубашке — икорку ел, капнул, — Юра был доволен собой и всеми: сохранились еще обетованные места, где икру можно есть из тазика...

Но Юра и Володя все же новички. Другое дело — Василий Мефодьевич Гончар. Теперь замещает главного инженера. Он на стройке давно. Письмо его лежит в папке у начальника штаба, деловое, про Павку Корчагина ни слова. С ним я и поделился своим недоумением.

— И кто только эту стройку придумал?! — махнул он рукой и скрылся в конторе, оставив меня в еще большем недоумении.

И что же это за стройка?..

**И** вот я уже в спечовке и вместе с бригадой еду на участок. Проехали по мосту через речушку Хальзан, мимо плаката: «Гордись, тебе поручено строить город на Амуре!». Въезжаем на гору, видны дома — в один этаж, без особых затей. Каких-то там удобств для жителей города будущего не предполагается: туалет на улице, печки, водопровода тоже не будет — только колонки. Вместо гордости — унылое недоумение: это и есть город будущего?.. Не совсем так, поясняют мне. В проекте написано, что поселок временный. А как временный, если собран из постоянных конструктивных элементов? Да и зачем два временных поселка? Нашлись в управлении самостоятельные экономисты, прикинули: первый временный поселок обошелся в два миллиона. На эти деньги можно поставить две девятиэтажки, разом решить все квартирные проблемы. Ну, мы же Дальний Восток, база слаба, отсталые мы, убогие... А поему будем строить еще один временный... В некоторых домах уже живут люди. Возле каждого дома — сарай из бруса. Кто-то держит в сарае свинью, кто-то под баньку перестроил, а у кого-то он так и стоит пустой. Думали ли проектировщики — кто вселится в эти дома? Такие дома строят для переселенцев в сельской местности — там понятно, а здесь?..

В бригаде остались еще старожилы. С их помощью восстанавливаю начало стройки.

Год 1986-й, начало лета. Уже стоит улица вагончиков, построены два общежития. Работавший с 20 января отряд «Приамурский комсомолец» заканчивает последние приготовления к встрече всесоюзного отря-

Пир короле

Юрки Брили

да: выметают строительный мусор, сажают деревья, расставляют в комнатах мебель, врезают замки. Еще не выветрился запах краски, свежего дерева.

Играет оркестр, бухает барабан. Посланцы Украины, Белоруссии, Тамбова, Кузбасса, Воронежца, молодые и красивые, в защитного цвета костюмах, в кроссовках шагают по улицам незнакомых дальневосточных городов... Хлеб-соль, митинги, снова хлеб-соль, митинги, речи, барабан... В Нижней Тамбовке что-то новенькое. Коренные жители Амура нанайцы преподносят большую рыбину, сазан — надо ж такого изловить!

К микрофону вышла Клавдия Никитична Абрисмова. Дед ее, Яков Болдырев, был одним из пятерых мужчин, кто в 1862 году вместе с семьями и всем домашним скарбом, с лошадьми и коровами, проделал путешествие из Тамбовской губернии сюда, на берег Амура.

— Стройте город такой же красивый, как вы сами, — сказала Клавдия Никитична. — Лишнего дерева не рубите, чтобы не пришлось потом садить...

Потом на трибуну взошел Алексей Клементьевич Черный, первый секретарь крайкома партии, прилетел сюда на вертолете ради такого знаменательного случая. Говорит, как всегда, ярко, в присущей ему демократической манере:

— Постройте город и станете химиками, — и делает широкий жест рукой.

Химиками так химиками, с готовностью соглашается большинство. Правда, иные усмехнутся, вкладывая в слово особый смысл. Выяснится, кстати, что за двумя из приехавших тянутся уголовные дела. Участковый инспектор Носов и следователь Ткаченко вообще заподозрят, что сюда, в Тамбовку, отправили кое-кого, от кого хотели избавиться. Исключение — отряд «Приамурский комсомолец». Про него плохого не скажешь. Состав подбирался со всей тщательностью, ребята проходили стажировку в Некрасовке, на своей стройке, где уже с десяток лет работает краевой отряд «Баневуровец». Коренные дальневосточники и сейчас составляют ядро стройки. А так приехали далеко не «лучшие из лучших». Пусть эта издержка будет на совести функционеров от комсомола, кто составлял списки бойцов. Да и вряд ли вообще возможна тщательная селекция. Любая характеристика лжет, кроме той, которую выдаст сама стройка. Она и испытывает характер, и формирует. Возможен взлет, возможно падение.

И все же начало многим нравилось. Стучали барабаны, призывно пела труба. С шумом падали деревья. В азарте первых дней не задумывались, что топор не совсем сподручное средство в эпоху НТР. Впрочем, простреливало воздух несколько бензопил. Эй, кто там с пилой, живо сюда! Ну и дерево!.. Верхушки не видать... Визжит пила, изнемогает. Все глубже и глубже вьедается в дерево, подбирается к самой сердцевине. Ну, ребята, навались, все разом, ну!.. А!

— Так это ж кедр... — глянул Мефодьевич. — Вон ведь что завалили... — И пошел прочь, сутулясь.

Ребята с Украины, Белоруссии, откуда им знать, какой он, кедр... Не отличат бархатного дерева от маньчжурского ясеня. Позже, листовая папка дел в Хабаровской межрайонной прокуратуре, я выпишу в блокнот такие строчки: «...Строительство ведется с грубым нарушением лесного и земельного законодательства. Рубка леса ведется самовольно. Директор Нижне-Тамбовского лесхоза предупредил начальника

SV-12 Ф. Ф. Копия и управляющего трестом № 6 Н. В. Соловьева, однако никаких мер принято не было, незаконные рубки леса продолжаются».

Приехал как-то в Тамбовку корректный, с аккуратной стриженной бородкой человек.

— Нам с вами надо поговорить, — сказал он Федору Францевичу Копию.

— А кто вы такой, чтобы я с вами разговаривал?

— Шишкин Евгений Михайлович, заместитель прокурора по охране окружающей среды, младший советник юстиции. Ваше управление ведет незаконную рубку леса.

— Мне приказали город строить, и я рублю.

— А если прикажут строить дорогу на Луну?

— И буду строить. Я солдат партии.

Так повелось с тридцатых годов: приходили десантниками, завоевателями на свою же землю, получали награды, признание общества. Так было на великих и малых стройках. Главное — строить и построить, а победителей не судят... Все эти «мелкие» грешки простятся. Ради великой цели мы пренебрегали многими «мелочами». Ради счастья девятерых пренебрегали несчастьем одного... Ради справедливого в будущем общества учиняли произвол в настоящем... «Мелочи» прорастали потом в тени «грандиозных» успехов, и теперь, когда мы вдруг прозрели и увидели чудовищные драконовы деревья, ужаснулись: откуда что на нашей прекрасной социалистической почве?

Начало многим десанникам нравилось. И заработок был неплохим. Потом пошел на убыль. Тоже вот «мелочь»...

«Надо же, надо же, надо ж такому случиться... Надо бы, надо бы, надо бы остановиться...» Серега Бородко напевает полюбившуюся песенку и то и дело сплевывает. Напевает и сплевывает — привычка такая. Мы пилим с ним брус для сарая двуручкой, хотя сейчас уже и заключенные отказываются ею пилить — механизацию подавай. Пила нервно дернулась, застряла. Серега склонил голову набок, лениво пропел: «Надо же... Надо же...» Это означало: и где тебя учили так пилить?

— Перекур, — объявляет он. Мы садимся у сарая, стены которого выросли настолько, что дают тень. Жара стоит убийственная, и перекуры всегда кажутся маленькими.

— Было нормально, четыреста в месяц. А потом меньше, меньше... — Он сплевывает. — Тут как раз шабашка подвернулась в рыбоопе. После работы — машина, возит на объект, всё как надо. Смотрю, в первый месяц — четыреста, во второй — шестьсот, в третий — семьсот. Прикинь: тут — четыреста, а на шабашке — семьсот... — Помолчал, он снова ударяется в воспоминания: — А шагали, как шагали... Вот в этих самых кроссовках — румынские, в Минске выдали. Ничего кроссовки, а? Потом теплоход, каюту нам на двоих, краны блестят, салфеточки белые-белые, ди-скотека... «Надо же, надо же...» — заводит он снова. — Жена поработала, посмотрела: нет, говорит, это не для меня, и уехала. А я остался.

Мне нравится его улыбка, и сам он симпатичен. — Серега, мать твою так! — ругается Юра Сахаров. — Ты что тут наразмечал?!

Подняли брус, примерили — замки не стыкуются. Получается: «мама»-«мама», а надо, чтобы чередовалось: «мама»-«папа».

— Заболел, что ли, — жалуется Серега, ощупывая горло. — Завтра не выйду. — И допевает: — «Не могу, не могу и не хочу...»

Завтра он не выйдет и послезавтра тоже. Потом выпадет — это уж чисто случайно — встретить его в «Ракете», идущей вверх по Амуру. И мы с ним будем полдня болтаться по Комсомольску в ожидании поезда. Я поеду в Хабаровск, а он дальше, в глубинку, в поселочек, где ждут его два друга, пасут шабашки. Он придет, прикинет, что к чему, и они возьмутся за ту, которая выгодней. День в Комсомольске будет жарким, душным и длинным. Мы забредем в киношку, где с шашками наголо будут мчаться всадники, падать на всем скаку, проливать кровь за революцию, за будущую счастливую жизнь. И потом еще долго будем стоять на перроне. И он посмотрит на свои кроссовки, усмехнется: «Да, шагали...» И улыбка спадет, как приклеенная.

Трагедии с Сергеем Бородко не произошло. Просто иными стали взгляды на жизнь, иной — судьба. Так с каждым обошлась стройка, с кем жестче, с кем мягче. Смотрю вот тоже: девчухи-отделочницы списались с рыболовецкой конторой, приглашают их на плавбазу рыбообработчицами. Наладились ехать. Понятия не имеют, какая там работа, какие нравы... Что там с ними будет, вчерашними школьницами? Ради какой великой цели стронули их с места, оторвали от пап и мам?

...Уклон обозначился сразу: перебои с материалами, простои. Хотя, стоп, простои — не совсем верно. Подходим к бригадиру, Юре Команюку, спрашиваем, что нам делать. Юра помыслит, скажет:

— На сто сорок втором ветровой доски нет — идите прибейте.

Прибив доску, подходим с тем же вопросом.

— Ждите, сейчас придет машина с бетоном...

Ждем час. Машины нет.

— Нет, Юра, машины, говорят, на растворном узле что-то поломалось...

И мы с Юрой теперь уже идем к прорабу Лехе Барышникову.

— Леша! — кроет по матушке Юра. — Чем мне народ занять?

Леха будет долго молчать, собираться с мыслями, потом выродит:

— Забор ставьте.

Ну, если не забор, то еще что-нибудь придумает. И всегда есть работа, которую можно переделать. Как писал уральский сатирик Игорь Тарабукин:

*Под окном канаву люди  
Раскопали в пятый раз.  
Никогда, друзья, не будет  
Безработицы у нас.*

— И-взяли! — Геша Колмаков сует ломик под плитку (плитка 200 кг), и я тут со своим ломиком. Подхватили, подняли, опрокинули. Подсыпаем под плитку пескогравий, трамбуем, укладываем и перекладываем. А потом приходит самосвал с бетоном, и мы уже вчетвером носим его на тот, что уложен зной, потрескавшийся, вздыбившийся. Сколько же лишнего бетона, сил лишних вложили?! Золотые эти домишки, золотые... Даже Геша, который всегда сам вызывается на бетонные работы, заявляет:

— Не заставят меня больше переделывать.

Будет переделывать, куда денется...

На БРУ опять что-то заклинило — машин с бетоном нет. И я просто сижу и перекуриваю, хотя в сущности не курю. У всех одна мысль: одурачили. Однаково безнравственны и безделье, и дурной труд. Бесконечная волынка... Материалов нет, нет леса. Нет леса, вот в чем штука. Представьте себе: у нас нет леса!

Поселок перерезает леспромхозовская одноколейка, и каждый день мимо идут составы с отборным сортиментом. Чужой каравай — лес идет в Японию, в обмен на тряпки и технику, которой мы и сводим на нет наши родные, девственные леса... У нас нет леса?! 30 процентов пускаем в дело, остальные 70 — под короеда. У нас нет леса?! Да вот он, тысяча кубов лежит на берегу Амура, нарублен — возьми только. Но как взять? Трелевочник нужен, кран... морока. Будем ждать, пока привезут. Доски тоже подождем. Эти доски ждали в прошлом году. Баржа шла, шла, вмерзла во льды, перезимовала и снова шла... Теперь со дня на день должна быть — навигация месяца как открылась, вода теплая, купаемся вовсю.

Был случай в истории, у первостроителей Комсомольска тоже не было леса. Что они сделали? Прорубили во льду канал и сплавляли по нему лес с правого берега Амура. Невыгодное для нашего поколения сравнение...

А может, и нельзя сравнивать. Другое время — другие рычаги. Вернулось бы оно, мало кто бы обрадовался, особенно здесь, на Дальнем Востоке. Были комсомольцы, был энтузиазм, но было и другое. Была армия рабов, которая под ружьем валила лес, строила дорогу. И тут, в Тамбовке, где сейчас пекарня, размещалась комендатура одного из подразделений Амурлага. 530 человек рубили лес в Шелеховском леспромхозе. И «железку» до Селихино они строили. Объявлено новое наступление на Дальний Восток, теперь он будет развиваться ускоренно по сравнению с другими регионами. Но прежде чем ринуться в атаку, присядем на минуту, помянем безвестных первостроителей... Железнодорожные ветки Комсомольск — Березовка и Хабаровск — Чегдомын, соединившие Восточное кольцо, прошли по их косточкам. Сколько можно было судить по барабанной прессе недавних лет, БАМ построили комсомольцы семидесятых. Не только, не только...

Довелось мне побродить по старым насыпям: из песка и камней пробивались чахлые деревья; режушки, когда-то повернутые вспять, расчищали прежние русла. Видел горы деревянных тачек — ручки широко расставлены, маленькое железное колесико издешено работой и ржавчиной. Пошевелил одну-другую — даже пустые они непосильно тяжелы. И забытые могилы, бугорки без крестов и звезд, березки, посаженные в шахматном порядке... Одна из насыпей привела меня к Дуссе-Алиньскому тоннелю. Он был еще только вскрыт, и воины-железнодорожники расчищали ствол и штольню от забившего их льда. Оставались еще дома, в которых жили надзиратели, вышки охранников. По надписям в тоннеле, по рассказам немногих уцелевших из того времени людей узнал, что было здесь два лагеря: женский — под названием «Агнесса» и мужской — без названия. Стало быть, и два участка работы: Восточный и Западный. И было налажено социалистическое соревнование, продумано поощрение — отгул победителю. Отгул мужчине и отгул женщине. Женщины, к их чести, чаще были впереди. Били проклятую сопку и днем, и ночью, двигались навстречу друг другу в подземном мраке.

Но я знаю и другое — как строился Комсомольск. Помню рассказы матери, комсорга тридцатых, которая четырнадцатилетней девчонкой приехала в Магнитку... Как работали, как жили в бараке и ходили с отцом на танцы за сколько-то там километров. Яркая и ясная была у них юность!..

**И** пришел брус, и доска пришла. Доска-двой-мовка, елочка в основном, — годится. А брус не очень-то. Иной возьмешь за конец — он под собственной тяжестью обламывается. Такой отбрасывается в сторону — под короеда. Иной завернут пропеллером. Это беда поправимая, мороки только много. Но ничего, шкантим, выпрямляем. Какой завезли материал, из такого и строим город будущего. А японцы с нашим отборным сортиментом будут успешно дальше «загнывать».

И доска «тройка» тоже есть, значит, можно делать крышу. Вместе с Юрой Сахаровым идем за досками. Юра впереди, я сзади. Три штуки на плечо. Доски дают — сникай, поди, будет... Выбираемся из завалов пиломатериала на дорогу. Переходим хлипкий мосток через раскопанный коллектор. Доски снизу, доски сверху. Качаются. Пережидаем, пока пройдет смердящая соляркой «Татра». Знакомый парень остановился со своим Т-40 — прямо посреди дороги. «Привет!» — «Привет, черт бы тебя побрал!» Впереди лужа, бог с ней, с лужей. Ноги под тяжестью проваливаются, чавкая сапогами, выбираемся на сухое место. Юра со злостью сбрасывает груз, и я сбрасываю, тоже со злостью. Еще ходка, еще...

— Ну-к, Вовка, посмотри, — жалуется другу Юра, — кажись, заноза в голове...

Володя раздвигает спутанные кучи рано поседевших волос.

К концу трудового дня Юрины голубые глаза темнеют: «Хотите, чтобы я работал, — платите!» Зарплаты он еще не получает, но есть основания полагать, что она не больно отяготит его карман.

Таких, как Юра, после БАМа, после Зеи здесь много. Это основная тягловая сила стройки. Вот он прибывает доску карниза — голова свесилась с крыши. Гвозди, можно сказать, без шляпок, маета с ними, а он приладил, знай себе колотит. Что говорить, работает он здорово... И топор у него граммов на двести тяжелее, чем у остальных членов бригады. Пот льется, скапывает на доски и в бетон... Внутри его неискушенной души тоже идет работа. В сущности, Юра ничего не скрывает, время от времени озвучивает свои нехитрые мысли. Он рабочий человек, у него на шее немало дармоедов: «итеэровцы, столовские эти крысы». Почему так: он работает — и у него ни хрена нет, а эти... у них всё имеется? Оно так: когда на плечах лежат тяжелые доски — как правило, светлые мысли не приходят. Когда, утирая заливающий глаза пот, видишь, как с папочками под мышкой ходит толпа начальников от дома к дому, а перебой с материалами как были, так и остаются, и вся технология шиворот-навыворот, — тогда уважению к итеэровцам просто неоткуда взяться. А к столовским вообще классовая ненависть — довели.

Таскали носилками бетон, вкалывали, но вот, слава богу, обед — машина приходит, везет к столовой. Догадались бы эти столовские хоть хлеба купить, два дня обеды без хлеба... Высыпали работяги у крыльца, дерг за ручку — закрыто. У кого что было дома — перехватил, а кто-то и поехал опять на работу голодным. Столовая закрыта и на следующий день. Иногда в урочный час кто-нибудь подходил к двери, бил раздосадованно в нее ногой, отпускал матерок. Распахивалось окно — кудрявая девичья головка отфутболивала матерок по обратному адресу. На третий день столовая открылась, но посетителей нет —

**Пир короледа** отвадили. Молодые люди в белых пиджаках и белых модных кроссовках сидят за столиком, тянут брусья, водичку и находят возможным острить:

— Может, объявление написать, что столовая работает?

Смех сквозь слезы — повара оскорблены до глубины души. Отвалите, претензий не принимаем!.. Мы вообще уволены по тридцать третьей, а кое-кого из нас наверняка посадят... Увы, это горькая правда. Прокуратура всерьез занимается столовой: недоставки каждый месяц. Тащат... Пять составов сменилось — все равно тащат! Кровная обида гложет молодых людей: «И что я здесь не видел?! 70 рублей начислили... Приехал, дурак, покое мне было в Астрахани, в Сочах? Я балдею!» Тоже вот приехали на всесоюзную ударную со своими надеждами...

Прошло несколько дней, снова сменился состав. Меню, правда, прежнее: каша и тушенка, тушенка и каша — сколько можно? И эти новенькие, когда им рабочий человек делает справедливое замечание, грубят.

— Ах так, да я тебя разносом по голове!.. — Правильно, Юра. Довели, ох, как довели!

Очередь движется, мы уже у компота. Юра выбирает стакан поплотнее и втихушку от поваров и кассира залпом выпивает его. Стакан ставит от глаз подальше. Недавний его гнев потухает.

— Что же ты, брат? Разве можно?

— Они сумками больше утащат.

Некоторое время Юра пребывает в прекрасном расположении духа, стакан компота как законная компенсация за вековечное угнетение преобразует его. В нем раскрывается все самое лучшее. Шутит с молодой кассиршей, в ладу со всем миром, глаза светятся добротой. И потом были случаи наблюдать эти его преобразования. Поднимет с земли потерянный кем-то молоток, тут же поменяет ручку, чтобы не узнал прежний владелец, а от прихлынувшей доброты сменит ручку и у моего молотка.

Стакан компота, молоток — что тут строго судить, не воровство ведь. Называйте, если хотите, рабочей сметкой...

Рабочая сметка привела Юру и подобных ему, понахавших пороха ударных строек, сюда, в Нижнюю Тамбовку. О замечательном порыве быть там, где трудно, уже говорилось, теперь — о реальном. Первопроходец получает немало преимуществ по сравнению с теми, кто тихо и мирно отработывает стаж в обжитых местах. Начинается стройка — и, как правило, подымается северный коэффициент. Леспромхозовские рабочие имели коэффициент 1,4. Пришел к ним БАМ и строительно-монтажный поезд с коэффициентом 1,7. Плюс 40 процентов тарифа «колесные», плюс нередкая возможность работать в продленку, по субботам и воскресеньям за повышенную, конечно, плату. В леспромхозе работать было ничуть не легче, но зарплата, как видим, отличается... А когда на БАМе «сеем-пешки» доделывают хвосты и у эксплуатационников коэффициент 1,4 — драпать надо с БАМа. Так вот многие и переезжают с места на место, снимают сливки.

Если стбит чего стройка — значит, должен быть еще дефицит. Модные американские штаны, полушубок за сто пятьдесят, тушенка, сгущенка... Было в Тамбовке собрание, встреча с депутатом и начальством, так из-за чего сыр-бор? Кто-то не получил причитающуюся тушенку, кому-то вместо говьяжьей сунули свиную. На том памятном собрании деревенские сидели отдельно, клинышком; и встал мужичок в опрятном сером костюме и сказал:

— Значит, так: вам — тушенку-сгущенку, а нам, значит, — шши. Вы, значит, белые, а мы черные... — Сказал и сел. И никому не захотелось провалиться сквозь землю.

**Юрий Брийль**

И я не удивился: не такое приходилось видеть... Однажды, в бытность свою газетную, присутствовал на конкурсе профессионального мастерства. Съехались соревноваться меж собой доярки. Азартно соревновались, весело. Но вдруг замечательный праздник труда сник — доярки побросали свои аппараты и мигом выстроились в очередь у привезшей дефицит автолавки. Помню шепоток, прошуршавший рядом со мной: «Купи вон ту, клетчатую, японскую... Мне-то неудобно». Комсомольский секретарь инструктора просил...

Стройка в Тамбовке начиналась так, как начинался БАМ, другие великие и поменьше стройки. Но вдруг что-то застопорило в старом проржавленном механизме: коэффициент 1,3 — и точка. Управление, которое, по логике развивающейся стройки, должно было перерасти в трест, перевели из первой категории во вторую. Пошел упорный слух, что завод азотных удобрений строить запретили — заказчика, значит, не будет, и потому город никому не нужен: закружимся со вторым временным поселком и разведемся по домам. Слух этот основательнее всего подтверждала чехарда в снабжении.

Спросить бы у кого поважнее: что за город мы строим, какие в нем будут фабрики и заводы? Трестовское начальство ничего вразумительного не отвечает: приехало — уехало. Остальные вообще как слепые. Начальника нет — войско без командира... Первый, похоже, о них забыл... Приехал бы Алексей Клементьевич Черный, опроверг слухи, раньше-то он здесь часто бывал, а теперь нет и нет... Кажется, вот-вот застрекочет его вертолет, и он, деловитый и остроумный, в сопровождении свиты начальников поменьше войдет в контору управления. Потом его увидят на объектах. Современный, демократичный, — взглянет в магазин и, увидев на полках груды карамели, пошутит:

— Сладкая, товарищи, я смотрю, у вас жизнь!

И найдется кто-то, кто резанет правду-матку:

— А колбасу у нас, Алексей Клементьевич, только к вашему приезду выбрасывают.

— Колбасу есть каждый день вредно, — не полезет за словом в карман первый секретарь.

Скорей бы приехал, с его приездом появится в магазине не только колбаса — возможно, новые кроссовки и, уж само собой, строительные материалы. Какие надо, такие и появятся...

...**М**еня сразу насторожило предупреждение комеданта Тамары: «Умывальник на улице не оставляйте!». А дальше — больше. Узнаю, что был в гостинице телевизор, — украли. Из магазина увели джинсы. И среди моих новых знакомых, оказывается, много пострадавших. Был у Генши Колмакова кожаный пиджак — фьють! Нет его. Это уже третий по счету пиджак, который у него стянули. Славика Лупандину поначалу нравилось в Тамбовке, даже стихи написал, первый и единственный раз в жизни:

*И строится город в тайге...  
Он будет красивый, большой,  
И люди здесь будут  
С открытой душой!*

Какой-то человек «с открытой душой» украл у Славика магнитофон. Славик теперь закрывает дверь на ключ, выходит вечерами к Амуру, смотрит на проходящие катера, скучает о прежней работе моториста...

Воровство стало обыденным на Всесоюзной ударной комсомольской стройке, редко кто и заявляет в милицию по поводу кражи. В ходу логика: украли — и я украду. Уезжают — прихватывают чужое.

Тир короледа

Бывают и драки, кровавые, бессмысленно жестокие. И пьянство процветает, за пять месяцев в Тамбовке выявлено 23 случая браговарения, это при сухом-то законе. И люди гибнут — не героически, не спасая жизнь ближнего, не протудившись в ледяной воде, вылавливая бревна... Один, посланец белорусского комсомола, замерз близ села, то ли уколовшись, то ли хлебнув сполна спиртного. Другой утонул по пьяной лавочке в Амуре. И таким событиям особенного значения не придавали, крутилась по субботам и воскресеньям дискотека.

Мирное село превратилось в горячую точку района. Зачастил в Тамбовку ранее редко здесь бывавший следователь Геннадий Константинович Ткаченко. У участкового инспектора Петра Николаевича Носова появился помощник. Четыре штатных работника уже явно недостаточно.

Истоки деградации — в безделье, в плохой организации труда. Есть жесткое сцепление между делом и нравственностью человека. Иной проживает жизнь, никак себя не проявив, у другого, когда труд свободный и творческий, открываются какие-то тайные задвижки, сдерживавшие духовную энергию. Но есть у каждого человека и отрицательные возможности. У каждого, конечно, свой запас прочности. У нас в бригаде были прекрасные ребята, но я видел уклон и общую тенденцию.

Как от камня, брошенного в тихий пруд, от поселка строителей пошли круги. И вот одна жертва — мальчишка из села, шестиклассник Саша Маслов. Смекнул малец, что у него получится не хуже, чем у взрослых дядей... Пасся возле общежития, примечал, где форточка остается открытой, откуда слышна магнитофонная музыка. Пять краж совершил, прежде чем Геннадий Константинович распутал его следы.

Чем-то еще обернется для жителей села стройка?.. Всей опасности, которую она для них таит, они еще не видели. На собрании схватились со строителями: дескать, ямы раскопали — теленок упал, ноги сломал, к кладбищу не подойти, не подъехать — дороги испортили. Но больше пыль доминает. Машины без особой надобности гоняют по селу — ни окно открыть, ни белье повесить, детям негде гулять. Старики и старушки устраивают пикеты, останавливают самосвалы, дознаются, кто куда едет, если по делу, пропускают, а если, скажем, в баню или в магазин за сигаретами, заворачивают. Было дело, трубульку, топор врывали в землю на проезжей части. А одна почтенного возраста женщина подкараулила остановившуюся возле ее дома водовозку и вбила ей в шины два гвоздя. Петр Николаевич пожурил ее за отчаянный поступок, но привлекать к ответственности не стал — активная молокосодатчица, и ранее никаких правонарушений за ней не наблюдалось. А тогда, на собрании, они держались крепко, прямо заявили: «Будут еще диверсии».

Наивен их бунт, невозможно отгородиться от железной поступи индустриализации. Да и в деревенском их лагере тоже нет единства. Те, что помоложе, переметнулись в строители. И для многих стариков желанен город. О детях, о внуках думают, как им жить, где работать.

Но мне, выросшему в городе тысячи труб, что выпускают в небо дымы всевозможных дьявольских расцветок, дороги эти места в их естественной красе и знаю — попутешествовал, слава богу, — лучше их

Юрий Бриль

трудно, а скорее, и невозможно найти. И вот на моих глазах они загаживаются. С катастрофической быстротой временный поселок заваливается мусором. Ямы залиты зеленой водой, деревянные коробки мусороприемников плавают в помойной жиже — попробуй подберись... Отходы вываливают прямо рядом с жильем. Ходить по территории поселка небезопасно, неровен час, утопнешь.

Должен признаться, мне милее этого поселка первозданная тайга или старое село Нижнетамбовское с его нехитрыми пятистенками, черемухой, огородами... А вот лошади, кстати, тот самый табунок и плюшевый жеребенок, перебежали железнодорожную линию и — сюда, к временному поселку, не поломали бы ноги... Беспокойство мое напрасно: они тут не в первый раз, уверенно идут к куче отбросов. Белая лошадь, наступая копытом на мосол, ощеривает зубы, со страшным хрустом грызет его. Рядом плюшевый жеребенок брезгливо пробует дармовую калорийную жижу...

Нечто подобное я уже видел. Анадырь, труба у плотинки, надпись у той трубы: «Осторожно, канализационный слив!» Там, где слив, на мелководье стояло по щиколотку в воде множество чаек — с пьяным криком и галдежом они вылавливали в вонючей речке какую-то гадость.

И также подумалось о тайге. Сколько приходилось хаживать по вырубкам, местам былых пожаров — березки поднимаются да осинки; а удивительные эти творения природы — бархатное дерево, дальневосточный кедр, ильм, маньчжурский орех, лимонник, актинидия — исчезают с лица земли. Дальневосточный лес не восстанавливается.

Следом за человеком идет подчинившаяся ему природа. Но сам-то человек куда идет?!

**Н**а стене столовой трепетал приклепленный листок. «В 18 часов в красном уголке состоится выборы нового начальника СУ-12». Закрепляю получше, чтобы ветер дуrom не унес это единственное в Тамбовке свидетельство перестройки, и иду переодеться в чистое.

Народу пришло столько, сколько могло уместиться в небольшой комнате красного уголка.

Председательствовал, как обычно, управляющий трестом Николай Валерьевич Соловьев. Он говорил медленно, весомо, упреждая каждое слово энергичным взмахом руки. Единственный, кого администрация треста видит в роли начальника управления, так это Василий Мефодьевич Гончар, заявил он без обиняков.

— Ну и выборы! — зашумели в задних рядах. — Для чего нас созвали?! Назначили бы, кто вам угоден!

— Вы, товарищи, тоже можете предложить свою кандидатуру, — сказал из президиума секретарь райкома, понимавший демократию несколько шире.

Кого же? Молчали, переглядывались, недоверчиво смотрели друг на друга. Похоже, достойных нет. И уж хотели перенести собрание, но вот еще две кандидатуры, впрочем, они тут же и отпали по причине самоотвода. А следом и Мефодьич заявил, что ему нравится работать начальником участка — на своем, дескать, месте.

Такой поворот вконец расстроил управляющего. Путааясь, краснея, невпопад взмахивая рукой, он бро-

сился доказывать, какой Мефодьич специалист. Только он, Мефодьич, смог разобраться в комплектации железобетона. Понабрали в Амурске бог знает чего. Одних деталей в избытке, вторых не хватает, а третьих — вообще нет. Как дома строить? Никто не мог, а он разобрался, навел порядок. То, что Мефодьич хорошо знает дело, почему-то не считалось важным аргументом. Его внешность, его манеры не сочетались с устоявшимся представлением о начальнике. Ни сытенького пузца, ни гладкой речи... Сможет ли работать с людьми? Вести переговоры с субподрядчиками? Лучше, конечно, такого, кто ни бельмеса не смыслит в строительстве, но знает политех.

Мефодьич сидел в четвертом ряду и ничем не выдавал своего волнения. Закалил, надо полагать, нервы тут, в Тамбовке. Будучи начальником участка, получил восемь выговоров и один инфаркт. Все заборы эти проклятушие, благоустройство. Немало ему пришлось строить на мерзлоте, знает: положил бетон на мерзлую землю — обязательно пойдет горбом. Летом надо заниматься благоустройством. Но вот докажи тому же управляющему, докажи Копию, бывшему начальнику управления. Сдавай дома — и точка. «В июне у меня сдача по графику». — «Сейчас сдавай».

Когда лежал в больнице с инфарктом, пристал к врачу, дайте, мол, справку, что не могу быть начальником участка. И дома Вере Владимировне сказал тоже: «Ты знаешь, я всю жизнь хотел быть бригадиром». «Будь, Вася, бригадиром, если хочешь», — сказала жена и добавила: — Коли не желает, чтобы тебя вынесли вперед ногами, возьми себя в руки».

Между тем возникла новая идея: убрать главного инженера.

— Есть у нас главный, — напомнил управляющий, — в отпуске он.

— Нет у нас главного, — протестовал народ, — не видим на объектах. Чтоб и духу не было.

— Человек в отпуске.

Народ требовал крови, и управляющему пришлось уступить: придет из отпуску, подумаем о замене. Тут же была найдена кандидатура главного инженера, и легко теперь, удовлетворившись справедливостью демократического акта, проголосовали за Мефодьича.

И тогда новый начальник встал со своего места и, не доходя до трибуны, начал свою программную речь.

— Как строим? Людям смотреть в глаза стыдно! Ломом бы по спине за такое строительство!..

Я сидел на собрании и, болея за Мефодьича, никак не мог взять в толк, откуда у него противники. Дожили, что компетентный в своем деле начальник — редкость. А когда вдруг обнаруживается возможность заполучить такого, раздумываем, ищем осли с медальным профилем. Однако я не понимал главного, что смущало противников Мефодьича — политика, которую он проводил на участке, должна была теперь стать политикой стройки.

Утром, без двадцати восемь, наш «Урал» подкатил к участку. Мефодьич уже там, ждет. Дом его в двадцати шагах от прорабской. Проснулся, вышел за порог — и уже на работе. На работе он всегда: и после пяти, и в субботу, и в воскресенье.

— Говорили, нет материалов. Теперь есть. Почему не работаете?..

«Не работаете» — сказано слишком сильно. Работа

движется, только очень медленно. До конца месяца остались считанные дни, надо сдавать дома. Не сдать — управление останется без денег. Три недели раскочивались — теперь, хочешь или нет, нужен рывок.

— Предлагайте, что делать.

Сидели на досках, на верстаках, поплеывали. Собственно, выход как будто один — сверхурочная работа.

— Как будем платить? — осведомляется бригадир.

— По существующим расценкам.

— Понятно... — Ответ энтузиазма не вызывает. Сидим молча, и призыв работать будто ни к кому не относится.

— Зачем тогда выбирали?! — по-мальчишески вспылит Мефодьич, сел в свой «уазик» с надписью «Технологическая» и укатил.

Вот и вся политика Мефодьича: платить по существующим расценкам. А как иначе? — спросит человек, далекий от стройки. А так, например: в конце месяца бригадир подходит к начальнику и говорит: «Всего по семь рублей получается, не густо, до среднего надо бы довести...». Доводят. Еще будучи прорабом, Мефодьич все поставил на место: сколько заработал, столько получи. Однажды в обход его Володя Косинский закрыл лесорубам больше, чем полагалось. Узнав об этом, Мефодьич настоял, чтобы у самого приписчика и вычли деньги. Эх, как это оскорбило Косинского, как кипел он праведным гневом! Жалобу написал в ЦК КПСС... Приехала краевая комиссия, проверила все основательно — прав Мефодьич.

Вот почему не было на выборах единодушного его приятия. Многие не хотят смириться с его политикой. Побегит народ со стройки, еще больше побегит — мало у нас другихстроек? Мало у нас «сказочников», чудеса творящих с нарядами? Приписка пока еще в ходу, обычное дело, увы, приписка, но она мало чем отличается от воровства... Во всяком случае, корни одни.

Работали в тот день, как обычно. До конца смены бы дотянуть — жара, какие еще тут инициативы?! Но на следующий день, утром, приехали на участок, вышли из машины, слышим: где-то дрель гудит, топор тюкает. Смотрим: четверых в бригаде недостает. Выясняется: взяли сарай, решили работать по отдельному наряду, и уже работают с шести утра. И так в течение недели, каждый день, с шести утра и дотемна. А бригада по-прежнему занимается мелочовкой — где доску прибить, где плитку поправить. Каждый уж начинал жалеть — тоже мог бы по отдельному наряду, за деньги можно и повкальвать. А что остается? Мефодьич доводить до среднего не будет. Но не сказать, что те четверо были счастливы. Во-первых, тяжело доставались денежки. Во-вторых, приятно ли ловить на себе косые взгляды товарищей?

— Ты нас, Мефодьич, перессорил, — сказал Сергей Дрыкин, один из тех четверых, когда по обыкновению в конце рабочего дня сидели у прорабской, ждали машину. — Была бригада, а теперь что?

Бригада разваливалась. В прошлом месяце ушло 16 человек, и еще несколько парней, знаю, носят в карманах заявления, выбирают удобный момент, чтобы подойти к начальнику.

— Думайте, что делать, — бросает Мефодьич и скрывается в прорабской.

— А на фигу нам бабы в бригаде? — осеняет одного. — Они ведь на нашей шее.

— Правильно, — соглашаются другие, — мы по своим расценкам десять зарабатываем, они как от-

делочники — семь. А закрывают всем по восемь. С какой это стати мы должны с ними делиться? За красивые глазки, что ли?

— Был такой эксперимент, — пробует объяснить бригадир Юра Команюк.

— Хватит с нас экспериментов!. Ну-к, Коля, походи сюда! — подзывают мастера.

— Я тут ни при чем, — отмахивается мастер.

— Ты же начальство.

— Сейчас такое время, что вы решаете, а не начальство.

Уже в машине, по дороге к дому, девчата пытаются выяснять отношения:

— Парни, до нас дошли слухи, что вы не хотите с нами работать. Нет, вы скажите!

Все молчат.

— Не хотите, так и не надо! — заводятся девчонки. — Сказали бы прямо, а то втихую... Крохоборы!

— Будем работать без вас, — набрался мужества бригадир. — Решили. Всё...

В тот же день, после ужина, была продленка. За три часа вчетвером мы приняли шесть машин бетона. И, странное дело, работалось легко, в удовольствие. На следующий день снова продленка. Вышли — правда, урезанным составом — и в субботу. Но месяц кончался, наряды закрывались, а вместе с ними закрывался едва открывшийся глазок энтузиазма.

...Возможно, в некоторых частностях Мефодьич не прав. Но стратегия его верна. Нелегко, а надо, край как надо, утвердить его принцип: платить за работу. Потому что его принцип — это принцип социализма, который мы за семьдесят лет порядком извальной в грязи. Пришла пора скрести и чистить его, хотя — видно на нашем примере — безболезненно это не пройдет.

Если бы мое призвание было стать строителем, я бы без колебаний пошел за Мефодьичем. Но он сам признался, что перед ним — стена. Да и я должен признаться ему, что знаю об этой стройке не сколько больше, чем рядовой плотник... Мефодьич будет биться головой о стену, но не пробьет ее.

Стройка заложена в нашем хозяйственном механизме, многое в ней предопределено. Хотел Мефодьич или нет, но на план финансирования он никак повлиять не сможет. А в 1987 году он был таков: первый квартал — 700 тыс. руб.; второй квартал — 1 млн. 100 тыс. руб.; третий — 632 тыс. руб.; четвертый — 322 тыс. руб.

Рабочие, мастера, прорабы, начальник дергают друг друга, рвут сердце, нервы, а эта цифирь правит ими втихую. Определяет, будут ли доски и в каком количестве; грубо так прикидывает количество простоев и, стало быть, моральный климат в коллективе. Проведенная через Минвостокстрой, Главдальстрой, Стройбанк цифирь имеет силу закона, хотя, если взглядеться в нее, увидишь, как она неуверенно пляшет: во втором квартале столько-то, в четвертом — в четыре раза меньше... Сколько денег — столько и материала. Сверхпланового Мефодьичу никто не даст. Подстраивайся, Мефодьич, под цифирь, распорядись материалами и людьми. Распределяй, увольняй, набирай... Люди, утверждавшие эту цифирь, далеки от стройки и тоже, вероятно, находились перед стеной...

Какая-то всеобщая растерянность. Строится город, а заказчика нет. Трест № 6 — и заказчик, и подрядчик в одном лице. Ему, тресту, видите ли, нужен город. Проект завода-инициатора не утвержден. Генерального плана города нет. Но тем не менее он строится — город будущего, город XXI века... Гордись!. Бросили Мефодьича, уже простреленного инфарктом, как на амбразуру — давай, Ме-

Пир короле

Юрик Бриль

фодыч! И он ничего — сам крепится и поднимает в атаку измотанное управление, выдохшихся субподрядчиков.

...Задираю голову — не стрекочет ли вертолет? Вот прилетит Главный-Преглавный, ответственный за перестройку в крае человек и скажет: нате вам генеральный план города, нате вам утвержденный проект завода. Ваша мечта, товарищи, стать химиками сбывается! Или другое скажет: простите, товарищи, мы тут перед съездом немного подсутились, ударили в барабан. А не надо было... Закрывается стройка. Прежде чем строить, надо было все обстоятельно взвесить — как говорится, семь раз отмерь... И опустит голову: не велите, мол, казнить...

А Мефодыч, как я понял, не особенно надеется на экстренную помощь Алексея Клементьевича Черного. Ну, приезжал, было дело. И чем особенно помог? Завезли материалы, это хорошо. Устроил еще совещание. Верный своему демократическому принципу, пригласил бригадиров, а начальников участков — нет. Решили на том совещании перебросить кран с одного участка на другой. Один объект оголили, на другом кран так и простоял без дела — не было нужного материала. Бригадир просто рассуждал: нужен кран — давай, не думая о нормо-часах, о загрузенности механизма. В следующий раз начальники участков были приглашены. Мефодыч сам не пошел — обиделся.

В сущности, ни на кого не надеется Мефодыч, рассчитывает только на себя.

Около пяти. Собираю инструмент в разноску, топаю к прорабской. Там уже стоит наш «Урал», возле него очередь. В окне грудями навалена колбаса. Серега Бородко, мельком взглянув на дефицит, отходит: «Надо же, надо же, надо ж такому случиться...». Мне тоже не нужна колбаса. Встают в очередь те, у кого здесь семья.

Хороший знак — колбаса. Видимо, начальство ожидает — смекаю. Так поднаторел в искусстве мнемонического языка, что самому противно. Но как ни противно, зайду в магазин: нет ли дефицита? Дефицита нет. Более того, белые кроссовки, которые, казалось, никогда не иссякнут, бесследно слиняли с прилавка. В душе смута, терзают взаимоисключающие предчувствия.

Впереди шаркает резиновыми сапогами Леха Головкин, под мышкой палка колбасы — уже отоварился. Рабочий пиджак, редкого, с кокеткой на спине покроя, на голове шляпа, какие носят пасечники. Всякий раз после того, как он на нее садится, она выглядит все экзотичнее. Он торопится домой, семья его ждет с колбасой. Он идет по шпалам. Горизонт распахнут, над головой летящие облака. Поужинав, он пойдет корчевать пни на своем садовом участке — похоже, решил остаться здесь навсегда. Вот он уже топают по мосту через речушку. Река здесь делает крутой поворот: лет 10—15 назад развернули русло — зачем, теперь никто не помнит...

Засмотревшись на струящуюся воду, теряю из виду Леху, идущего домой с колбасой и не ведающего ни про экологические напасти, ни про цифирь, которая руководит стройкой.

**М**оя десантная роба, пусть она и больше на два размера, стесняет движения, да и литые резиновые сапоги будут оставлять некрасивые следы в приемных. Втыкаю взятый напрокат у бригадира топор, передеваюсь в сугубо «штатское», в карманую журналистское удостоверение.

Первое, что должен сообщить, наверное, многих строителей успокоит: строительство завода азотных удобрений пока не отменено.

Тир короеда

А то, что я услышал в Москве, в институте проектирования городов, меня самого успокоило на какое-то время. «Сложный объект, интересный...» — сказал директор института Виктор Сергеевич Высоцкий, — интересный прежде всего своей экологией». И главный инженер Рудольф Нарайрович Заргарян существенно дополнил: «Мы сделаем все для того, чтобы жителям будущего города жилось удобно и счастливо».

На планшетах рисуются прямоугольники жилых кварталов, заводов, линии дорог, коммуникаций... За этими прямоугольниками и линиями — здоровье жителя будущего города, продолжительность его жизни, количество заболеваний, комфорт или дискомфорт; за ними — жизнь многих поколений, экономика страны, состояние нашей природы. Где разместить промышленный узел, а где — жилые кварталы? Слишком близко — значит, люди будут дышать дымом; слишком далеко — увеличатся транспортные расходы. Многого надо учесть архитектуру: метеорологические, социологические, геологические, экологические и другие данные. Верно сказал Рудольф Нарайрович: «Архитектор — самая нравственная профессия».

...А то, что мне сообщили в Хабаровске, в территориальном институте «Промпроект», больше озадачило, чем успокоило.

Анна Яковлевна Казанцева, начальник отдела промузлов и терфункций, после нашей многочасовой беседы роняет голову и говорит:

— Поседела я с этой Тамбовкой... Двадцать один вариант проекта, и ни один не утверждается... Сколько сил и здоровья она отдала этому, пока еще не существующему и не имеющему названия городу, и сколько еще отдаст. Отдаст не раздумывая.

И в Москве, и в Хабаровске знают, как надо проектировать города. Однако, покружив по научно-исследовательским институтам и различного рода учреждениям, вдруг вижу, что эти замечательные, высоконравственные люди работают с завязанными глазами... И перед ними, как и перед Мефодычем, — стена!

Чтобы быть уверенным, что твое архитектурное решение оптимально, надо обладать необходимым объемом системной информации. А ее нет... Архитекторы обращаются за информацией в десятки институтов, лабораторий, организаций. Обратились, скажем, в Группу прогноза загрязнения окружающей среды при Хабаровском гидрометцентре. Там сначала вообще отказались отвечать на запрос. И не потому, что им безразлично будущее нового города, будущее Дальнего Востока. Кандидату географических наук Олегу Васильевичу Ковалеву, например, хорошо известно, насколько ответственна информация, которую они дадут, — слишком много поучительных примеров в градостроении. Взять его родной Хабаровск — надо же было так поставить ТЭЦ, чтобы дым от нее ложился на город...

Группа могла сообщить лишь то, что означено в соответствующих справочниках и специалистам известно: **атмосферно-циркулярная активность выбранных для строительства площадки незначительна, и строить на ней промышленные предприятия крайне нежелательно.** А чтобы получить информацию полную и точную, надо было прежде города поставить метеостанцию и по меньшей мере в течение трех лет вести наблюдения за климатом. Микроклиматические условия Тамбовки сложны, меняются на каж-

Юрий Брыль



дых пятистах метрах. Слабо ли было нам поставить метеостанцию? Нет, не слабо. Получив задание, Группа провела бы его через план, выполнила бы с блеском. Но обращаться надо было в свое время — не сейчас... А сейчас одно слово «Тамбовка» вызывает целую бурю...

Архитекторы обращаются к Эвелине Николаевне Сохиной в Институт экологии Дальневосточного научного центра Академии наук. Она выдает те данные, которыми располагает, больше того, организует экспедицию в Тамбовку. Экологи запускают шар-пилот, и траектория его движения подтверждает, что имеет место воздушная инверсия. Попросту говоря, дым с заводов будет подниматься вверх и затем опускаться на город. Но Эвелина Николаевна дала только 10 процентов из той информации, которую могла бы дать, если бы к ней обратились вовремя, сделали бы соответствующий заказ...

Иначе надо было приступить к проектированию и строительству города...

Недавно в институте экологии вышел в форме «Ученых записок» манифест под названием «Человеческий фактор и задачи интеграции природопользования». В нем со всей страстностью доказывается необходимость объединения ученых разного профиля для решения конкретных народнохозяйственных задач. Такой единой задачей для лабораторий и групп различных институтов могло быть строительство нового города на Амуре.

У нас, что же, нет талантливых идей, умных голов? Современных технологий?.. Инструментария?.. У нас все есть. И больше, чем в какой-нибудь Греции. Однако лучшее из того, что мы имеем, как говорят в лесхозе, мы отдаем под корою.

Лет десять, пожалуй, назад совершенно случайно я встретил на берегу Амура Юрия Михайловича Лебедева. Он расположился со своей лабораторией в брошенных ульчихах домах. Химики, гидрологи, биологи трудились в тесном содружестве, собирали гидробиологическую информацию, чтобы потом с помощью ЭВМ «Мир-2» явить элегантную и архисовременную математическую модель реки. С ее помощью можно будет предсказать, какие изменения повлечет за собой любая хозяйственная деятельность на берегу Амура. Возникла, скажем, идея строить город и такие-то заводы. — прежде всяких проектов, прежде всяких решений давайте-ка прокатаем ее через модель. Ведь мы должны знать, что будет с тайгой, со зверем, с птицей, что будет с Амуром, живущими в нем рыбами, водорослями и микроорганизмами. И Юрий Михайлович, променявший московскую прописку на дальневосточные пространства, на любимую и нужную стране работу, и люди, что трудились в его лаборатории, представлялись ИДУЩИМИ ВПЕРЕДИ. Казалось, уже тогда настало время встать экологической службе у руля прогресса, чтобы вывести задыхающееся человечество на свет и вольный воздух.

После той встречи я стал иначе понимать Амур. Передалось это языческое поклонение ему. Сколько мы вообще знаем речных пород рыб? С десятков названий — запнешься... А тут в Амуре — 103 названия! Калуга, осетр, черный амур, верхогляд, толстолобик... Сама река со своими многочисленными притоками, заливами и протоками представлялась теперь огромным существом, мифическим Пурушей, который сочленен из множества живых существ... 20 тысяч на кубометр — такова плотность одного только зоопланктонного населения, вода в реке желтая от кишаших в ней жизни. Творческие силы природы миллионы лет подбирали, оттачивали биоценозы, чтобы явить совершенное их содружество. Легко, очень легко разрушить достигнутую эволюцией гармонию...

Прошло три года, и я наведался в лабораторию Юрия Михайловича. Настроение у него было совсем другим. Он

Юрий Корова

признался, что работой не удовлетворен, что в коллективе много «балласта», что рекомендации ученых, в сущности, никому не нужны. Работали на Зее, считали модель. Коту под хвост эта модель, эlegantная и архисовременная... ГЭС была построена с грубейшими экологическими нарушениями. Лес в затопляемой зоне не был вырублен. Что же удивляться?! Воздвигаем плотину и затопляем лес... Это наше железное правило. Без этого ритуального акта вандализма турбины не стали б крутиться и ток от них не пошел бы к потребителю. Лес, понятию, — под корою, а какая рана была нанесена Зее? Мощный, чистейший родник, бесценный дар природы... Юра Сахаров, строивший плотину и живший в новом городе, рассказывал, что рыбу ловить в затопленной зоне запрещается — больна буллизмом. Здесь, на Амуре, откуда можно есть рыбу безбоязненно. На Юрин век, возможно, рыбы хватит. Ну, а как же наши дети, внуки?..

Меня поразила научная статья, где дотошно было исследовано влияние хабаровского пляжа на экологию Амура. Удивлялся глубине и тонкости анализа, видел, насколько фантастичны возможности экологов. Мне все еще казалось, что они идут впереди и указывают дорогу. Оказывается, нет — в стороне... Модель Амура, которую создавали они не один год, тоже не пригодилась. А теперь уже нет лаборатории гидробиологии в Хабаровске.

Проектировщики сами по себе. Ученые сами по себе. Все наши замечательные возможности оказались нереализованными.

Я снова в Тамбовке, иду тем же путем, каким ходил с работы в общежитие, из второго поселка в первый. Сначала по тропке сквозь сохранившийся крохотный лесок. Тропку заступает высокий дуб — на нем видны мощные следы топора. Кто-то, видимо, мерялся силой с деревом; повалить — не повалил, но нанес смертельную рану, обрек на медленное умирание. Лесник не взыщет за дерево. Незаконная рубка леса уже оплачена штрафами, земля отчуждена. Строитель вправе делать с ней все, что ему заблагорассудится. Захочет — перевернет вверх дном. А за то, что она не обрита наголо, мы должны ему спасибо сказать...

Тропинка выводит на пыльную дорогу. Справа высокий бруствер — глина смешана с обломками павших деревьев. Здесь проходит как бы линия фронта: по одну сторону — десантники, по другую — дальневосточная природа. И опять эта надпись: гордись!.. Но чувства прямо противоположные. Подхожу к мостику через Хальзан. Берега оголены, и я без труда спускаюсь к воде. Раньше не упустил бы случая зачерпнуть ладонью, напиться. Сейчас медлю. Прежде всего выволакиваю из воды обрывок сварочного кабеля (а не так давно вытаскивал ржавую лопату и мазутную робу). К тому же — уже знаю, было дело — в Хальзан кувыркнулась «Татра». Водитель жив-невредим, но соларка вытекла. Знаю, что тут неподалеку находится склад ГСМ — дожди приносят пропитанную нефтью воду. В Хальзан иная рыба уже не заходит.

И представляю, что будет дальше, мысленно рисую круги бедствия, которые пойдут по ныне нерестовым речкам Туганина, Ягодная, Солонцовая, Быстрая... Да и по Амuru, куда эти речушки впадают. Какие круги начнут разбегаться с пуском трех химических заводов! У ученых есть карта, где нанесены эти круги с перспективой на двадцать лет... Были аналогичные опыты. Повторять их мы не имеем права.

...Приехали строить город. Вялые, безынициатив-

Юрий Брайль

ные. Выцветшие лозунги отцов и дедов не вдохновляют, своих — нет. Тачки тяжелы, носилки неподъемны. Песни тридцатых годов «примитивны», свои — пусты. Отцы и деды построили Магнитку и Комсомольск, победили фашизм. А что мы?.. Наш человеческий долг идти дальше, быть лучше отцов и дедов. Куда там лучше... Мы хуже. Наши дети пусть будут лучше, умнее и нравственно выше нас — иначе не быть прогрессу, иначе человечество выродится.

Долгое время мы любовались фасадами зданий, что достались нам в наследство. Если и замечали какие-то изъяны, — молчали. Из робости, из тактичности, потому еще, что велено было молчать. Но вот пришло время вспомнить, что у каждого здания есть свой фундамент, у каждого есть и подвал.

У города Комсомольска два лица. Одним оно, как луна, всегда повернуто к нам, мы его изучили. А вот другое, которое в тени, нам почти неизвестно. С помощью Хабаровской межрайонной прокуратуры попробуем его разглядеть. Документ, касающийся одного из местных заводов. «Очистное сооружение не справляется с очисткой. Малейшее переполнение его водой приводит к смыву накопленных в пруду нефтепродуктов через ручей Курча-Мурча в Амур... В очищенных стоках завода содержание нефтепродуктов превышает установленные нормы в 320 раз».

Завод платит штрафы Дальневосточному бассейновому управлению. В 1986 году — 60500 рублей... Начальство, однако, получает премии, хотя по существующему положению — не должно. А вот другой завод, имени Ленинского комсомола, он тоже попал на скрижали: «...Сбрасывает без очистки в р. Амур хозяйственно-бытовые загрязненные воды через городские канализационные сети».

Скрытый от глаз человека мир живет своими непостижимыми тайнами. Неведомо, где сочится, неведомо, что с чем смешивается. Между прочим, есть в городе чудо-унитазы: не выходя из дома, не выглядывая в окно, по характерному бульканью и исторгаемому из его чрева потоку можно безошибочно определить: идет ли дождь. Но мы материалисты, и обязаны любое чудо объяснить. Объясняем: в каком-то месте соединились ливневая и хозяйственная канализации. И если пойти дальше и осветить в этой подвальной тьме очистные сооружения, то увидим, что построены они с отступлением от проекта, что химреагентов у нас не хватает, что специалистов для эксплуатации мы не готовим и т. д. и т. п... Что же еще для полноты картины добавить? А то, что дышится в Комсомольске тяжело, ибо углекислого газа в атмосфере в несколько раз больше предельно допустимой концентрации. Свинца тоже предостаточно. На газонах улицы Кирова его вообще можно добывать: из одного грамма земли, свидетельствуют экологи, вырабатывается два грамма свинца.

Легко с позиции сегодняшнего просвещенного дня громить то, что было построено в тридцатых. Какие могут быть претензии к первостроителям? Старенькие, больные, выступают они с воспоминаниями перед пионерами. Уважаемые люди, в ноги им надо поклониться за все, что оставили нам в наследство. Что ж, поклонимся... Но самим-то нам нельзя уже так строить! А как будем строить? Начнем с фундаментов, с подвала — чтобы воздвигнутое нами здание не рухнуло, не придавило нас же самих? Будем строить новое и одновременно перестраивать

старое и свершать подвиг Геракла — чистить авгиевы конюшни?

Спутник Комсомольска, город Амурск, был построен не так давно — мои сверстники его строили. В 74-м я был там. Целлюлозно-картонный комбинат уже начал выдавать продукцию; меня, еще неоперившегося корреспондента, водили по цехам комбината, и я видел, как в гигантских мясорубках перемалываются бревна лиственниц и потом, с помощью кислотных растворов, измельчаются чуть ли не до клеток. А на выходе этого конвейера — рулоны белоснежного штапеля. Вредное производство, вреднее некуда. Но мне показали очистные сооружения — тогда они работали и вызывали восхищение. Но потом вступили в строй новые очереди, отстойные пруды заилились, встала «неразрешимая» проблема утилизации ила. Отходы, грязь, высокотоксичные химические соединения потекли в Амур.

Из-за двух этих городов, Комсомольска и Амурска, нижний Амур на протяжении около 400 километров находится в крайне тяжелом состоянии. Рыба лишается кормовой базы, одно за другим гибнут звенья биоценоза. Отрава прежде всего действует на бентос, зоопланктон.

В сущности, мы сами стреляем в себя из кривого ружья. И вот наготове еще один заряд: начато строительство города с тремя заводами, два из которых крайне опасны для окружающей среды.

Пришло время прощаться и с Тамбовкой, прощаться навсегда. Прощаться, если бы даже и не уезжал. Нынешняя Тамбовка рано или поздно уйдет в прошлое. Не будет деревянных тротуаров, дома будут другими, и воздух другой...

Десант высадился, город строится. Уже подведена труба газопровода, которую тянули с Сахалина по дну Татарского пролива, через тайгу, реки и горы. Назло январским морозам, июльской жаре и гнусу мы обратим шельфовый газ Сахалина в азотные удобрения...

Иду по Набережной — улица распахнута к Амуру, берег еще не закован в бетон. Тут, на Набережной, строится новый дом. Стены поднимаются ровно, щели меж бревнами тщательно проконопачены мхом. Хозяин доволен — жить да радоваться. Всякий раз, когда прохожу мимо сруба и вижу счастливого хозяина, становится неловко перед ним. Я ведь знаю, переписал в свой блокнот заключение экспертной комиссии: по любому из существующих вариантов проекта село, как и оба поселка строителей, будут накрываться дымами. Загрязнение воздуха выше допустимых санитарных норм. У мужичка — своя жизнь, свои планы. Много не требует, скопил вот денег на новый дом... Никто, конечно, у него не спросил: нужен ли ему город? Такой город?.. Никто не предупредил, какое, в каких масштабах намечается переустройство и чем оно лично для него обернется. В селе тысяча человек — капля для нашего государства. Тысячей можно пренебречь.

Клавдия Никитична Абросимова, прочитав в газете заметку о развернувшейся в Тамбовке строительстве, хотела писать опровержение. А было и напечатано только, что на месте глухого села возникает город XXI века. «Нашли глухое село! — возмущалась она. — У нас однанадцать улиц!».

Мы всегда строим яковы на пустом месте. Нам выгодно так говорить, это развязывает руки. Круши,

ломай, травы — ничего до тебя не было! Вечные ученики диалектики, видим свою выгоду, а убытков не замечаем. Комсомольск дает стране металл, нефтепродукты, аккумуляторы. И все это нужно, и все это необходимо. Но чем мы заплатили за эти «дары» индустрии? Сколько средств, сколько труда — знаем. А сколько леса, рыбы, птицы, зверья разного?.. Поговорить с той же Клавдией Никитичной или с Иваном Алексеевичем Шишкиным, он тоже внук (сам имеющий внуков и правнуков) одного из тех первых пяти переселенцев, основателей села, — многое откроется.

— Вот, Иван Алексеевич, — жалуюсь ему, — простоял час с закидушкой — одна касатка зацепилась. А раньше рыбка-то лучше, поди, ловилась?

— Ловилась, — соглашается Иван Алексеевич. — Покуда плывешь, она сама к тебе в лодку набросается...

— Ну, а если неводом — сколько за раз?

— Бывало и такое, что по 10—12 тысяч кетин доставали. Вот на этот лужок и выволакивали лошадыми. И кроме кеты — осетр, калуга... Осетра ловили сплавной сеткой, проверим — 18—20 штук сидит. Сейчас — одного, двух...

— А самая большая рыба, которая вам попадалась, сколько весила?

— Самую большую Лушников ловил. 42 пуда калуженок...

В окрестных местах было немало рыболовецких колхозов: «Красный партизан», имени Буденного, «Горым Кусу», имени Ворошилова и другие — где они сейчас? Нет их. Как обветшавшая память о них стоят на берегу залива прогнившие остовы кунгасов. На одном я видел сохранившийся корпус дизеля, дату: «1943». Всю страну кормил рыбой Амур-башка, до войны, в войну, в первые послевоенные годы. И сейчас кормит, но далеко не всю страну... Был в Хабаровске — не удалось попробовать красной рыбы. Попробовал в Москве, в кафе «Валдай». Ну, а какое меню будет в московских ресторанах и буфетах через пять — десять лет, об этом хоть думали столичные чиновники, утверждающие размашистой подписью проекты? Не в Ялзе, надо полагать, ловится рыба, которую они едят...

Спускаюсь к Амуру, иду близ накатывающих волн. Посверкивают мокрые камушки-голыши, легко среди них найти медовую гальку агата; поднимешь, посмотришь сквозь нее на солнце — в глубине заиграют заплутавшие лучики. На сломе гальки отчетливы контрастные слои, от густо-коричневого до лимонно-желтого. Когда плывешь на теплоходе, видишь нечто подобное: слоистые берега, отложение в них времен, исторических эпох. Агатových галек здесь много, и какой-то особой ювелирной ценностью они не обладают — мутноваты, как вода в Амуре. Нанайцы, правда, делали некогда из них украшения, да дети набивали карманы. Пустяк вроде, камушек, какая ему цена?.. И все же когда вдруг взблескивал такой в бетонном растворе, я чувствовал какое-то смутное беспокойство оттого, что он будет навсегда вмурован в бетон. Убыток, а какой — не знаю.

Чувство знакомое. Недалеко ушло время, когда вдруг всех нас охватил зуд мелиорации. Помню, получив социальный заказ, я тотчас ринулся на поиски замечательного героя-современника, преобразующего землю в духе последних решений. И я очень скоро нашел его, и так же скоро его лицо стерлось в памяти. Но забыть ли луг, который он перепыхивал?!

Сплошным ковром растут цветы. Красодневы — мне больше нравится, когда их так называют. Но для дальневосточника это саранки, для биолога — лилии. Лилия

однорядная, лилия двурядная, лилия маньчжурская и архегип — рябчик. Желтые всех переливов, красноватые, тигровые. Над ними реют бабочки всевозможных расцветок: парусники Шрубендорфа, авринии маньчжурские, перламутровки, сеницы... И множество насекомых порхает, ползает, прыгает. Каждая капля воздуха пронизана стрекотом и жужжанием, каждая капля сама источает извечную энергию жизни. Бреду по колена, по пояс в цветах, ощущая тесноту, избыток биоса. Перенасыщенный воздух горчит, но луг прекрасен, совершенно гармония его жизни. Цветы, пчелы, бабочки не нарушают заповеди: за добро платят добром. Раскрылся бутон, манит цветом и запахом. Прилетела пчела — и вот вознаграждение: кубок нектара. Букашки, оказывается, не так глупы, знают, на какой бутон садиться, где готов, созрел нектар, где настал момент для опыления, зачатия нового комочка жизни. На несозревший еще или пустой не сядут — понимают язык цвета и запаха. Нет в этом мире сутолоки: каждая травка, букашка знают свое место под солнцем...

И вдруг слышу рев трактора, а через минуту меня обдало гарью. Мощные железные ножи перевернули пласты земли. И — рыжая пустыня... А что же мы потеряли из-за этих скудных центнеров сои? В 1986 году в Хабаровском крае зарегистрировано 1111 пожаров: горят пересушенные земли.

Красота не бывает бесполозной. И стремимся мы к ней не случайно. Красота и гармония — бесспорные ориентиры в нашем движении вперед. И если мы в погоне за выгодой уничтожаем их — значит сбились с пути. Природа нам дала верный компас — чувство прекрасного. Цветок, пение птиц, сколок агатовой гальки — без всего этого мы погибнем в подвальном мраке.

И не для того ли природа сотворила человека, чтобы он увидел красоту и гармонию в себе и вокруг себя, осознал и утвердил их законы?

...Почему с такой поспешностью был высажен десант?! С 1964 года Тамбовка таскается из постановления в постановление, не раз заседали экспертные комиссии. Было время подготовиться со всей основательностью — нет, ударили в барабан...

Весной 1986 года Институт экономических исследований ДВНЦ Академии наук получает задание экономически обосновать строительство завода азотных удобрений. Подчеркнем красным карандашом: весной. (А первый десантный отряд, как известно, высадился в январе.) Исполняющий обязанности директора института доктор экономических наук Павел Александрович Минакер организовал молодежную инициативную группу. Опять же заметим — работа внеплановая, что называется, на общественных началах. Расчеты велись по новой методологии, с привлечением экологической информации.

Павел Александрович привык говорить на языке цифр, и голос его сух и бесстрастен:

— Результат получился обескураживающим: при нулевом экономическом эффекте мы значительно ухудшим экологическую обстановку.

Чтобы сделать достоянием гласности такой вывод, надо иметь гражданское мужество. В крайком партии и крайисполкоме ждали совсем иного результата, а нам известно, сколь гибки и податливы бывают порой цифры... Но для Павла Александровича цифры — объективная реальность.

Привезенная из Ангарска тонна селитры стоит 70,07 руб. Нижнетамбовская будет стоить 70,9. Тонна ангарского карбонида — 107 руб., собственная — 105. Зачем, спрашивается, строить новый завод, строить по морально устаревшему, экологически несовершенному проекту (который предлагает настойчиво Московский институт ГИАП и который, к счастью, пока не утвержден), когда есть ангарский

завод, работающий не на полную мощь?

Нельзя сказать, что сегодня Дальний Восток испытывает острый дефицит в азотных удобрениях. Но, быть может, нам нужно думать о завтрашнем дне? Да, конечно. По данным биологического института ДВНЦ АН внесение азотных удобрений в наши кислые дальневосточные почвы способно повысить урожайность на несколько процентов, после чего начнется... дальнейшее закисление почв, и потребуются невероятные усилия, чтобы их восстановить. У ДальНИИСХа другая, не в пример более оптимистическая точка зрения на применение азотных удобрений... Ведь ясно уже, что вопрос требует дополнительного изучения. Сегодня применяются удобрения зачастую безграмотно, и на прилавки магазинов поступают овощи с повышенным содержанием нитратов. При транспортировке и неправильном хранении мы теряем 15 процентов дорогостоящей химической продукции. К тому же добавим, что во всем мире наметилась тенденция к сокращению производства азотных удобрений.

Может, в пику всему миру мы решили наращивать?..

Есть цифры, которые доказывают полную абсурдность идеи строительства завода азотных удобрений. Сопоставим прибыль и ущерб. Прибыль — 20,15 млн. руб. Ущерб — 5,86. Ущерб от залпового выброса — 200 млн. руб.

Завод стоит миллиард рублей. Миллиард, стало быть, под корою.

По самым скромным подсчетам, с пуском завода мы обрекаем на гибель 75 процентов осетровых рыб, 40 процентов частичковых, более 90 процентов корюшковых. Теряем половину нерестовых угодий.

Если бы институт получил свое задание своевременно, считает Павел Александрович, вопроса о строительстве завода азотных удобрений и не возникло бы.

Так у нас повелось: сначала дадим нашему ребенку диплом, потом посадим за парту учиться, в дальнейшем научим ходить, тогда уж и подойдет время рожать его. Ужас, какой уродец появится на свет! И мы будем проклинать его, и мы будем любить его, потому что он — наш...

Было уже немало уроков бессистемного подхода к проектированию. Один из них, по мнению Павла Александровича, — Тында. Получился не город, а соборные в кучу несколько поселков, каждый из которых подчинен своему ведомству, имеет свою инфраструктуру, что порождает множество коммунальных, культурных, социальных проблем. В сущности, не только Тында, многие поселки и города могли быть уроками того, как не надо проектировать. Сан Саныч Романов, главный архитектор мастерской Института проектирования городов, приложивший руку к БАМу, отмеченный высокой правительственной наградой за свой труд, подтвердил: да, хватает ошибок. Построили, а теперь выясняется, что жить в иных городах и поселках не совсем удобно.

— Ах, вы знаете, у меня большая радость! — сказала по телефону Анна Яковлевна Казанцева. — Пришел документ, которого я давно ждала. Повешу его, как икону, и буду любоваться!..

Признаться, первой мыслью было — закрыли стройку, как предсказала народная молва. Но нет,

стройку не закрыли. Мы обречены катить в гору бесполезный камень, с сизифовым упорством, назло январским морозам, июльской жаре и гнусу, назло самим себе. Время от времени этот камень будет скальваться назад, уничтожая наши посевы, луга и леса...

Я поднялся к Анне Яковлевне и получил возможность лицезреть взволновавший ее документ. Отныне и вовеки веков архитектор обязан давать проекту не только технико-экономическое, но и экологическое обоснование.

— Как вы думаете, почему именно сейчас вышло это постановление? Не раньше и не позже?

— Да не бывает рано или поздно! — воскликнула она. — Все происходит вовремя, вследствие причины.

— Какая же здесь причина?

— Поскользнулись на Чернобыле и очень больно ушиблись.

— Если бы мы всегда извлекали из ошибок уроки...

Она посмотрела на меня с укором: ведь постановление очень нужное! Можно подумать, что я его недооцениваю. Но я просто понимаю: чтобы оно действовало, нужно отстаивать его, бороться с теми, кому оно не выгодно. И еще понимаю, что подготовили это постановление и сама Анна Яковлевна, и Юрий Михайлович Лебедев, и Павел Александрович Минакер, потому что пытались работать так, как будто оно было.

— Чего у меня нет — так варианта «Катастрофа», — возвращаясь к своему проекту, говорила Анна Яковлевна. — Мне надо знать, что будет, если... Но у меня нет данных, ГИАП не дает.

Она мучается, наверное, не меньше Курчатова, создававшего атомную бомбу. Однако все идет своим чередом, и я знаю — дадут Анне Яковлевне вариант «Катастрофа» или нет, учтется он в проекте или нет, только в какой-то ответственный момент она будет отставлена в сторону, и могущественные администраторы сами решат, что да как. С архитекторами у нас не очень-то считаются, они ведь под началом того же Госстроя, тех же строительных министерств. Работа еще в самом разгаре, а тут звонок из Госстроя или из другой высокой инстанции, начальственный голос приказывает: высадились комсомольский десант — срочно давайте рабочие чертежи. Дают, а что делать?..

Судьбу Тамбовки решил не один какой-то человек и не одна какая-то служба. Но все же — кто удрал в барaban? Хабаровский крайком комсомола формировал десант — может, он?

— Да, наверное, поторопились с высадкой десанта, — признается первый секретарь крайкома комсомола Владимир Зюкин.

— Значит, срок высадки десанта назначали вы?

— Нет, мы такие вопросы не решаем. Нам приказал крайком партии.

...Прежде чем проститься с Анной Яковлевной, завожу разговор об Алексее Клементьевиче Черном, первом секретаре крайкома.

— Он прекрасно разбирается в нашем деле. Проектировали в Комсомольске железную дорогу — выходило, что она должна пройти через центр города. Алексей Клементьевич взял карандаш и обвел город, очень удачно получилось. И водопровод...

— И с Тамбовкой, наверное, помог не одним дельным советом?

— Не пригласил... Ни разу. Времени не нашел...—

И Анна Яковлевна с азартом начинает убеждать меня, какой это замечательный руководитель...

Я верю, что Алексей Клементьевич хорошо разбирается в проектировании, слышал, что он давал дельные советы мелиораторам; наверняка и в пчеловодстве познал толк, и в литературе дока... Но вот думается: каким бы ни был разносторонним администратор, рано или поздно и он ошибется. Девять раз выдаст верное решение, на десятый может быть сбой. Часто слышишь: «Они несут на себе такой груз!» Сбросили бы его с себя, этот тяжелый, этот непосильный груз — и всем бы стало легче. Пусть сапоги все-таки тачает сапожник, города проектирует архитектор, краном распоряжается прораб. И экономист пусть обмозговывает, в какое дело вложить деньги. У администратора своя роль — организовать дело так, чтобы ни одна служба, ни один специалист не остались за бортом, если они могут сказать свое компетентное слово, и чтобы ни одно наше деяние не повредило земле, людям, обществу.

Мы только-только учимся считать, нам только-только начинают открываться сложнейшие механизмы природы, которые мы раньше по своему невежеству не принимали в расчет. Двигается история, мы выходим на новый виток — близорукий физикализм вместе с топорной административной экономикой отлетает в прошлое, их сменяет новое экологическое мышление. Мы лучше должны узнать свою землю, понять ее свойства, ее возможности, и что она может дать, а чего никакими силами не вырвешь. Осознать, наконец, простую истину: на свою родную землю надо приходить не с насилием, а с любовью. Только любовь приносит плоды.

Пока писал этот очерк, подospel еще один важный документ. Политбюро ЦК КПСС и Совмин СССР одобрили Долговременную государственную программу комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области в период до 2000 года. Дальний Восток будет развиваться ускоренно по сравнению с другими регионами.

Прекрасное постановление, но история знает немало прекрасных постановлений, которые, опускаясь на землю, становились своей противоположностью. Так что к привычному чувству глубокого удовлетворения примешивается еще и изрядная доля озлобленности: на что будут потрачены миллиарды рублей? С толком, с пользой мы их употребим или пустим под кородеа?

Богатейший край, а многие его районы на дотации у государства. Почему? Да потому, что, не зная его особенностей, идем со своим опытом, который тут ни в коей мере не годится. Получив сиюминутную выгоду, обрушиваем на себя неисчислимые беды.

Богатейший наш край, а мы с воровской поспешностью потрошим подземные кладовые, что-то пускаем в дело, но большую часть втапываем в грязь... К самому краю подошли — Дальний Восток, дальше двигаться некуда.

Пока мы еще не бедны, но однажды можем проснуться и увидеть: недра пусты, леса вырублены и выжжены, реки отравлены, пашни бесплодны. Как?.. Почему? Ведь не жили в праздности и неге. Да потому, что большую часть богатства своего — сокровища недр, энергию, творчество, — отдали под кородеа.



# У НАС ОДИН КОРАБЛЬ — ЗЕМЛЯ

...Устранены многие бюрократические препоны, долгое время стопорившие международные коммерческие сделки СССР. Производственные объединения страны наконец-то стали напрямую контактировать с зарубежными партнерами.

Нет большей радости для моряка, чем встреча с берегом! И пусть даже чужой это берег — после многих дней и ночей, проведенных в неугомонном зыбком океане, душа и сердце моряка все равно ликуют, когда он видит гавань. А на берегу что самое приятное — общение!.. И потому в любом порту мира есть у матросов и капитанов свои «фирменные» адреса.

В Находке любой иностранец без труда найдет дорогу в клуб интернациональной дружбы моряков. По вечерам у стойки бара, за столиками кафе, в уютном холле, в бильярдной многолюдно, слышна разная речь.

В один из тихих, солнечных, не по-зимнему теплых дней в Находке бросил якорь китайский теплоход «Дзя Шань Гуан». Швартуясь к причалу, экипаж не знал, что на берегу его ждет сюрприз... «Дзя Шань Гуан» по благоволению судьбы стал пятисотым китайским судном, пришедшим в Находку. Юбиляров вечером ждал праздничный стол. На правах хозяев в клубе моряков радушно принимали гостей экипаж советского теплохода «Иван Сырых» и студенты Находкинского музыкального училища. Весь вечер звучали советские и китайские песни, шли оживленные беседы.

Китайские суда бросали якорь в Находке и в ту пору, когда по вине Мао Цзедунa в дружественную атмосферу наших отношений вторгся холодный ветер. Докеры Находки, как и прежде, продолжали вежливо встречать и провожать суда КНР, деловито вели грузовые операции. Ходили в Китай и советские суда. Встречали их в портах иначе: были и угрозы, и оскорбления, нередко таможенный и карантинный досмотр длились по несколько часов и напоминали скорее обыск. Но в тот период отчуждения советские моряки слышали добрые слова. «Здравствуй, товарищ!» — говорили украдкой старые докеры, а на тихих улочках, озираясь по сторонам, протягивал с улыбкой руку какой-нибудь пожилой китаец.

Сегодня стрелка барометра дви-

жется к отметке «ясно», и в Китае не боятся открыто приветствовать советских моряков. Восстанавливают-

ся деловые связи, оживает приграничная торговля. Открыта новая советско-китайская авиалиния Хабаровск — Харбин. После многолетнего перерыва вновь стали заходить на ремонт в порты Китая советские суда. Согласно договору с крупнейшей судоремонтной фирмой «Дзянань», нынче в Шанхай отправятся на ремонт несколько рефрижераторных судов управления «Востокрыбхолодфлот», недавно вернулись рефрижераторы «Гуцул», «Сахалинские горы» и «Мыс Ушакова»; хороший ремонт первой партии судов убедил, что «Дзянань» — надежный партнер. Такая кооперация взаимовыгодна. Нам она позволяет решать проблему судоремонта, поскольку возможности дальневосточных заводов пока ограничены; китайская же сторона имеет не только прибыль, но и возможность дать работу многим рабочим.

Моряки Владивостока и Находки доставляют из портов КНР сою, кукурузу, зерно, фрукты, цитрусовые. Китайские суда загружаются советскими легковыми автомобилями, станками... Хорошие соседи должны жить по-доброму. Управление производственных флотилий «Дальморпродукт» предложило китайской внешнеторговой фирме «Машинпекс» вести бартерную торговлю, то есть взаимовыгодный безвалютный обмен: мы поставляем часть своей сверхплановой продукции, а китайские партнеры взамен ремонтируют наши рыбацкие суда. Время подскажет и новые возможности для сотрудничества.

Рост деловых контактов заметен. Устранены многие бюрократические препоны, долгое время стопорившие международные коммерческие сделки СССР; производственные объединения страны наконец-то стали напрямую контактировать с зарубежными партнерами. Было бы желание, а лед недоверия недолго растопить...

Именно желание иметь взаимовыгодное дело с советскими рыбаками помогло двум американским предпринимателям — Барри Фишеру и Джеймсу Талботу — склонить на свою сторону весь сенат США.

Евгений БАБКИН

## ДИАЛОГИ

«Бартер» с английского — меновая торговля. Рыба у американцев — традиционно продукт не первой необходимости; но было бы неразумно не использовать 200-мильную экономическую зону... Компания СовАм содержит штат представителей, владеющих русским языком. Задача наблюдателей из США — чтобы правила рыболовства выполнялись точно.

...Живем, как в «Интуристе». На всех палубах, в кают-компании, в рубке то и дело слышится просто английская речь и английская речь с немилым акцентом, русская и русская с акцентом...

— Добрый у-тро! — обрадованно тянет старший наблюдатель Диана Маттас.

В тон ей старательно отвечают: — Мо-онинг!..

Представитель компании на судне — 28-летний Филипп Кнейсли. Наблюдатель — Пол Хаммонд. Фил и Пол. Более разных людей представить трудно. «Он на священника учился», — шепотом говорит про Пола Фил, как будто это что-то объясняет. У Пола — два высших биологических образования. Всю жизнь он занимается не своим делом, его призвание — орнитология. Завидев птичку, рыбаки бегут искать Пола. Он благодарит и выходит с биноклем на палубу.

Диану вызвал Пол. Он, оказывается, никак не найдет контакта с русскими, а Фил ему мало помогает переводом.

На наше заправки брошенное «хлебу» Пол с большим усердием выговаривает:

— Здравствуй-йте.

Евгений Бабкин, журналист, свердловчанин, четыре года плывал помощником капитана; он рассказывает о некоторых эпизодах бартера-87, о совместной работе советских и американских рыбаков на борту большого морозильного траулера «Мыс Свободный».

— Идея скооперироваться с советскими рыбаками осенила меня вскоре после того, как были введены двухсотмильные морские экономические зоны,— рассказывает один из основателей советско-американской рыболовной компании судовладелец Барри Фишер из штата Орегон.— Двухсотмильная граница США «лишила» Советский Союз такого богатого района промысла, как западный сектор Берингова моря, где дальневосточные рыбаки много лет подряд брали высокие уловы. Американцы, завладев огромными запасами морских ресурсов, стали подобно собаке на сене... Мы не могли в одиночку получать прибыль от промысла в северном секторе Тихого океана. Прежде всего потому, что у США нет такого мощного рыбообрабатывающего флота, как у СССР.

Создавать собственные плавзаводы и суда-процессоры — дело долгое и весьма дорогое. Построить рыбообрабатывающие заводы на побережье? Горячие головы убеждали сенат склониться к этому варианту. Но это означало бы сезонный набор многих тысяч рыбообработчиков на слабозаселенные Аляску и Алеуты — для бизнесменов и покупателей пойманная в Беринговом море рыба поистине стала бы золотой...

## — ДИАЛОГИ —

С Дианой Маттиас наш капитан работал еще четыре года назад. У них есть общие знакомые.

— Что слышно о Лорен?

— О, она вышла замуж и уехала с мужем в Никарагуа.

Мы молча оцениваем этот факт. Фил считает нужным сделать вывод:

— Она там борется с «контрас».

— А за кого? — спрашивает Пол.

Фил отвечает уклончиво...

— Главное, что против...

Фил не терпит педантов.

Фил очень низкого мнения об американском юморе:

— Наш юмор вертится вокруг секса и цветных...

— А Марк Твен? — спрашиваю его.

— Это юмор самого Марка Твена,— отрезал Фил.

Я повел его в столовую, к стенду, где помещено высказывание великого писателя: «Только безумец может вообразить, что Америка когда-либо нарушит верность дружбе с Россией враждебным высказыванием или действием».

— Но это не юмор,— прочитав, сказал Фил.

— Конечно, Марк Твен говорил это серьезно. Но разве нет сейчас безумцев в Америке?

— Марк Твен не мог этого предвидеть.

идей было небезопасно. В 1978 году антисоветская истерия в США достигла своего апогея. Президент Картер круто повернул политический штурвал и взял курс к международной напряженности. По воле Белого дома свертывались и замораживались советско-американские экономические, научные программы, вводились эмбарго и санкции.

Но Барри Фишер и его компания — Джеймс Талбот оказались не только прогрессивными бизнесменами, но и мужественными людьми. Несмотря на политический шторм, не боясь быть занесенными в списки «красных», они приехали в Вашингтон с предложением о совместной компании. И убедили сенат в своей правоте. Портами приписки совместной компании стали города Находка (Советский Дальний Восток) и Ситл (штат Орегон).

Об условиях совместного бизнеса американские предприниматели договорились с советской стороной быстро и без проблем. Проблемы возникли на американском берегу. Сначала Барри Фишеру и его жене не давали покоя натравленные на них хулиганы: угрожали по телефону, оскорбляли на улицах. Фишеры мужественно выступили против психической атаки. Гораздо трудней оказалось найти среди американских рыбаков истинных смельчаков, которые, не боясь прослыть неблагонадежными, отважились бы пойти на промысел вместе с русскими.

И эту проблему решил Барри. Не только чистый бизнес, большая выгода вдохновляли его преодолевать один барьер за другим. Есть и другая причина. В годы второй мировой войны пятнадцатилетним подростком Фишер добровольно стал моряком, чтобы в интернациональных морских экипажах союзников доставлять в СССР оружие, продукты и одежду, помогая в борьбе против фашизма. Дважды в составе знаменитых караванов «PQ» Барри приходил в Мурманск.

— Меня, безусого юнца, покорили храбрость и великодушие советских людей,— вспоминает Барри.— Искренние симпатии к русским не остудили ни время, ни затяжные «холодные» войны. В России я понял, как фантастически много могут сделать два великих народа, если объединить наши усилия...

Во время недавней встречи с Барри Фишером я спросил: «Есть ли у вас сейчас проблемы?». Старый капитан рассмеялся: «Конечно!.. Самая большая — как из многих сотен американских рыбаков, желающих трудиться вместе с русскими, отобрать лучших...».

...Интересна история советско-сингапурской компании по морским ресурсам, которая процветает уже много лет. У Сингапура слабый рыбопромысловый флот, но богатая тун-

цом двухсотмильная экономическая зона. Зная это, Япония и США первыми предложили Сингапуру свои услуги. Но Сингапур отказался: маловыгодными были для него условия контрактов. Условия же нашей «Дальрыбры» оказались подходящими для обеих сторон. С той поры дальневосточные тунцеловные суда промышляют эту деликатесную рыбу в южных водах Тихого океана и, мороженую, поставляют в Сингапур.

## — ДИАЛОГИ —

Потом я попросил его помочь мне разобраться в тонкостях английского юмора. Показал ему обложку лондонского журнала, на которой был изображен медведь, развалившийся в мягком красном кресле: под мышкой у него плейер, в руке — банка кока-колы, а на каждой мишкной тапочке выведены буквы — КГБ.

— Какая связь, Фил, между тапочками и КГБ?

— По-моему, это слишком тонко. Во всяком случае, до меня не доходит... О, да тут же подпись: «Легче ли будет иметь дело с Россией, которая разбогатеет?» Непонятно...

И тут до меня «доходит»: вся карикатура — это вопрос: что будет, если перестройка в Советском Союзе осуществится? Вот и весь юмор...

Очень забавно читать названия на американских картах. Вот, например, островки Бабы, или Чай-чьи: крики чаек напоминали какому-то уставшему моряку дом и желанный женский галечек. Американцы перенесли это название буквами, только своими.

— Фил, ведь получается, что это острова Бэби...

— Ну да... Значит, «Детские».

— Вместо Бэби — Детские...

Кое для кого успех советско-сингапурской компании по морским ресурсам (МАРИССКО) был как кость в горле. С целью отлучить русских от выгодного дела была подключена реакционная пресса. «Русские шпионы под видом рыбаков!», «Прикрываясь торговой ширмой, Советские настроены экспортировать в Сингапур коммунистический режим...», «Советские морские пехотинцы в южных водах...». Эти лживые утверждения из американских и японских газет без лишних комментариев говорят, на что рассчитана была антисоветская кампания. Однако политический спектакль не удался: МАРИССКО живет и набирает силу. Честный бизнес, деловитость, мастерство, отзывчивость дальневосточных рыбаков ломают самые прочные преграды, чинимые теми, кто делает ставку на политику диктата и экспансии.

Внимательно и настороженно целых семь лет следили канадские бизнесмены за делами советско-американской компании, не спешили с выводами. Они упорно хотели убедить-

Здравый смысл подсказывал: надо создавать совместную советско-американскую рыболовную компанию. В ту пору высказывать такие

ся: «Будет ли стабильной прибыль? Не грянет ли шторм?». Бизнес — дело рискованное, и потому канадцы шли на контакт весьма осторожно.

Прошедшей зимой компания «КанСов Марин Продакс ЛТД», судя по всему, вышла на прибыльный курс. Впервые советские и американские добытчики выловили полностью выделенную канадским правительством сезонную квоту, и это

## — ДИАЛОГИ —

Заправили топливом нашего лова — «Силвер Чалиса». Его капитан Тон Конер вместе с братом были у нас в гостях. Младший брат так и светится интересом ко всему, но сдерживает себя. Их отец приобрел судно семь лет назад за 600 000 долларов. Сейчас за такое судно, как было у него, надо отдать полтора миллиона. Я спрашиваю Тона:

— Рискнули бы вы купить ловец за такую сумму?

— Нет, не рискнул бы. С вами, русскими, мы хорошо и выгодно поработали, но такая стабильность будет еще лет пять, не больше.

Я уже не первый раз слышу это. Наверно, Америка будет строить свой рыболовный флот. И всяких закорючек много. Недавно Фил говорил, что в верхах действует лобби крабовых компаний. Квота на «боксом ползающих» постоянно присутствует на промсоветах. Можно поднять только строго ограниченное количество, наблюдатели следят за этим. Поэтому когда кутек вытряхивает «пауков», мы глядим на них с ненавистью — потеря времени, сбой...

при том, что промысловая обстановка не благоприятствовала. И дальше арена сотрудничества с канадскими рыбаками будет расширяться. Мы заинтересованы в том, чтобы экипажи советских промысловых и обрабатывающих судов получили возможность не только заходить на отдых в порты Ванкувер и Виктория, но и могли по контракту получать там необходимые услуги по ремонту, снабжению. По мнению специалистов-экспертов, у советско-канадской компании хорошие перспективы. Наши связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона укрепляются.

С ближайшими соседями, рыбаками Корейской Народно-Демократической Республики, подписаны контракты о совместном предпринятии «Тасимапродукт». «Тасима» в переводе с корейского — морская капуста. Она давно стала не только ценным продуктом питания, прежде всего для людей, страдающих белокровием и зубовой болезнью, но и незаменимым компонентом в фармакологии, косметике и парфюмерии, в современном кондитерском производстве. Богатые урожаи ламинарии с

подводных «огородов» Желтого моря поставляются на советские процессы. Взамен корейские рыбаки получают современные орудия промысла, технический рыбий жир.

Ученые Владивостока, экипажи судов Тихоокеанского управления научно-исследовательского флота и рыбопромысловой разведки помогли Вьетнаму, Кампучии и Никарагуа найти в своих двухсотмильных экономических зонах промысловые стада рыбы, проследить пути и периоды их миграции, составить подробные промысловые карты, обучить рыбаков этих стран современным методам добычи в открытом океане.

Ведутся переговоры о создании крупной советско-вьетнамской компании, со своими судами-ловцами, рефрижераторами и процессорами, береговыми холодильниками и рыбокомбинатами. Такая фирма станет серьезным подспорьем в экономике Вьетнама.

Воды одного моря омывают Приморский край и Японию. Сегодня ведется прибрежная торговля более чем со 130 японскими фирмами. Наиболее активные партнеры — международно известные «Чери», «Прогресс Трейдинг», «Ниссо Боеки», «Марубени». Фирма «Прогресс Трейдинг» — пионер в развитии прибрежной торговли с Советским Дальним Востоком. Именно ее президент первым заключил сделку с Всесоюзным экспортно-импортным объединением «Дальинторг». Другая японская фирма — «Ниссо Иваи» — ведет торговлю только с Советским Союзом. «Дальинторг» поставляет японским

## — ДИАЛОГИ —

Гости нас не оставляют вниманием. Приехала старший технолог компании Вера Кизнер. Белевые ресницы, веснушки-конопушки, остренький носик... Но решения она принимает мгновенно, приказы повторять не любит. От Дианы и Фила я слышал, каким образом Вера выразила свое несогласие с ростом военных расходов в своей стране: она старалась заработать ровно столько, чтобы налог, который отчисляется Пентагону, не взымался. Год жила с этим минимумом, потом перестала «бастовать», тем более что военные расходы росли, несмотря на ее протест...

У ее отца ферма в штате Айова. Она пробовала вести там дела, но не выдержала конкуренции с собственным братом. В будущем она рассчитывает, что он возьмет ее счетоводом.

Вечерами Фил приходит ко мне поиграть в шахматы. Проиграв, он всегда благодарит за партию и, откидываясь в кресле, спрашивает:

— Что тебя сегодня интересует?

— Наши предложики Эй-би-си купить у них телефильм «Амери-

ка», и те обещали подумать.

## — ДИАЛОГИ —

— Нужен вам этот мусор! Но ваше предложение, я считаю, пропаганда. Тем более, Эй-би-си уже отказала.

— Совесть заела, вот она и отказала.

— Может быть, и так. Ваш телефильм об американской высадке во Владивостоке тоже будет пропагандой.

— Скорее, контрпропагандой...

— Ха! У нас тоже все называется контрпропагандой!..

Фил нашел одно общее между нашими странами — бюрократизм. Он считает, что бюрократ — это «тот, кто двигает бумагами».

— У нас сейчас вновь развернулась борьба с бюрократией, — считаю нужным сообщить ему.

— У нас тоже.

Не хватало, чтобы кто-нибудь из нас заявил: «Наш бюрократ лучше вашего!»

— Сейчас мы охотно сравниваем нашу жизнь с тем, что происходит в других странах, в вашей стране. Много вопросов ставит ваша перестройка. Но отвечать на них будете вы сами.

фирмам более 60 наименований — деловую древесину, энергетические угли, рыбу, лекарства, морепродукты.

У народов-соседей неизбежно возникают общие проблемы. Главная из них — экологическая. Природе ведомы государственные границы и политические разногласия. Хорошо зная эту истину, ученые Советского Дальнего Востока и Японии, прежде всего морские биологи, ихтиологи, не порывали контактов даже в пору политических похолоданий.

При содействии японских фирм в Приморском крае построены два завода по искусственному разведению и выращиванию молоди лососевых. В скором времени войдет в строй и третий такой «инкубатор» для красной рыбы. Лососевые, как известно, постоянно приходят на нерест в реки Сахалина и Приморья, Нижнего Амура и Камчатки, Колымы и Чукотки. Вылупившаяся из икринок молодь, окрепнув, возвращается в морские просторы, набирается сил, растет и жирует у берегов Японии. Так что косяки лососевых — общие, и забота о них должна быть общей. Больше выведется молоди в «инкубаторах» — больше будет ее и в океане.

Вслед за ихтиологами, морскими биологами точки взаимодействия наметили и морские геологи, океанологи, этнографы и экономисты.

После подписания в октябре 1956 года совместной декларации о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией в порты Страны Восходящего Солнца было выполнено дальневосточными моряками всего несколько рейсов. Сейчас — более 3000 заходов судов.



Грузовой ежегодный оборот на советско-японском направлении превышает четыре миллиона тонн.

...Теплоход «Капитан Ляшенко», подняв якорь и отдав швартовы, медленно вышел из тихой бухты Врангеля в неугомонный океан. Поделовому скромно, без музыки и цветов, причалы четырех морских портов Находки покидают десятки судов. И все-таки в этой армаде ушедший «Капитан Ляшенко» не остался незамеченным. Рейсом этого судна, после продолжительного перерыва, вновь открылась регулярная судоходная линия «Порты Приморья — Канада — США». Прежде эта линия приносила хорошую прибыль Дальневосточному морскому пароходству, была выгодна и для американских бизнесменов. В семидесятые годы советские суда-контейнеровозы заметно подняли свой престиж в мировом судоходстве и стали пользоваться высокой репутацией у зарубежной клиентуры. Советские моряки доставляли грузы аккуратно, в срок, на более выгодных, в отличие от многих конкурентов, условиях. Высокий был спрос на советские контейнеровозы...

И вот в пору очередного «похолодания» сенат США специальным постановлением запретил своим бизнесменам доставлять грузы на советских судах. Для того чтобы этот беспардонный диктат выглядел пристойно, решение «одежи» в маскирующую формулировку: дескать, советский морфлот стремится к экспансии в мировом судоходстве. Увеличивая объемы перевозок иностранных грузов, советский торговый флот тем самым... разоряет зарубежные судоходные компании, выбрасывает их на «мель банкротства».

## — ДИАЛОГИ —

Пол заявил, что мы, наверное, считаем США агрессивным государством.

— Факты для такого утверждения есть.

— Вот и у нас есть факты.

— Вы, американцы, за всю историю почти не воевали на своей территории, вам трудно понять наше беспокойство в вопросах безопасности...

— В середине прошлого века у нас была жестокая гражданская война, — встречает Фил. — а Россию постоянно окружали внешние враги. А вот наша, внутренняя война вас ведь не коснулась?

— Тут ты не совсем прав. Во время гражданской войны в США Россия была на стороне президента Линкольна. К сожалению, во время нашей гражданской войны США участвовали в интервенции против Советской России.

— С тех пор эта самая интервенция — для вас крупный политический козырь... Мы, конечно, теперь сожалеем об этом факте.

Правительственная санкция в США прежде всего ударила по интересам своих же деловых людей. Целых десять лет они получали грузы из Юго-Восточной Азии с перебоими, ждали их в полтора раза дольше, чем раньше, а за доставку платили поболее... Советские же контейнеровозы без дела не остались, зарубежные клиенты нашлись быстро.

Здравый смысл в конце концов взял верх: советская судоходная линия в США и Канаду вновь открыта.

Политические санкции и эмбарго, экономические войны и блокады, словно бумеранг, возвращаясь, больно ударяют по интересам тех, кто сам же их выдвигает. С реалиями надо считаться, невзирая на то, какого они цвета — красного или белого... А реалии на советском побережье Тихого океана сегодня иные. Долгое время Советский Дальний Восток был на международной эконо-

## — ДИАЛОГИ —

— Надо всех генералов, я наших, и наших, послать на Луну, — предлагает Пол. — Пусть они там проявляют свои профессиональные качества...

Вера тоже решила высказаться: — Нам надо отложить все наши разночтения и искать общее, тогда будет более дружливо.

Лов идет неплохо, но что-то не заладилось у нашего «Силвера Чалиса»: все поднимают по 20—30 тонн, а он — 10—15...

Договорились, что наш трал-мастер посмотрит их промвооружение. Через два часа консультация кончилась: «Трал у них перекошило. Но они этому значения не придавали... экономисты!» Оказывается, тралмастер ловца, по имени Грэг, — экономист по образованию, месяц назад трал впервые увидел... На самом деле у него всего два курса университета. А море — его страсть, потому он и попал сюда.

## — ДИАЛОГИ —

С Грэгем были просто замечательные беседы. Грэг написал своему другу, связанному с судостроением, в штат Вашингтон, и попутно предложил мне свои услуги:

— Я могу связать вас с другом, если ваши хозяева пожелают иметь чертежи автоматизированных судов...

Я вспомнил, что он всего месяц назад увидел трал, и открыл от удивления рот.

— Ваши суда, я вижу, устарели, и флот нуждается в обновлении.

Я поблагодарил его и сказал, что судовладелец меня на это не уполномочивал.

— Жаль, — огорчился Грэг, — мы могли бы договориться...

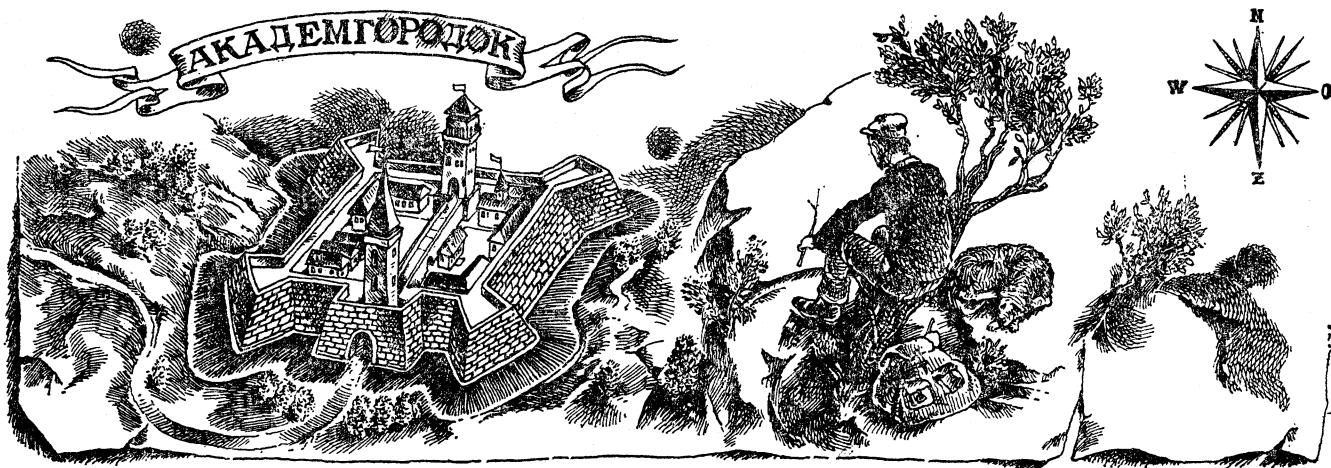
ским путем: по Атлантике, через Суэцкий канал, Индийский и Тихий океаны. Долго и дорого... Советский Союз предложил иной путь — трансконтинентальный контейнерный сибирский сервис. Грузы из портов Западной Европы на судах доставляются в порты Советской Прибалтики, Черного моря. Затем по железной дороге — во Владивосток и Находку, и снова на судах — в Японию. Новый вариант на целых полмесяца сократил время доставки, и почти на четверть она стала дешевле. Выгоду в новом международном торговом пути увидели бизнесмены Гонконга, Филиппин, Австралии, Сингапура. Осенью прошлого года открылась еще одна регулярная линия: Владивосток — Находка — Новая Зеландия.

Судя по почте, приходящей в Дальневосточное морское пароходство, зарубежная клиентура довольна и условиями, и надежностью работы советских моряков. Нет никакой экспансии — есть сотрудничество.

Жизнь учит: сегодня, когда мир понял, что все мы — члены одного экипажа, а корабль наш называется «Земля», надо искать пути добрососедства и взаимопонимания, доверия и взаимовыгоды. Это гораздо сложнее, чем становиться на путь эмбарго. Но зато надежнее.

номической карте глубокой провинцией. Владивосток и Находка стояли в стороне от больших и оживленных морских дорог, их суда не ходили в каботажные рейсы. Но развивались Сибирь и Дальний Восток, строились города, заводы, горнообогатительные комбинаты, прокладывалась к океану Байкало-Амурская магистраль, — и если географическая карта за это время осталась неизменной, то экономическая изрядно изменилась. Владивосток и Находка стали гигантскими перекрестками морских и сухопутных дорог, транспортными стыками между Европой и Азией.

Эти изменения поделовому оценили японцы. Раньше грузы из Европы в Японию и наоборот доставлялись долгим южным трансокеан-



Игорь ДУЭЛЬ

# У САМОГО БЕРЕГА БУХТЫ

## ПЕРВЫЕ СЕМЬ ЛЕТ

Академгородок Дальневосточного научного центра расположился за основным массивом владивостокских улиц. Здания институтов разбросаны по склону высокой сопки, сходящей уступами к Амурскому заливу. И если подъехать к Академгородку по шоссе — «сверху», — то, чтобы попасть в нужный тебе институт, приходится еще минут десять, а то и пятнадцать, спускаться крутыми трассами, преодолевая инерцию собственного тела, рвущегося вниз кубарем.

Если же добираться до Академгородка электричкой — железная дорога петляет здесь вблизи берега залива, — то, выйдя на остановке «Чайка», оказываешься почти у подножия сопки. Институтские здания как бы висят над тобой. Когда приезжаешь впервые, кажется: достичь их под силу лишь бывалому альпинисту. Потом привыкаешь, крутизна перестает пугать. Движешься вверх, сокращая путь, напрямик — по тропам, вытоптанным среди зарослей маньчжурского дуба и лиственницы, среди кустарника, по узким мосточкам, переброшенным через бегущие к морю ручьи. И одолевая путь, понимаешь, как удачно выбрано место для Академгородка — он словно встроен в ту природу, ради изучения которой был сформирован ДВНЦ — Дальневосточный научный центр Академии наук СССР.

А если от платформы «Чайка» двинуться не вверх — на сопку, а наоборот, пройдя вдоль рельсов несколько сот метров в направлении города, спуститься к близкому берегу бухты, наткнешься на два строения, имеющих также прямое отношение к познанию природы региона.

Первое из них стоит рядом с железнодорожным полотном. Это довольно большой двухэтажный дом с мезонином, сложенный из бревен, зияющий несколькими провалами пустых окон. Второе строение — чуть в стороне от дома, уже совсем рядом с кромкой моря, представляет собой склоне изрядно поржавевших металлических гаражей, соединенных друг с другом оградой из крашеных

листов железа, тоже основательно побитого ржавчиной. Именуется оно несколько высокопарно — «эллинг».

Несмотря на столь не соответствующий нынешнему этапу НТР внешний вид, оба этих научных объекта составляя предмет и гордости, и бесчисленных страданий их единственного, по сути дела, хозяина — моего друга Радия Олеговича Радкевича.

На берегу бухты (в деревянном доме, а чаще всего возле него либо в эллинге) проводит зачастую Радкевич весь свой рабочий день, тянущийся обычно от рассвета до заката.

Живет Радий Олегович здесь же, в Академгородке, почти на вершине той самой сопки, у подножия которой расположилось его хозяйство. Вдвоем с матерью занимают крохотную квартиру из двух смежных комнат в пятиэтажке, минимум удобства которых стал уже давно благодатной темой для реприз эстрадных остроумцев.

Екатерина Александровна Радкевич — имя в геологической науке широко известное. Во Владивосток она переехала из Москвы без малого тридцать лет назад, уже будучи доктором наук. ДВНЦ тогда еще не существовало, но было в регионе несколько академических заведений, подчинявшихся Сибирскому филиалу АН СССР. И когда вышло решение — пополнить науку края Дальневосточным геологическим институтом (ДВГИ), — Екатерине Александровне предложено было его возглавить — а точнее, создать.

Радкевич занимала директорский пост более пятнадцати лет. Избрана была членом-корреспондентом АН СССР, стала Героем Социалистического Труда.

Радий Олегович оставил Москву позже матери. Разочаровавшись в «сухонутной геологии», которой до того верой и правдой прослужил более десятилетия, он увлекся изучением окраинной части океана — шельфа. А для работы над этой проблемой не было в стране места лучше Владивостока, да и мать давно звала к себе, предлагала работать вместе.

Тогда, во второй половине шестидесятых годов, и обзавелся Радий своим хозяйством. В эллинге, который

он по большей части построил собственными руками, сосредоточились самые разные «плавсредства» — от крохотных шлюпок до солидных катеров, богатый набор разнообразных экспедиционных научных приборов.

Заброшенный деревянный дом — опять же стараниями Радия — стал лабораторией и хранилищем образцов, в нем — уникальная коллекция песков и отложений, поднятых со дна на значительной части шельфа Тихого океана и прибрежных морей.

Направление все более явно демонстрировало свою перспективность. И в теоретическом плане: гипотеза Радия Радкевича о том, что шельф играет громадную роль в глобальном круговороте минералов, получала с каждым сезоном новые подтверждения. И в прикладном: во многих странах уже тогда пески океанических окраин начинали использовать как сырье для получения редких металлов (циркония, к примеру), а геологам ДВГИ удалось доказать, что и на наших дальневосточных побережьях есть вполне пригодные для таких разработок районы.

Счастливая пора, когда год за годом изучение шельфа набирало силу, продолжалось семь лет. Потом его дальнейшее развитие было оборвано в одночасье волевым решением административного гения...

## ПОКА ГРОХОТАЛ ВУЛКАН

Главные события той истории развернулись летом 1973 года, когда Радий Радкевич возглавил экспедицию на судне «Геофизик» к берегам Курил, в которой и Екатерина Александровна приняла участие. Нежданно-негаданно попали они в район извержения вулкана Тятя на острове Кунашир, с самых времен наполеоновского пашества — ровно 161 год — не подавшего признаков жизни. Тятя и на сей раз не изрыгнул лавовых потоков, но многократно осыпал и Кунашир, и всю акваторию на десятки миль в округе, и соседние острова вулканическим пеплом. А пепел этот, в составе которого было изрядное количество металлических частиц, представлял для геологов огромную ценность, ибо по нему можно было судить о некоторых особенностях преобразования веществ в земных глубинах.

Словом, программа экспедиции сама собою расширилась. Геологи не только исследовали шельф Курил, как было изначально запланировано, но и старались использовать любые возможности взять образцы пепла. Мотались от острова к острову то на «Геофизике», то на ботах. Забывали про еду и сон. Жили в восторженно-лихорадочном состоянии, с ощущением порога серьезных открытий.

А в это время во Владивостоке шла кампания по омоложению руководящих кадров. Как раз тогда, когда взорвался Тятя, добралась эта кампания до ДВНЦ. И покатились все, как вспоминает Екатерина Александровна, по традиционной схеме. Нашелся в Дальневосточном геологическом институте один сотрудник, который счел, что данный исторический момент дает ему лично удачный шанс выдвинуться. А поскольку большими научными достижениями этот человек похвастать не мог, то воспользовался иным, отлично отработанным методом. Стали поступать в различные организации письма того сотрудника, в коих, вроде бы радя исключительно о благе державы, сообщал он, что Е. А. Радкевич — вовсе не та личность, которой надо бы руководить ДВГИ. И лет ей уже шестьдесят пять, и теорией излишне увлекается, а надо бы поисками олова. Странная складывалась ситуация: деятельность Радкевич, за которую получила она широкое всесоюзное и мировое даже признание, за которую удостоилось высшей награды страны, практически без оснований и доказательств перечеркивалась единым взмахом пера.

Впрочем, сами письма такого рода у меня лично удивления не вызывают. Думается, как писались они исстари, так будут и впредь. Трудно надеяться, что чело-

веческий генофонд освободится вскорости от гена подлости. Трудно надеяться, что могут наступить светлые времена, когда серость и бездарность не станут стогать от зависти, видя успехи талантливых коллег. Другое удивляет: почему — тоже ведь с редким постоянством — находятся в высших эшелонах власти деятели, которые мгновенно проникаются верой к суждениям подобных «радетелей о благе».

Вот и на сей раз пожелавший выдвинуться был принят и обласкан — да не кем-нибудь «из среднего звена», но самим тогдашним «хозяином края». А обладал «хозяин» нравом крутым, на расправу бывал скор.

Словом, как или иначе, но Екатерина Александровна, как только вернулась она из экспедиции, еще полная ощущений схватки со стихией, вызвана была «на ковер» и услышала из начальственных уст соображение, что лучше бы ей оставить подобра-поздорову директорский пост.

Радкевич в своей мемуарной книге сама себя назвала «независимой и достаточно самолюбивой особой». Потому совершать какие-либо ответные маневры, искать высоких покровителей, словом, выкручиваться она не стала. Но прямо «на ковре» заявила, что подаст прошение об отставке, как только будет найден достойный преемник. На что было ей сообщено, что таковой имеется, и прозвучало имя автора разоблачительных писем.

В институте наступил период «безвластия». Потом несколько лет стоял во главе его один директор, ныне встал другой. Люди эти во многих отношениях друг на друга не похожи. Но некая общность их объединяет: и для первого, и для второго Екатерина Александровна — словно бельмо в глазу. Оттого-то в два приема было сокращено подразделение, которым она руководила с момента создания института, сочетая эту должность с директорством. Сперва отдел металлогении стал лабораторией, потом — группой с совсем уже малым числом сотрудников.

Что же до Радия Олеговича, то на него сразу, как оставила Екатерина Александровна руководящее кресло, было грозно указано административным перстом. Изгнать как рецидив семейственности!

Тут еще и разные прежние шепотки стали громче. Да ученый ли вообще Радий Радкевич? Вечно возится там у себя, на берегу бухты, то с какими-то железками, то с деревяшками. Все сам да сам. Из грязной роботы не вылезает. Между тем ему-то уже пятый десяток, а до сих пор не «остепенился». Радий и верно, увлеченный экспедициями, постоянно погруженный в обустройство своего хозяйства, не находил времени для диссертации. Однако научных работ опубликовал к тому времени больше, чем иной доктор. И в кругах специалистов имел крепкий, надежный авторитет. Да столь ли это важно, когда дела вершатся в административном раже?

В общем, чтоб не накалялись страсти, был переведен Радий (вместе со своим хозяйством) в другой институт ДВНЦ, никакого отношения к геологической тематике не имеющий. Там Радия приняли, по всей видимости, как захоза при своих двух прибрежных строениях.

Вскоре и приказ ему последовал: выдать для одной из экспедиций института ценнейший научный прибор. Радкевич не просто выполнил приказ, но еще и попытался объяснить пришедшим за прибором сотрудникам, как с ним обращаться. Однако слушать его не стали: мол, сами с усами, разберемся. И разобрались! Тут же, в эллинге, так этот прибор раскурочили, что он пришел в полную негодность. Радий закусил удила: когда институту вновь что-то потребовалось из его арсенала, он дать прибор отказался. Ему вlepили выговор. Тут приходит еще один сотрудник с заявкой — Радий ему вежливо кукиш под нос. В ответ на это — строгий выговор.

Екатерина Александровна, увидев, что дело подошло к опасной черте, поспешила принять меры. Употребив свое влияние, она добилась, что Радия (опять же вместе с деревянным домом и эллингом) взял под свое крылышко местный университет.

И вновь наступило несколько относительно спокойных лет. Ходил Радкевич в экспедиции со студентами. Зимой вел изучение собранных проб, готовил научные статьи.

Потом почти одновременно произошли два невеселых события. Институт, прокладывая дорогу к новому своему зданию, так ее провел, что дорожное полотно как раз расположилось между эллингом и кромкой берега. То есть эллинг оказался от моря отсечен. Если раньше благодаря множеству разных хитрых приспособлений собственной конструкции Радий Олегович буквально в несколько минут мог спустить на воду любое судно из своей шельфовой флотилии, теперь его катера и моторки попросту оказались забаррикадированы на суше. И любовно обустроенный эллинг превратился в бессмысленную свалку железок.

Второе событие явно несло в себе печать злого умысла — однажды ночью был подожжен деревянный дом с образцами проб, собранных в экспедициях более чем за десятилетие. Часть дома пожарным удалось отстоять. Но верхний этаж, мансарда, крыша, почти все внутренние перегородки — сгорели. Изрядно пострадало хранилище образцов.

Естественно, совпали эти события по времени случайно. Однако именно в своем сочетании они создают наглядное представление о тех реальных сложностях, с которыми сталкивалось внедрение науки в новый для нее край.

### ПРИВОЙ И ПОДВОЙ

О том, почему были созданы на Дальнем Востоке академические институты, затем ДВНЦ, а сейчас уже и отделение АН СССР, написано так много, что распространяться на эту тему не имеет смысла. Обозначу только суть. Экспедиционный метод, с помощью которого изучался регион прежде, к началу шестидесятых годов возможности свои исчерпал. Он позволял составить представление лишь об отдельных — сравнительно небольших — районах. Изучать же природу, так сказать, фронтально, составить комплексное представление об огромной территории с помощью нерегулярных наездов издалека — практически невозможно. А не имея такого представления, трудно надеяться, что освоение края пойдет без перекосов и множества несообразностей. Словом, не вызывает сомнения, что создание ДВНЦ было шагом и своевременным, и мудрым.

Однако само привитие науки на древе здешней жизни оказалось делом болезненным, чреватом множеством столкновений.

На первых порах все научные учреждения ДВНЦ формировались почти сплошь из кадров, заимствованных в других регионах страны. Это «великое переселение» ученого люда вызвало в свое время немало восторженных слов пишущей братии о верных служителях науки, не побоявшихся ради утоления жажды познания оставить обжитые города, насиженные места. Суждения в основе своей справедливые.

Однако некая фигура умолчания в тех речах все же существовала. Не ставилась в известность «читающая публика» о том, что поток ученых, потянувшихся в дальние края, был неоднороден. Одними, и верно, двигала всепоглощающая страсть исследователя, другие же отправлялись «на ловлю счастья и чинов». Недаром примерно в те годы родился неофициальный термин — «сибирский академик». Так обычно именовали отдельных представителей научного мира, чьи таланты, по общепринятому мнению коллег, не поднимались выше среднего уровня. Останься такой научный деятель в своей епархии, его шансы на достижение высших научных степеней и званий были бы ничтожны. А переезд в дальний край — с его острым дефицитом кадров — создавал неви-

данные возможности для роста. Вот и собравшийся на Дальнем Востоке научный контингент включал в себя и бескорыстных исследователей, и карьеристов. Словом, в самом привое шло сложное движение жизненных соков. Недаром же за короткий срок существования ДВНЦ не раз уже менялся и высший его руководящий состав, и директора институтов, и заведующие отделами, и завлабы.

Это коловращение, калейдоскоп приводил к весьма — опять же — пестрому соотношению причин и следствий, приводил к фактам, которые лишь на первый взгляд кажутся невероятными.

И зная это, никак я не могу считать, к примеру, абсурдной версию о том, что эллинг Радия Радкевича был нарочно — в отместку за непокорность — отрезан от моря дорогой, которую при желании можно было проложить в другом месте.

Теперь о подвое.

Когда то или иное направление познания формируется где-либо в традиционных центрах науки, рождается из малого, словно лист из почки, развивается постепенно, этап за этапом, оно редко выступает в резкое противоречие с окружающим социумом.

Но здесь, на Дальнем Востоке, мгновенный, словно взрывом порожденный, рост научного потенциала не мог не привести к самым различным столкновениям со всем укладом жизни, сложившимся за десятилетия.

Начать с того, что высшие руководители региона зачастую не понимали, а то и не хотели понимать или признавать специфики науки. Тот самый прежний «хозяин» Приморья не стеснялся (чуть что не по его) вызывать директоров наук, членкоров, академиков к себе в кабинет и выливать на них свое раздражение в самых «острых» формах. Впрочем, главное все же не в форме. Главное — совершенно некомпетентные люди частично пытались вмешиваться в сложнейшие проблемы познания. И уж тут громоздилась нелепость на нелепость. Скажем, при сугубо теоретической направленности того или иного научного коллектива требовалось немедленное повышение отдачи на рубль затрат. Где ученые могут сгодиться сей момент? Да на сельхозработках. И вот с мая по сентябрь происходит резкое падение выхода научной продукции практически во всех институтах ДВНЦ. Ученые ведут посадки, косят сено, собирают урожай.

Об отношении «власть имущих» к местной науке во Владивостоке было широко известно. Сообщения эти попадали на благодатную почву — и ныне вовсе не столь уж тонок слой людей, убежденных, что всякий, кто не перегаскивает грузы, не стоит у станка, не трудится физически — бездельник, ибо умственная работа — по мнению таких людей — не работа, а «хитрость», как выразился один из героев Пришвина.

Словом, немало было причин к тому, что вновь привитая наука в крае то и дело ощущала на себе косые взгляды прочего населения...

Отмечая удачное расположение Академгородка, то, что вписан он в природу, ради изучения которой создан ДВНЦ, я до поры до времени умолчал об одной детали. Между разбросанными по склонам сопки научными институтами сохранилось несколько небольших поселков. И местные жители, исстари здесь обосновавшиеся, восторгов по поводу появления в непосредственной близости высоколобых соседей никогда не выражали.

Хозяйство Радия Радкевича давало возможность это недоброе отношение проявить, ибо сторожками, вахтерами или еще какой охранной службой защищено не было.

Старожилы, однако, заметили, что хранятся в деревянном доме вещи весьма ценные. Конечно, не о шельфовых пробах шла речь. Песок — он и есть песок. Зато вот тара! Пробы, и верно, содержались в замечательных мешках, удивительно прочных и плотных. И сообразительный местный огородник нисколько не сомневался, что мешкам этим можно найти куда более толковое применение!

Из-за того не раз совершались по ночам на дом

набеги. Однако предусмотрительный Радий Радкевич закрыл окна первого этажа железными решетками, а двери оснастил столь хитрыми замками, что они оказались не по зубам малоквалифицированным злоумышленникам. Неудачи только распалили желания. И в конце концов цущено было в дело средство самое надежное: канистра бензина да ворох соломы — дом-то деревянный...

## СВЯТОЕ УПРЯМСТВО

С Радием Олеговичем я познакомился как раз в то время, когда он оказался у разбитого корыта. Честно признаюсь, зная одиссею Радия, я представлял встречу с ним тяжелым, бьющим по нервам испытанием. А сам он виделся мне сломленным судьбой, озлобленным на мир неудачником. Такие обычно — кто прямо, а кто косвенно — начинают просить о помощи и содействии. Ты же понимаешь, что помочь бессилён. И это оскорбительное чувство собственной беспомощности перед мировой скверной рождает ненависть к себе, а заодно и к злополучному своему собеседнику. И гнусное желание отшатнуться от чужой беды, убрать собственный душевный покой. Словом, скажите честно, кто из нас без внутреннего сопротивления обречет себя на весь этот комплекс отрицательных эмоций?

Однако, когда, наконец, я выбрался на берег бухты, когда подошел к сгоревшему дому, когда увидел Радия Олеговича, все представление, сложившееся о нем, схема разговора, которая нарисовалась в моей голове, вмиг разрушились, словно карточный домик.

Уже сам облик Радкевича не вязался с образом сломленного передрягами неудачника. Одетый в штормовку, среднего роста, поджарый, жилистый, загорелый, с густой копной седых волос, он всем своим видом походил на полярных путешественников, привыкших в одиночку идти навстречу опасности. От него так и веяло крепостью — и физической, и духовной, спокойным мужеством — чертой, почитаемой мною одним из высших достоинств сильной половины человечества.

Да еще: для неудачника был он слишком красив — не слащавой красотой иных киногероев (хотя черты его лица на редкость правильны: высокий лоб, прямой нос, выдающийся вперед подбородок филигранной лепки), но красотой внутренней, одухотворенностью.

Разговор наш с первых же минут подтвердил эти впечатления. Радий с ходу сообщил мне о своих планах: дом он отстроит заново, и будет тот лучше прежнего.

— Как? Сам? В одиночку? — спросил я.

Радий улыбнулся — ровные ряды белых зубов эффектно выделялись на фоне темной обветренной кожи.

— А хоть бы и сам!

Он объяснил, что кое-какой лес университетское начальство не без скрипа, правда, но выделило. А пожара еще не успел разобрать. Оказалось, многие бревна обгорели только снаружи. Их можно очистить от углей и пустить в дело — уж на внутренне-то перегородки вполне пойдут. Иные сгодятся и на стены.

— На стены? — переспросил я. — Вот эти головешки?

— А вы посмотрите. Я ведь сруб уже на четыре ряда поднял.

Мы обошли дом, и вблизи он показался таким громадным, что затея Радия представилась совершенно фантастической. И хотя, верно, вырос сруб на четыре ряда основательно истончившихся бревен, по оп и до моих плеч еще не поднимался, а судя по нетронутому огнем углу, имел дом прежде высоту метров шесть, да еще крыша, да еще мансарда, да внутренняя отделка.

— Мне обещали, что будут иногда выделять студентов в помощь, — сказал Радкевич. — Но если и не будут, сам справлюсь.

Я скорчил язвительную гримасу: ой ли?

— А вы приезжайте года через четыре, — спокойно ответил Радий Олегович, — увидите.

— Вы что же, четыре года будете строить этот дом?

— Вряд ли быстрее справлюсь. Сами же заметили — работы много.

Говорил он спокойно, как о деле решенном. И мне целовко стало его разубеждать, пускаться в рассуждения о том, стоит ли тратить столько времени на эту развалюху.

Однако Радий сам догадался, о чем я думаю.

— Дом надо восстановить! — сказал он твердо, но спокойно, без пафоса. — К счастью, большинство проб не погребло. Я их пока свалил в тот вон угол. Но так их хранить не дело. Надо разложить по стеллажам, чтоб удобно было работать. А площади мне никто не выделит. Это раз. А второе, должен же я доказать тем самым варварам, кто поджег, что сила не за ними.

Мы пошли к эллингу. Радий Олегович сказал, что дорога вдоль бухты здорово мешает. Но и здесь дело поправимое. Он уже прикинул, как оборудовать съемные полозья, по которым можно будет спускать катера и моторки на воду. Правда, так быстро, как раньше, их не спустишь, да ведь и не каждый день это требуется. А раза два в сезон можно и несколько лишних часов потратить. Вот закончит дом, займется этими самыми приспособлениями. Чертежи он уже набросал. Все нужное оборудование у него есть — от металлических балок до сварочного аппарата. Он повел меня показывать свою флотилию.

Тут я познакомился с существом, игравшем, как вскоре я понял, в жизни Радия Олеговича важнейшую роль — псом Рэксом, неусыпным сторожем эллинга. Рэкс был для Радкевича не просто другом, но и единственной надеждой, союзником, даже как будто единомышленником. Ибо, понимал Радий Олегович, что без помощи пса не сохранить ему до лучших времен от набегов тех же «варваров» всего сосредоточенного в эллинге богатства.

После осмотра эллинга Радкевич отвел меня в крохотную каморку, где было оборудовано нечто вроде рабочей кабинета, усадил на единственный стул, а сам устроился на каком-то чурбаке. Пошел разговор про все на свете: и про теорию дрейфа материков, и про поэзию, и про политику. Между делом пили чай, который Радий варил по собственному рецепту и в специальном устройстве собственноручного изготовления. Грызли за отсутствием другой пищи черные сухари, чудом уберезженные от крыс, давно облюбовавших эллинг. А когда вконец проголодались, поднялись на сопку и продолжили разговор уже в квартире Радкевичей.

...Потом год за годом ездил я во Владивосток и обязательно выбирался на берег бухты. Строительство дома Радий вел, почти не отклоняясь от графика. И если все же не успевал в четыре года, то виноваты в том трудности с добыванием материалов да еще одно обстоятельство, заставившее его хотя бы в зимнее время меньше уделять внимания стройке.

Екатерина Александровна постоянно упрекала сына: надо же в конце концов когда-нибудь защититься. И меня не раз просила: «Поговорите с ним о диссертации, может, он вас послушает?». Пустые надежды! Радий с его «божественным упрямством» жил по самим им принятым законам.

Но однажды что-то его все-таки донекло. Может быть, то, что младший его брат Дмитрий, биохимик, давно уже живший в Москве, стал доктором наук в неполные сорок лет. Так или иначе, но вдруг взялся Радий за диссертацию. За две зимы, объединив свои прежние работы и множество набросков, годами оставшихся незавершенными, написал Радкевич солидный труд, тянувший, по его мнению, на докторскую степень.

Взяв отпуск сразу за два года, отправился он со своей рукописью по городам, где были ученые советы, имеющие право присуждать звание доктора наук. Однако затянувшийся его вояж не принес обнадеживающих результатов. Коллеги, знавшие Радия — кто лично, кто по прежним публикациям, — замыслу его сочувствовали,

Игорь Дуэль

## Игорь Дуэль

соглашались, что стоит работа докторской степени, но далее этого не шли. Все, мол, надо бы по порядку — стать сперва кандидатом, а потом...

Уже двигаясь назад к дому, в Новосибирске, Радий окончательно понял, что иного пути у него нет. И тогда, засев на неделю в гостинице, работая, как он умеет, с рассвета до ночи, отсек он от своего научного сочинения примерно треть, придал ему вид законченный, оснастил всеми положенными разделами и представил коллегам в виде кандидатской диссертации. А спустя полгода эта работа была им с блеском защищена.

В письме ко мне, сообщая об этих событиях, Радкевич утверждал, что непременно нашел бы город, где согласились бы принять его докторскую, кабы не торопился постоянно домой — боялся за Рэкса. Тому, и верно, в отсутствие хозяина приходилось несладко. Ведь пса-то надо каждый день кормить!

Конечно, Радий в общем и целом дело это уладил. На берегу бухты — как раз между деревянным домом и эллингом — притулился крошечный строительный заводик. Его рабоче — за полным отсутствием вблизи питательных точек — обед себе варили сами. И Радий, у которого с этими людьми давно уже сложились самые добрые отношения — то он им помогал, то они ему, — договорился за умеренную плату, что будут они закладывать в свой котел продуктов с небольшим избытком. Потом остаток сливался в миску и ставился под калитку эллинга.

Но это в будние дни. А по субботам и воскресеньям обслуживал Рэкса, должно быть, самый именитый повар на свете — Екатерина Александровна Радкевич. Мало того, что варила псу еду, еще и спускалась дважды в день с сопки к бухте, а потом совершала восхождение. Дело же было зимой, дорога скользкая. А Екатерине Александровне уже перевалило за семьдесят...

В последние четыре года, что не ездил я во Владивосток, от Радия иногда получал письма. Манера переписки у него своеобразная. То полгода молчит, то вдруг катанет депешу страниц на двадцать. Значит, припекло, захотелось высказаться. Обычно пишет о чем-то отвлеченном: то книга какая-то понравилась, то какое-то событие возмутило. А тут по весне коротенькое письмецо. Сперва непривычные для Радия слова о том о сем. А потом вдруг: «13.04.86 местная «мафия» (имеются в виду жители ближнего к бухте поселка. — И. Д.) зверски убили Рэкса. Крюками поймали с крыши цепь, придушили, выкололи глаза, развозжили дубиной его честную голову на камне. И все в претемную ночь, часа в 2—3. Действовали 3—4 человека лет по 20—25. Рэкс погиб героически перед дверью эллинга. Ничего украдено не было. Но Рэкса уже нет. Если б не цепь, сии бы его, конечно, не одолели. Он был для меня как родной. 15 лет вместе! Две недели я ловил и «проявлял» эту банду. Обращался в милицию. Но, естественно, без пользы».

### ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

И вот опять идем мы с Радием по берегу бухты. На месте пожарница у железной дороги стоит дом. Два этажа, мансарда, добротная крыша из оцинкованного железа. Всё как обещал мне когда-то Радий в давний уже день нашего знакомства. Правда, несколько окон верхнего этажа еще не застеклены, внутри остались недоделки, и к тому же времени ушло на стройку больше, чем предполагалось, — целых шесть лет.

— Ну что, — спрашиваю я, — теперь добьешь мелочи и за эллинг? Все по плану?

— Наверное, — отвечает Радий неохотно и отводит глаза.

— Что еще за напасть? Излагай!

Он глядит на меня, щурясь от солнца. Такой же поджарый, крепко сбитый, как прежде. И все же не такой: неужто укатили Сивку круглые горки? Или время берет свое — как ни крити, а пятьдесят пять уже стукнуло.

— Тут новое строительство намечается, — выдавливает Радий из себя, обводя рукой узкую полосу берега, зажатую между сопкой и морем. — Есть сведения, что спесут и дом, и эллинг, — он улыбается, но улыбка получается вымученной. — Чего бы их не снести? Проще простого. Эллинг вообще нигде никогда официально не значился. Моя самодетельность. А дом? Он списан после пожара. То есть его вроде бы уже и нет. Так отчего бы не привести реальность в соответствие с документами. Прямая потребность! Тем паче, и стройка развернется!

Мы медленно поднимаемся вверх на сопку. И возникает у нас давний уже спор, который много раз возникал. Я говорю ему, что путь, который он избрал — путь пассивного сопротивления обстоятельствам, — изначально обречен. Надо искать единомышленников, искать опору. Нельзя же вот так всю жизнь только и надеяться на себя.

— Не умею я по-другому! — в сердцах бросает Радий. — Что тут объяснять? Неужто кому-то непонятно, что я не на себя спину гну? Во всем мире сейчас вон как раз вернулись исследования шельфа, а мне палки в колеса... Вон с докторской тоже — сплошь положительные отзывы, а принять к защите и теперь никто не решается. Знаешь, надоело!

Я говорю ему о том, что сегодня-то жизнь на глазах меняется, что он с его природным чувством справедливости, высоким профессионализмом, с его «божественным упрямством» обязательно должен быть одним из прорабов перестройки.

Радий улыбается — опять натянуто, будто через силу. — Твоими бы устами да мед пить! Не знаю, у кого как, но у меня пока перемен не замечается. Вот разве если спесут дом да эллинг...

В их квартире все по-старому. В обеих комнатах — по огромному столу, заваленному книгами и бумагами, по диванчику да шкафу с теми же книгами да папками. В крохотной передней жметесь еще по-щенячьи неуклюжий, по уже солидных размеров пс. Он, конечно, рад нашему приходу и визжит, и лезет облизывать. Радий, умеряя его восторг, пропускает меня в комнату. Говорит, словно извиняясь:

— Пришлось взять вместо Рэкса. Но в эллинг его пока не сажаяю. Страшно.

За ужинам Екатерина Александровна говорит о том, что группу ее еще раз сократили. Странно! Когда-то весь институт создавался под тематику Радкевич: металлогения Тихоокеанского рудного пояса. Конечно, Екатерина Александровна была директором, потому могла сделать проблему, над которой работала много лет, центральной. У нового руководства свои сферы интересов. Но речь-то идет о глобальной структуре, включающей в себя месторождения металлов, отстоящие на тысячи километров друг от друга и от океанских побережий, об общих планетарных закономерностях, позволяющих открывать залежи руд в кабинетах, «на кончике пера». Неужели все до такой степени утратило свою актуальность, что и пяти сотрудникам стало в этой тематике тесно?

Потом Радий идет провожать меня к автобусу. Берет с собой щенка. У того свои собачьи интересы, то и дело пытается отскочить в сторону, встает на задние лапы, кусает поводок. Радий, удерживая собаку, говорит грустно:

— Нет, совсем не тот нрав! Рэкса из этого пса не получится.

— Брось! — вступаю я. — Обижаете щенка. Каким бы он ни стал, все равно будет в твоих глазах хуже Рэкса. Но пс-то в чем виноват?

— Пожалуй, — соглашается Радий неохотно.

Долго ждем автобуса, перебрасываясь незначительными фразами. Потом, когда темноту над шоссе взрезают огни фар вылетающего из-за поворота «Икаруса», Радий вдруг говорит:

— А годы-то летят, жизнь проходит...

Мы привыкли называть депутата слугой народа. А нужны ли народу слуги? Мы говорим — «народная власть». А в чем она заключается, эта власть? Мы знаем: есть Совет народных депутатов. И все чаще задумываемся, как получилось, что Совет оказался при исполнении, а не исполком при Совете...



## СВОБОДНЫЙ ВХОД С ВЫХОДОМ НИКУДА?

— Я не принимаю две вещи в мире: пассивность и безулыбчивость. Пассивность — это значит, человек ни для чего уродился. А улыбку — еничем не заменишь...

Друзья-товарищи говорят о Сергее, что он «дурной» к работе, упрямый, неустоящий; край-мера для него только тогда, когда своего добьется. Если бы случилось такое и вершил бы Сергей в горсовете дела не по «доверию», а по «должности» — он бы делал еще и по совести: квартиры — тем, кто крайне в них нуждается, путевки в санатории — кому это прежде всего необходимо, а на всякие посты он ставил бы людей действительно заслуживших это право. Ни одной лазейки для прохиндеев не осталось бы.

В кого он такой уродился?.. Матющенко Сергей Федосеевич. 1949 года рождения. Член КПСС. Оптико-шлифовальщик Амурского машиностроительного завода. Депутат городского Совета третьего созыва...

— Как в кого — в отца! А отец, наверное, с фронта такой характер принес...

— Сергей, если бы вас попросили сравнить работу депутата местного Совета с какой-нибудь другой работой, какую профессию вы называли бы?

— Есть такая, неофициальная «профессия», к сожалению, очень распространенная... Толкач. Какое круг моих повседневных забот? Отопительную батарею заменить, сливной бачок исправить, телефон «пробить», пиломатериал для площадки достать... Там крыша бежит, там кран течет... Заметьте, сам я ничего этого исправить не могу, но помочь обязан.

— Диапазон, прямо скажем, широк даже для толкача... И как вы все эти вопросы решаете?

— Иду по руководящим кабинетам. Перед одним кабинетом два часа простою, а потом меня к замку

пошлю; а в другом с ходу примут и в две минуты решат дело. Бывает, по четыре раза с одним вопросом хожу к какому-нибудь начальнику, «не достану» — по инстанции пойду, лесенкой, выше-выше...

— Ну и как, пробивается?

— От меня отвязаться трудно, я настырный.

— У меня был один знакомый. Вполне взрослый и весьма солидный в своей области человек; но когда ему выпадало ходить по начальству, у него начинали поджигать трясти. «Весь соберусь», — говорит, — «напружинюсь, глаза зажмурю и так, с закрытыми глазами, как в омут, кидаюсь в кожаную дверь... Еле дух потом переведу — а там... еще одна дверь!». Вот такая боязнь «кожаных» дверей...

— Не-е-ет, я этим в первый же год переболел!

— Ну, расскажите какой-нибудь самый обычный случай...

— Обычный-типичный?.. Ну вот, самый типичный. Были неполадки с водой на моем участке. Пошел я к ответственному товарищу; тот пообещал в три дня сделать. Три дня прошло — ничего не сделано; выходит, он меня обманул, а я людей обманул — для кого пустяк, для меня нет. Я с этим «пустяком» прямо к первому секретарю райкома. «Какой дом?» — спрашивает. «Да по всей, — говорю, — Пионерской улице». Смотрите, что здесь получается... Депутат вправе обращаться во все инстанции. Но каким реальным правом он располагает на первой же инстанции? Никаким. Одно «доверие» — прав нет, я не могу заставить того начальника ЖЭКа выполнять свои прямые обязанности — только рекомендовать, не могу обеспечить ему взыскание.

— ...Что же там надо было сделать?

— Проверить напор воды, всего-то. Или другое: работает комиссия

по созаконности, разбирает жалобы трудящихся. В три адреса наугад ткну — ничего не сделано, липа!.. И вот я трачу свое депутатское время на хождение по инстанциям; хотя совершенно естественно: если в детском саду провалился пол — то этот факт должен заботить предприятие, которому садик подведомственен, если крыша потекла в доме — голова должна болеть у ЖЭКа...

— Где, когда, какими инструкциями, в какой период Советской власти деятельность депутата местного Совета (не будем брать Верховный, там влияние несравненно выше) стала ограничиваться неисправными водопроводами, протекающими кошками, сливными бачками?..

— Подобные наказания превращаются для нас в истинное наказание. А все потому, что тут — бесхозяйственность, там — ведомственная неразбериха, и буквально любой руководитель назовет множество причин, все «объективные».

— Разумно ли, рационально ли поступает общество, вынуждая депутата исполнять функции толкача по мелочным делам?

— Я буду помогать людям исправлять краны, раз больше некому помочь. Кто как себе представляет... Кто говорит: «На моем избирательном участке 180 квартир», — а я скажу иначе: не квартир, а семей. Кто говорит — «народ», а я говорю — народ состоит из людей. Каждая бытовая мелочь выводит человека из себя, отравляет ему жизнь.

Но если по большому счету, то я думаю так же, как вы. Мы, депутаты, действительно везем по ухабам детские салазки, когда могли бы тнать по столбовой дороге хорошо нагруженную телегу.

— Мелочей нет, когда дело касается нормальной жизни и работы людей. Но подход к их решению должен быть иной.

— Конечно, иной!.. Вот сижу

сегодня на заседании депутатской группы на своем заводе. Что мы решаем?! Столовой требуется ремонт... Тепловой режим в цехе... В цехе — 250 человек, и два депутата, кроме меня, однако: «Вот приедет Матюшенко из отпуска...». Ну ладно, я семижилный, я упрямый. Но есть службы, которые обязаны утеплить цех, и кто-то получает зарплату за состояние столовой. Их, может, сидят по семь человек и тут и там — тех, что должны все организовать, выбить средства и СДЕЛАТЬ. А раз не сделали — вычтите у них из зарплат. Почему депутат должен работать за отдел капитального строительства, за заместителя директора, за профком?!

— Есть несуразность. Ведь наказания — это что-то позарез нужное людям, что, может быть, выходит за пределы множественных должностных обязанностей...

— Который год бьюсь с одним таким «позарез». Мне отвечают: «Ваш наказ не прошел на сессии. Большие деньги нужны». А речь-то всего-навсего о теплом туалете на автостанции... Не такая уж мелочь, как может показаться на первый взгляд: зими в Амурске очень холодные, ветреные, простывают люди. А мэр города считает — нет, не нужно! Хорошо мэру, он подъехал на персональной машине к рейсу... Неужели я по этому элементарному вопросу должен в Совет Министров обращаться?! Потом расскажу о слаломной горе — тут я понимаю, она сто тысяч стоит, не так просто. А на туалет — миллион нужен?.. Я что, прошу его мрамором отделить?

Сейчас Сергей Матюшенко как депутат пытается отстоять базу отдыха — всего два гектара земли, колхоз их отчуждает. В одном государстве два кармана — переложат деньги из заводского в крестьянский... А смысл? Ведь неплохо, когда люди семьями отдыхают, экономят отпускные деньги, не маюся в дальней дороге, не забивают вокзалы и аэропорты — отдыхают на месте. Разве не государственный вопрос? Немного для базы надо: несколько домов, движок, баня, причал — 16-этажки здесь не требуются. Но, как Сергей говорит, «у нас же удельные княжества, как во времена князя Игоря...». Каждый блюдет свой интерес, вместо того, чтобы взять и объединить усилия. В Амурском районе огромное количество охотников, рыбаков, да любому жителю надо, чтобы было где отдохнуть — день-два, неделю, отпуск. За лето отдохнут на базе 2 000 человек, в городе — около 70 000 жителей. Не убавлять, а добавлять надо места отдыха.

— Наши обязанности в права никак не превращаются, если не считать кое-какого льготного проезда, но льготы — это всегда немножко сомнительное право... Сейчас депу-

татская прослойка заметно помолодела. Хорошие люди есть, высказываются смело, близко к сердцу все принимают. А все наши усилия — как в ватный слой. Не часто, но бывает, когда мне за какой-нибудь кожаной дверью указывают на порог: «Я не обязан давать тебе сведения». Спокойно отвечаю: «Вы, товарищ, не образованы в нашем советском деле» — и показываю свою книжечку, где написано, что депутат пользуется правом безотлагательного приема руководителями. Право свободного входа у нас есть, только вход-то с выходом никуда... Мы, депутаты, правомочны? Или обязаны? Обязаны — да. Правомочны — нет!

— Если шире посмотреть, получается, что обязанность решать мелкие дела на вас лежит, а права решать кардинальные вопросы — нет. Из закона о статусе депутатов действует лишь одна строчка: «Депутаты учитывают запросы населения избирательного округа». Но в статуте сказано и о другом предназначении: «...Депутаты решают вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства... Депутат руководствуется общегосударственными интересами». Кто, по-вашему, стопорит эту, главную, часть?

— Только инерция. Я уже говорил формулировку: «Вопрос в наказах не прошел». Это значит: до сессии все подработано, все просеяно — это не пойдет, это не усилить... Исполкомовский аппарат вынесит на сессию «профильтрованные» вопросы. А наказания как раз затем и дают, чтобы усилить, сдвинуть дело. И тут мы прямо от выборов переходим к демагогии, и тут сразу окрик: «Не по-государственному мыслите!». Да я-то как раз по-государственному... Что в генплане стоит — это уже государство запланировало, а не народный наказ... Вверх ногами жизнь поставлена: «наказы» сверху идут, а не снизу...

— Со слаломной горой, видимо, то же самое происходит? Как бы вы сами стали решать эту проблему?

— Вспомнил бы опыт и пример, которые уже есть. Комсомольск-на-Амуре кто строил? БАМ кто строил? Сам Амурск?.. Можно всплескивать руками и шараться при цифре 100 тысяч — но это же абстрактная пока цифра, чего ее бояться? Она перед первым же конкретным делом потеряет свою весомость. Просеку вырубить? — из нашего цеха сколько ребят пойдет... Лебедку, тросы не найдем?! Добровольцы найдутся на субботники, город молодежный... И вот уже начало, лиха беда! Я знаю, что все это возможно и реально, а мне говорят — «прожектер»...

— Между прочим, это «прожектерство» тоже записано в статусе: «...Депутат участвует в организации населения за выполнение наказов из-

бирателей». Слаломная гора в Амурске — наказ избирателей, значит, люди и помогут.

— Знаете, мне никто никогда не писал никаких речей; если нужно — сумею и убедить, и организовать. Тем более что, мне кажется, сейчас слишком много людей вертятся только по своим жизненным орбитам, исключая из своего существования активную, гражданскую позицию.

— «Не живут, а пасутся...». Это ваш дальневосточный писатель Сергей Корниенко сказал. Вы с ним земляки и ровесники. В его повести «Надо ехать» есть прекрасный эпизод, как студенты убирали картошку. Мало-приятная работа, надрыв, какая уж там радость... А он так пишет об этой картошке! Красный самодельный флаг на ветру, глаза блестят у студентов, как у солдат, идущих в атаку, — нигде больше он не испытывал такой радости, как от работы в студенческом колхозе...

— ...А субботники какие раньше были, помните? Праздник! Песни, лозунги... Умели люди быть вместе, дорожили этим, и сколько одолевали всем миром... Я про то и говорю: ни в каком генплане нельзя запланировать человеческий энтузиазм — он только в жизни может проявиться, и не в ерунде, а в действительно трудном и общем для всех деле. Никуда он не пропал, энтузиазм, как ни губили его формализм и обязаловка. И люди тоскуют по бескорыстию, по активному общению — без них души плесневеют. А мы все регламентируем, все осторожничаем, боимся прямой инициативы людей...

— Наверно, потому, что в энтузиазме всегда есть частица хорошего авантюризма, только зачем этого бояться? Инициатива требует простора и решения всегда предлагает нестандартные... Энтузиазм в народе остается скрытой, но силой. И на слаломную гору, по-моему, амурчан поднять можно.

— Я все равно не отступлюсь. Мне отчитываться надо будет перед избирателями... Это начальнику какому-нибудь хорошо: наказ выполнить — объект построить ему ничего не стоит, потому что объект в генплане стоит. Ему во всем легче: позвонил, приказал... Даже иной раз может и не отчитываться, хотя он — депутат, и я — депутат; но я, рядовой, отчитался, а он почему-то нет, вроде как чести ему меньше от этого будет... Но я отступаться не собираюсь, у меня характер такой.

— И много вас, с таким характером, депутатов?..

— Разные есть... Деликатные есть люди — может, умнее, дальновиднее меня, а я пробойный.

— Наверно, не каждому руководителю вы по душе?

— Всякое было. Слышал начальственное «недовольствие»: «Кто его депутатом выдвинул?!». Пять лет



проработал, а в списках кандидатов на третий созыв — смотрю — моя фамилия вычеркнута. Но тут такое на заводе пошло!.. Наши, заводские, и заставили в списках восстановить. Это, я считаю, обычно: если хорошо работаешь — значит, кому-то беспокойство, кому-то мешаю.

— У вас город красивый, Сергей. Вы здесь давным-давно: что было, например, на месте, где ваш дом?

— Палатки стояли. Общежитие в лесу — где сейчас Северный проспект. Три улицы всего были...

— Простора много в городе. И главный проспект великолепно смотрится.

— Да, у центра Амурска действительно столичный вид... Но если бы вы глянули на Амур с сопочки, где стоит Дворец культуры, сразу увидели бы черную ленту сброса... Не справляются очистные сооружения. Рыба гибнет в реке, леса вырубаются, исчезают сенокосные угодья, химическая подкормка с поймы вся в реку идет... Если река погибнет — никакой самый красивый проспект ее не заменит.

— Если бы вам сказали, Сергей, неукоснительно соблюдать заботу об общегосударственных интересах — какие задачи вы поставили лично для себя как депутата?

— Прежде всего спасал бы Амур. Дальше поставил бы и решал вопрос о пересчете пенсии, даже если бы пришлось изменять законодательство: почему она одинаково 120 и в Москве, и в Амурске?. Принял бы все меры к тому, чтобы не было седьмых и восьмых рабочих суббот, чтобы у людей оставалось время и на труд-праздник, который не в «деньгу», а в радость и на полноценный отдых.

— Чтобы выйти депутату местного Совета из бремени обыденности на перспективу, на возможность решать будущее города, чтобы направить усилия на действительно государственные и общественно значимые проблемы, — что для этого нужно?

— Меньше текучки, суеты, несуетливой мелочовки. Чтобы каждый на своем месте отвечал за свое дело — тогда депутату не придется быть толкачом... А пока — и слаломная гора, и починенная крыша одинаково для меня важны.

— Кто должен вернуть высокий смысл призванию народного депутата, поднимать его авторитет?

— Советская власть. Партия... И мы сами. За два года депутатского срока можно очень многое сделать. Даже при призрачных правах — на одном доверии...

Интервью вела Н. ШИРОКОВА

## ЗЛО ОТ БУМАГ



Среди русских ученых, внесших вклад в изучение Дальнего Востока, особняком стоит имя М. И. Веньюкова. Честного, открытого, непримиримого этого человека всю жизнь возмущал бюрократизм всевозможных столоначальников.

Когда в 1857 году он прибыл в Иркутск на службу, то впервые увидел, как можно руководить обширным краем с минимальным количеством бумаг. Он пишет: «Н. Н. Муравьев был враг канцелярского многописания, за которым, как он хорошо знал, обыкновенно скрывается или недобросовестность, или бездеятельность. За все время моего стояния при нем в должности как бы управляющего канцелярией, мною было написано всего 102 бумаги, считая тут даже приказы...». Для сравнения он приводит факт, что, например, Ставропольский военный штаб выпускал в год 20 тысяч бумаг. И далее пишет: «...Чем больше пишут чиновники (всегда, разумеется, для очистки себя от канцелярской ответственности), тем более зла для государства и для самого дела, к которому бумаги относятся. Я понял также, почему деловой генерал Безак отказывал в подписи бумагам более чем в один лист объемом: в бумагах коротких трудно найти место для изворотов, и приходится волей-неволей говорить только о деле и делов».

Этот метод, конечно, можно применять и сейчас. А о том, к чему приводит многописание в официальных бумагах, свидетельствует такой факт. Рекордом бюрократического ведения дел при монархическом строе была тяжба между помещиками Врасскими и Шуваловыми о деревне Барабиной. Тяжба началась в 1711 году, решена в пользу первых только в 1801 году, а окончательные денежные расчеты по ней произведены в 1811 году. «Вековой» рекорд!

З. ВОСТОКОВ

## Принц Зигфрид из Охи

Шестилетнего Данилку родители записали в танцевальный кружок Дворца культуры. Терпеливо работала со своими юными танцовщицами руководитель Земфира Александровна Израилова, терпеливо и требовательно: что-то не получилось — начинай сначала, еще, еще...

Потом, уже учась в Московском хореографическом училище, Даниил оценил эти «еще, еще». А тогда, в Охе, на сцене Дворца он танцевал в сюжетных сценках маленького пингвина или олененка и не думал ни о Москве, ни о театре.

Позади восемь лет учебы в лучшем училище страны. На выпускной концерт приехали родители — Рахим Минбаевич, геолог, и Надежда Андреевна, заведующая детсадом. В училище Даниилу Гайфуллину сделали заманчивое предложение — работать в Большом театре. Но юноша уже принял приглашение Донецкого театра оперы и балета: там ему обещали главные роли.

В прошлом году родители получили от сына письма с обратным

адресом: «Лондон, Великобритания, отель Кингслэй». Лондон, Бирмингем, Манчестер и другие города аплодировали молодым артистам советского балета.

Приехав с гастролей, Даниил Гайфуллин получил в своем театре роль принца Зигфрида в балете «Лебединое озеро». «Работаю с полной отдачей, — пишет он домой. — С 10 до 11 — классика, потом репетиции, и так до десяти вечера». «Еще и еще» продолжают.

...Дворец культуры нефтяников в городе Охе-на-Сахалине, со времени открытия своего, всегда имел сильную балетную школу. Прекрасные хореографические композиции, танцевальные сценки украшают каждый концерт, стали привычными для горожан. А старожилы даже помнят балет «Бахчисарайский фонтан», поставленный на сцене Дворца балетмейстером Валентиной Длугий, который был настоящим праздником для города нефтяников.

Е. ЛИЗУНОВА



# Переход

# инженера Сезина

Василий КУРИКАЛОВ

ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНО ПРИ ПРОКЛАДКЕ ДЮКЕРА ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ НЕВЕЛЬСКОГО.

Есть много мест на карте планеты, само положение которых неизменно приковывает внимание людей: Ла-Манш, Панамский канал, Берингов пролив, Гибралтар... Сюда же нужно отнести и пролив Невельского, отделяющий остров Сахалин от материка. Скольких русских людей будоражило это название, сколько глаз с отчаянием и надеждой смотрели на него с сахалинской каторги!.. «Бежал бродяга...». Убедить можно было только здесь. Но мало таких счастливицков, большая часть безвестных смельчаков-горемык осталась в холодных водах неширокого пролива.

А сколько инженеров и просто мечтателей грезил проектами соединить Сахалин с материком. Были здесь и мосты, и дамбы, и тоннели...

Первые строители появились на этих берегах в тяжелый для нашей родины 41-й год. В те дни, когда гитлеровские дивизии стояли у стен Москвы, на Дальнем Востоке началось строительство нефтепровода с Сахалина на материк. Враг бомбил бакинские промыслы, а нефть нужна была фронту, как снаряды. Сводки со строительства поступали в Москву, как сводки с фронта. 4 ноября 1942 года сахалинская нефть по трубам из Охи пришла на амурские берега.

К сожалению, роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» не отразил всей правды о подвиге советских людей, тысячи из которых были необоснованно репрессированы и многие навсегда остались на берегах пролива. Памятником стал для них нефтепровод. 45 лет, ни на минуту не прекращая своего бега, сахалинская нефть неустанно течет по трубам первого дальневосточного нефтепровода.

Проблема освоения наряду с нефтяными и газовых месторождений стала острой в последние годы. На месторождении Монги, которое дает половину всей сахалинской нефти, ежедневно приходится сжигать в факелах до трех миллионов кубометров попутного газа — это в то время, когда энергетического сырья на Дальнем Востоке катастрофически не хватает. Решение о строительстве газопровода на материк было принято в 1982 году.

Как и в прежнем строительстве, самым сложным опять был подвод-

ный переход через пролив Невельского. Дюкер — так называется часть трубопровода, лежащая под водой. Главным элементом всех прежних проектов было использование трубоукладочного судна. Однако выяснилось, что специальное судно по укладке морских трубопроводов могло подойти к сахалинским берегам не раньше лета 1986 года, а это проводку дюкера отодвинет минимум на год... Сроки ввода в действие газопровода Оха — Комсомольск-на-Амуре срываются.

Возникла другая идея: попробовать протаскать дюкер по дну пролива с помощью мощных морских буксиров. Автором смелого инженерного решения был заместитель управляющего трестом «Сахалинморгазпромстрой» Анатолий Иванович Сезин — один из ведущих в стране инженеров по строительству подводных переходов нефте- и газопроводов, лауреат премии Совета Министров СССР.

Конечно, Сезин не полагался на авось — он признаёт риск, но риск, в котором должен быть расчет; все было подвергнуто анализу. На тот период все же, надо сказать, у Сезина было больше противников, чем сторонников... По его замыслу, суда должны тащить за собой на буксире трубу — а такого в практике еще не было. После жарких споров Сезину дали «добро» на этот эксперимент.

Схема подводного перехода выглядела просто. Восемикилометровая труба дюкера (по ширине пролива) была поделена на три части: глубоководную и две мелководных. Первой протаскивается глубоководная часть, которая ложится в середине пролива; затем с ней стыкуются мелководные части — с Сахалина и с материка, и все три куска свариваются вместе.

В сентябре 1985 года глубоководная часть дюкера была успешно отбуксирована и легла на дно, на проектную отметку. Однако этот успех не многих убедил. Самое сложное было впереди: сумеет ли Сезин точно подтащить буксирами концы мелководных плетей? Отклонение допускалось максимум в 12 метров. Скептики утверждали, что с такой точностью протаскать трубу дюкера невозможно...

Главная задача моряков и строителей — пройти по створам, как по струне. Все ближайшие рации на строительстве газопровода отключились — в эфире работали только двое: Сезин и флагманский капитан: — Сбавляйте ход, сбавляйте ход!

— На сколько сбавлять?

— Насколько сможете... Василий Степанович, всех благодарю за хорошую работу, со стороны флота никаких ошибок не было, молодцы. Большое всем спасибо.

— Ответное.

Сахалинская мелководная часть дюкера — в проливе. Теперь предстояла стыковка. Доля риска была хотя бы потому, что многие операции велись впервые...

Под воду уходит ветеран водолазов Иван Прокопьевич Черноконь; его задача — просунуть под трубу строп для подьема, а заодно выяснить, на каком расстоянии лежат друг от друга мелководная и глубоководная плети. Сверху буи показывают, что расстояние между ними семь-восемь метров... Строители и моряки условливались: если это будет так, то они попали «в десятку».

Черноконь сообщил, что расстояние между трубами всего полтора метра!.. Вот это точность!

Мелководная часть, которую подняли на специальный стыковочный понтон, строителей не беспокоила; они боялись, как бы «не струнулась» глубоководная плеть. Снова под воду уходит водолаз — Владимир Журавлев.

— Здесь она, здесь труба, куда ее не унесло!.. Лежит точно по створам в траншее!..

Когда трубу, пролежавшую целый год на дне, подняли на понтон, монтажники бросились обнимать и целовать ее... Киношники прозедали этот чудный момент и попросили повторить, чему Сезин решительно воспротивился: «Прекратить спектакль!».

Немало волнений было в следующий момент. Концы труб отрезали с точностью до миллиметра, положили трубы в захваты, приготовились варить. А расстояние между трубами увеличивается... Варить нельзя. Пробовали подтянуть один из концов лебедкой — безрезультатно: не поддается ни на микро...

Разгадка пришла. Сезину, простая и неожиданная: «Ошибки никакой, отрезали правильно; но идет прилив, поднимает понтон вместе с трубами — вот и увеличился зазор... Нужно дождаться отлива. Когда упадет вода — тогда и будем варить стык...».

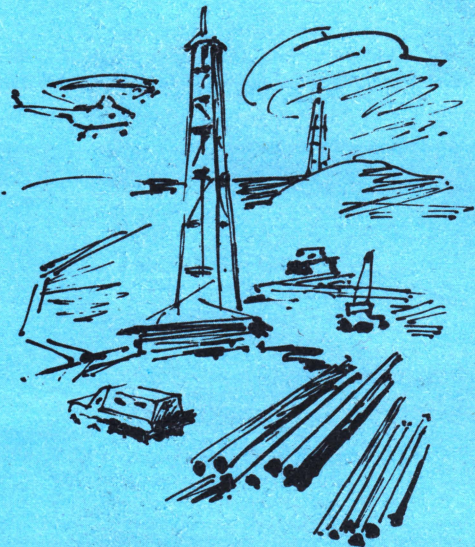
Так и было.

После стыковки строители с Сахалина переместились на материк, на мыс Лазарева.

...Опыт строительства газопровода через пролив Невельского найдет применение при прокладке трубопроводов в нашей стране. Много проблем возникало и возникает при освоении уникальных газовых месторождений полуострова Ямал. Заповедная, легко ранимая природа заполярного полуострова предъявляет свои условия.

Недавно было принято решение отказаться от проекта строительства газопровода по ямальской тундре. Семьдесят километров газопровода от Харасавэйского месторождения будут проложены по дну Байдарацкой губы. Управляющим новым трестом «Севермортрубопроводстрой» назначен Анатолий Иванович Сезин.

*Оха-на-Сахалине.*



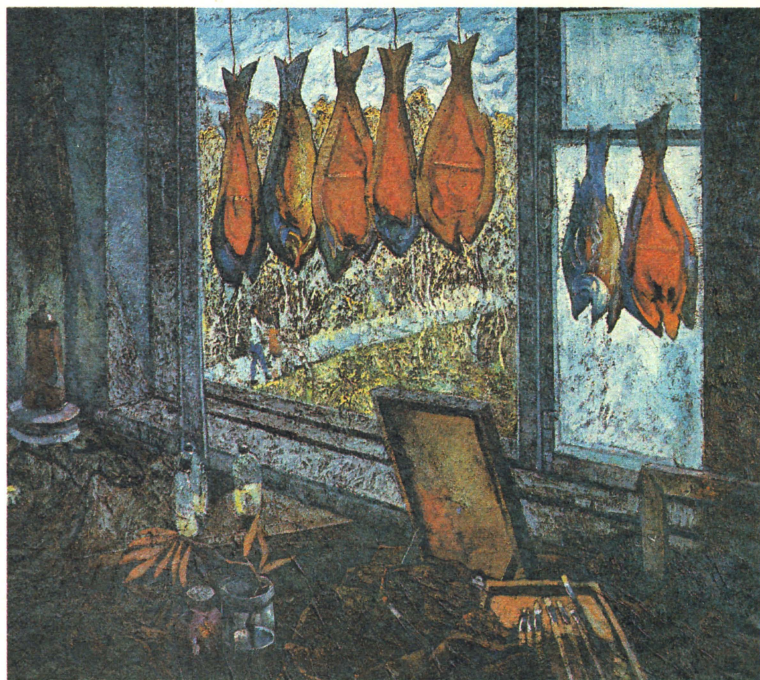
На снимках:  
Анатолий Иванович Сезин.

Панорама пролива Невельского, вид с мыса Лазарева. На площадке — плети дюкера.

Так отбуксировалась очередная плеть в пролив...

Снимки автора.





СИМА САХАЛИНСКАЯ (рыба).

Заслуженный художник РСФСР ГИВИ МАНТКАВА (Южно-Сахалинск)  
(На мольберте: «ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ»)

ПЛЯЖ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА (пограничники).



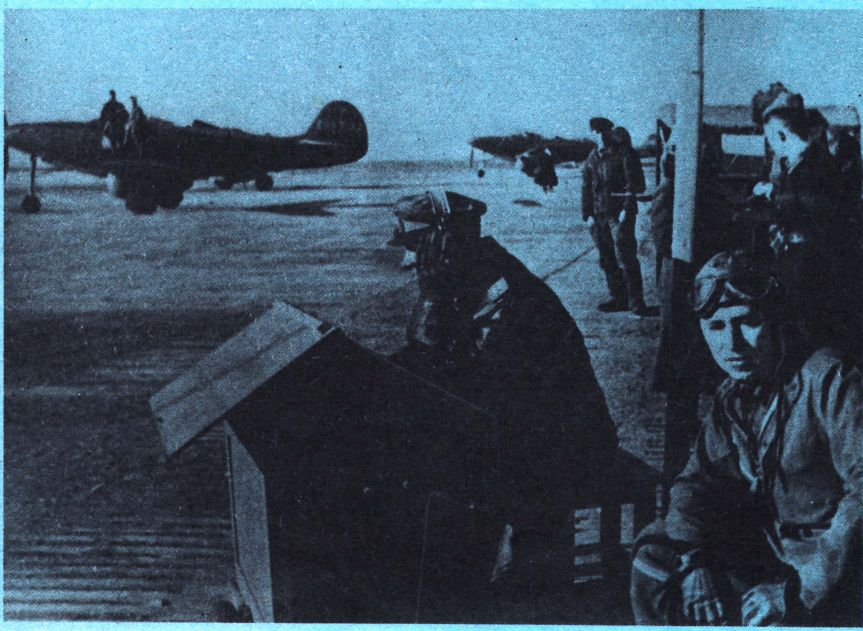


**В ПОРТУ (лес).**

*Фоторепродукции Валерия Карнаухова*

**КАРТОШКА (мешки и люди).**







Геннадий  
ХАЛЮЗОВ

## С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

Фоторепортер Дмитрий Дебабов был направлен в распоряжение только что сформированной 1-й перегонной авиадивизии. В течение 1942—1945 годов он отснял более полутора тысяч негативов. Фотоснимки этого малоизвестного периода Великой Отечественной войны по законам военного времени в газетах не печатались.

Огромное количество хроникальных кадров рассказывали о героической работе 1-й Краснознаменной перегонной авиадивизии на воздушной трассе Аляска — Сибирь — фронт.

Илья Павлович Мазурук, в годы войны командир дивизии, вспоминал: «С 1942 года Дмитрий Дебабов был специальным корреспондентом газеты «Известия» при перегонной авиадивизии на воздушной трассе Аляска — Сибирь. Он не сидит на месте... Сегодня его можно видеть в одном из полков, а завтра он уже в другом, за несколько тысяч километров. Он снимал героический труд летного состава и авиаспециалистов наземных служб. Он снимал их на земле и в воздухе. Он очень любил съемки на больших высотах и тщательно готовился к ним, продумывая каждый кадр. Он много делал индивидуальных снимков личного состава и дарил их для отправки матери, жене, любимой девушке...».

В поисках удачных сюжетов Дмитрию Дебабову приходилось много летать по всей трассе, а порой и рисковать жизнью наряду с летчиками-перегонщиками.

Чтобы по достоинству оценить труд бесстрашного фоторепортера, надо видеть его работы. Эти исторические снимки бережно собраны работниками Сеймчанского авиапредприятия.

В скупых дневниковых записях Дмитрия Дебабова можно прочитать: «Каким безграничные возможности открыла передо мной «лейка»! Чем дальше, тем большим уважением проникаюсь я к маленькому аппарату... С каждой новой поездкой убеждаюсь, что из фотокамеры можно выжать не меньше, чем из пера...».

### На снимках:

Военный корреспондент Дмитрий Георгиевич Дебабов берет интервью у только что прилетевшего летчика.

Чукотка. На командном пункте подполковник Мельников А. Г., командир 2-го авиаполка, и И. П. Мазурук — в ожидании прилета эскадрильи, следующей из США.

Камчатка. Самолет «Аэрообра» на фоне Авачинского вулкана.

Строй «клин»... Курс — на запад, на фронт.

*Снимки Дмитрия Дебабова  
(1943—44 гг.)*

Андрей  
ДЕМИДОВ



Владивосток

Мне случалось в порту пароходы подслушать...  
— Эй, братишка, скажи, закурить не найдется?  
Подожли два буксира, от бриза спиной закрылись,  
закурили...

Тут еще приплелись танкера, рудовозы...  
Чух-чух-чух! Задымили смолеными трубками.  
Ох, и крепок табак из тяжелой солярки!  
Часто-часто забились сердца дизелей,  
На душе полегчало, пошел разговор —  
Кто где был, кто что видел,  
Удалось ли влюбиться в недолгой стоянке...

Но докурены трубки, и старший хрипит:  
«Все, братва, покурили и — баста».  
Подняли якоря, лихо сплюнули пену табачную  
И — вперед.  
Так уходят в моря корабли, словно в танец  
С голозой, чтоб не скоро вернуться назад.

Юрий  
КАПЛУНОВ

### Начало

Начало, осень, пестрый праздник:  
Цветы, и речи, и звонок,  
И сын — улыба-первоклассник,  
Переступающий порог.

В толпе нерослой новобранец,  
Любимый сын, любимый внук,—  
На нем еще домашний глянец,  
А за плечами — новый ранец  
Для вечной тяжести наук.

И вся значительность момента  
На все иные времена —  
На фото и на киноленты  
В подробностях занесена.

На поздравленья со слезами  
И пожеланья — в добрый путь! —  
Пытаемся его глазами  
Из памяти своей взглянуть:

Восторга больше, чем тревоги,  
И без дыхания почти —  
Шажок вперед по той дороге,  
Где нет обратного пути.

# ОХОТА В ЛЕСИ



или о Царском звере  
и зверином Царе

Виктор ХАТУНЦЕВ

Не сегодня-завтра за ним должна прийти госпромхозовская машина, и после четырех месяцев таежного одиночества он, наконец, снова будет дома, ненароком привыкая к иному распорядку дней, незаметно возвращая себе такую извинительную человеческую слабость, как разговоры о том о сем и ни о чем, что тоже, оказывается, не пустяк. Некоторые охотники до того устают без общения, что начинают вслух рассуждать сами с собой или становятся на лыжи и отправляются к ближайшему соседу, километров этак за двадцать по тайге ради того, чтобы отвести душу в беседе. А Круглов, если и пробовал голос, то лишь в обращениях к Матаю, хотя лайки сдержанны в проявлении суетных эмоций, не то что всякие беспородные псы.

Вот и сейчас Матай, похоже, никак не мог взять в толк, по какой нужде они взбираются на сопку: свежих следов здесь нет, снег местами столь глубок, что собака смирилась с непривычной ролью провожатого, тащась за хвостом. Наконец одолели подъем, и Круглов повесил карабин на голый сук лиственницы.

— Давай-ка, Матай, закурим, вскипятим чайку и по-толкуем.

Дивное диво открывалось взору с вершины сопки. Снежный серпантин Кафэна, словно сбивая со следа, плутал между дальними сопками и уже ближе к горизонту вновь сверкал лукавым изгибом. До его истока близ горы Ко несколько дней ходу, и Круглов даже не знал, промышляет ли там, в верховьях, кто-нибудь. Если уж его участок считается медвежьим углом, то дальше и вовсе глухомань непуганая и, должно быть, зверем густонаселенная.

Сейчас, в конце зимы, когда солнце повернуло на летний свой долгомер, темнее стал окрас лесов, сиреневая легкость густеет фиолетовым, а может, такой контраст возникает от солнечно-блестящих снегов, на которые в ясный полдень даже больно смотреть. Промысловый сезон закончился, и стоит только подивиться тому, как суровая матерь-тайга незаметно выпроваживает человека, охотник ли он или лесозаготовитель, выживает, можно сказать, из готового к весеннему буйству леса. Раскисают змийники — техникой не пройдешь, на лыжах по воде не потопашь, да и зверя уже по следам не высмотришь — стерты вместе со снегом все следы. Мудра природа, затеявая вековечное свое таинство продолжения рода: оберегает скрытость своего языческого сотворения из трав, деревьев, воды и солнца, тварей плотоядных и паразитов, охраняет от губительного вторжения как может, храня целомудрие и заповедную строгость.

Оставаясь в мире монополистом собольей пушны, треть которой дают охотники Дальнего Востока, наше государство лимитирует добычу ценного зверя. Немало сделано и для сохранения популяции тигра — экспорт тигриных шкур запрещен по всему миру.

Но сохраняется зыбкий баланс — когда численность зверя растет, а среда обитания сокращается. И это — наша общая проблема, где многое зависит и от разумности хозяйственников, осваивающих новые территории, и от личной заботы каждого егеря, охотника.

Круглов был убежден, что нынешней зимой мог бы добыть соболя и побольше, успевая лишь настораживать капканы. Черпанул бы пушныны всей пригоршней, набил бы мешок под завязку... Однако не выбрал своего лимита, в передовиках ему не ходить, потому как — а что на будущую зиму? Следуя в лес за добычей, не забудь не только спички и припас, но и совесть. Если же по совести, то этой зимой он лишнего у тайги не брал, хотя прежде, бывало, и грешил неурочным выстрелом.

Участок у Круглова в заметном отдалении от дорог, только старый волок ведет сюда, по которому лишь транспорту с двумя ведущими мостами можно пробыть. А что делается в лесах, к селениям приближенным? Крадутся и крадутся темные личности с двустволками наперевес, но без охотничьих билетов... Катит вся эта рать легковым транспортом по дорогам, утрамбованным лесовозами, и проникает в такие потаенные места, откуда егерям и охотинспекторам не так-то просто «выкурить» нарушителей, стремящихся урвать трофей без лицензий и вообще без какого-либо права на выстрел. Сотни взыскующих протоколов составляется в различных районах, но браконьер, моторизованный и экипированный самым лучшим образом, неистребим.

Он не обязательно груб и неотесан: может со слезой в глазу читать или слушать по телевизору о том, как человек ошеломительно быстро свел на нет корову Стеллера, или о том, каково пришлось бизонам, когда пионеры освоения Америки валили их стадами, стреляя даже с облучков дилижансов, забирая от огромных туш лишь языки в качестве деликатеса. Сколько своих чад не досчитывается природа — 105 видов млекопитающих и 136 видов птиц исчезло на протяжении новой эры... Но по-прежнему для современного браконьера, пусть и не лишнего сентиментальной тоски по утраченному на земле, лес представляется не хрупким храмом жизни, а, как и прежде, этаким мясницким дешевым рынком. Когда-то дикари вынуждены были встать с четверенек и пойти по стезе телесного совершенства. А дикарей духа эволюция обошла стогом.

Придет время, и Круглова, наверное, переведут на участок более близкий к селу, к лесовозной дороге, чтобы на праздники мог выбираться домой. А пока он хозяйствует на самом отдаленном уголке и, забравшись без особой на то нужды на обзорную сопку, прилебявая из кружки чаек, никак не насмотрится в сизую даль распадка, уходящего к перевалам, за которыми вновь тайга да сопки и лишь потом море — граница суши и океана. Если идти с упреждением на северо-восток, то, возможно, дней через двадцать окажешься близ Советской Гавани. Там тоже есть госпромхоз, процветающий на добыче красной рыбы, но и охотниками знатный. А среди охотников и его братуха, Круглов-средний — Петр.

Было их три сына у матери, жили в Славянске-на-Кубани и гнедовали, что в войну, что после нее. Первым снялся с гнезда Георгий и по долгу старшего торил тропу для братьев, но уж как-то непривычно и диковинно добывал свой хлеб насущный — в тайге. Понюхав промыслового пороха, приехал в отпуск домой с дорогими



подарками, с былями и небылицами о своем житье, завораживая рассказами об охоте, о дальневосточной природе. А Владимир пришел недавно с армейской службы, еще не определился с занятием. «Подамся и я в леса! Года два побосолю, рюхзак деньгами набью и — кум королю...». Георгий знай ухмылялся в кулак...

Трое Кругловых состояли несколько лет в охотничьем штате Лазовского госпромхоза и считались «мужики не промах». Честолюбивые, как и все, кто удачу пытается, но и верные лесному кодексу чести. Последним сухарем поделится, из-за пустяка рядиться не станут.

А потом распалась кругловская артель, словно дробины по полу раскатились. Старший вернулся на Кубань, к матери. Петр подался на побережье, в Совгаванский госпромхоз. А Владимир остался фамильную марку держать, хотя затосковал без братьев и тоже готов был сняться из Бичевой. Все казалось: перезируем, а там чего-нибудь постоянного поищем. А оно, оказывается, не так-то просто... Следуешь уж житейскому укладу, и казенная квартира в деревянном доме стала домом родителем для твоих сына и двух дочерей. В селе тебя уважают, рядом соседи добрые, вокруг хозяйство — живность домашняя, огород. И столько забот и хлопот приносит каждый день, что некогда смутными перспективами душу бередишь. Только в праздную минуту хватившись и головой качнешь в удивлении: как быстро... Вот уже двадцать первый сезон в тайге отшагал, и скоро сына из армии встречать, и седой волос расческа снимает. Выходит, судьба его такая — жить в лесу и вести промысел зверя пушного и копытного. Да, когда-то он видел в этой нескончаемой охоте лишь средство к существованию и добрую молодецкую забаву. С годами понял: дело это серьезное, по учебникам профессионалом не станешь — опыт по путикам выходить надо, хотя наука промысловая веками и ставилась.

Во многом сын Эдуард помог на ремесло свое иначе взглянуть. Перед армией поступил в Иркутский сельхозинститут, на факультет охотоведения, куда конкурсы, что в театральные институты. Вот кому он тропу проложил — сыну.

Эдик только готовился к экзаменам, когда в семье вдруг заговорили, заспорили о том, чем отец занят — об охоте. В одной из газет на всю страну рассказано было о нем, как о передовом промысловике края: и верно, сезон тогда выдался удачным. Соболей он добыл больше других, да как на подбор, черных, с головкой и подголовкой, то есть высшими сортами. На мех дохнешь — отпущь так и блестит благородной голубизной. И пока Круглов на промхозовской базе крутил шкурки в барабанах, чтобы опилками сняло с пушники приставшую смолу и другой сор, к его калитке все чаще почтальонша навещать стала: это после очерка в газете интерес к охотнику взметнулся. А на письма отвечать положено. Взял у дочерей ученическую тетрадку, специально с делами пораньше покончил, чтобы за стол сесть и ответы дать, да только понял, что в словесном этом ремесле пороха явно не выдумает.

Вот морячок-тихоокеанец обращается: сязмала мечтаст стать охотником, множество книг прочитал об охоте и природе, даже такого корифея, как Сабанеев. Одна беда, парень по месту жительства — степняк, некуда ему обратиться по трудоустройству. Не поможет ли Круглов? Надо подумать...

Ну, а что вот этой гражданке городской отвечать? Как она там выражается? Готова бросить все и укрыться в зимовье, чтобы никого не видеть и не слышать. А в честь избавления от лютый свекрови и ее сына-недоноска будет каждый день выстрелами салютовать... Да, такая наделает шуму. Допекли, видно, домашние, или сама виновата, что не живет по-людски. Ничего, многие так изнывают, пока не родят и не успокоятся. Некогда будет не то что письма писать, даже газеты читать.

Попалось и крайнее сердитое письмо, просто обвинительный приговор какой-то. Оказывается, Круглов и его собратья-охотники «все, как один, шкуродеры и кровопий-

Охота в лес

цы, в инстинкте длинного рубля не могут обуздать сво-

ей алчности». Выводы помечены цифрами и, по признанию автора, будут посланы для руководства членам правительства. Велено, значит, промысловую охоту запретить абсолютно, а за нарушение карать строгим режимом. И все последующее, из восьми пунктов, в таком же роде.

Эх, дядя... Как вас там — Спиридон Петрович... Пожил ты немало, судя по приказному тону и казарменной простоте, а взвешивать убойную силу слов не научился. Куда ни шло, если бы один такой был, а то ведь многие заблуждаются. Почему-то отправлять гурты скота на мясокомбинаты считается вполне приемлемым, разводить птицу на убой — вполне нормальным, а вот разумное хозяйствование в лесу вызывает неприятие: дескать, пусть плодятся зверюшки и пташки себе на радость.

Эдик специально выписывает из книг разные мудрые мысли о природе и об охоте. «Я прекрасно знаю: не будь у нас охотников, в Европе давно бы уже не было ни серн, ни олсений, ни кабанов, ни зайцев и кроликов». Профессор Бернгард Гржимек написал. Конечно, нам еще учиться тому, как приумножать богатства зверя и птицы. Вон в Эстонии довели численность лося до десяти тысяч, в год четвертую часть отстреливают по лицензиям и убытка не терпят.

Большинство охотников-любителей на птицу нацелены — традиционная российская забава. Но сегуют: мало стало дичи, хиреет охота «по перу». Граждане дорогие, кто же вам мешает, членам охотобщества республиканского, наладить воспроизводство уток, фазанов, куропаток?! Ведь принимались вроде в крае сооружать фазанарий, где же продукция? А между тем в Венгрии выпускают из фазанариев до одного миллиона птиц в год... Во Франции, где насчитывается два миллиона охотников, действуют две тысячи дичеразводных предприятий, которые ставят на крыло более пяти миллионов фазанов, куропаток, кряковых уток в год!

Так о каком запрете может быть речь, когда только самая пора по-настоящему браться за престижность охоты, чтобы мужик не слонялся в выходные по двору, а с лицензией в кармане спешил на озеро, красоту постигал бы через природу и своих детей к этому приучал. А что до крайних мер, Спиридону Петровичу любезных, то крайность в отношении к природе всегда боком выходила. Давно ли в китайских провинциях, например, война против воробьев отгремела, а уже хватились: пришлось воробышек для развода в Монголию закупать, чтобы было кому с насекомыми управляться. В природе все взаимосвязано.

Рублем попрекнул автор письма с пунктиками... Чужие деньги легко считать. Ведь и сам Круглов поначалу так думал: заработаю на пушнине столько, чтобы потом лет десять ни от кого никакой финансовой зависимости не знать. Приятно получать оплату разом за весь сезон: четырехзначное число в ведомости кассира проставлено, да и карман приходится булавкой подтягивать. А жена уже тормозит: поехали в райцентр, сыну пальто и костюм нужны, дочкам шубки бы справить — и пошло, завертелось, какой только прорывы необходимых вещей, оказывается, в доме недостает, и на все выложь, и булавочку-то отстегни, ни к чему уже... Конечно, живут безбедно, и сбережения есть. Но разве не тяжким ненормированным трудом все это заработано? Нет такого прибавочного коэффициента за таежное одиночество, а кто скажет, хорошо ли вынужденное отшельничество для психики? Вроде покой, свежий воздух, жизнь в постоянном движении. Но отчего же тогда к концу сезона становится тягостно на душе и начинаешь терять равновесие, занимаясь изо дня в день одним и тем же: топнись печку, варишь похлебку, штопаешь носки — и ни голоса подать, ни голоса услышать. По родным тоска, по бане зуд. Не приведи господь всерьез заболеть или пораниться... А обжигающие морозы всю зиму? А клещи энцефалитные и гнетущий гнус летом?.. Давно проверено: искатель длинного рубля не останется в тайге ни за какие деньги.

В общем, не стал он отвечать на сердитое письмо.

Виктор Хатушев

...Костерок догорел, солнце сместилось к закатной жеке горизонта, и поэтому освещенность близких и дальних лесов стала как бы сплошной, розовато-лиловой, без сквозных просверков.

— Пойдем, Матай, исчевать. Видно, и сегодня не приедут.

Он потоптался по кострищу и вздел ремень карабина на плечо. Когда пересекала соболиную тропу, с которой он уже снял капканы, Матай вдруг метнулся в снег, тут же недалеко от него проворно вылетел перекатывающийся зимним лоском соболь, тремя прыжками оказался под кедром и застелился по стволу, словно пеленая дерево блестящим мягким бархатом. Ах он, краса лесов, самодержец пушного промысла! Сколько бы ни лалял теперь Матай, соболь в безопасности. Стрелять отошла пора. Пусть живет соболек, да не оскудеет им тайга.

Не сразу, а, пожалуй, годков через пять после обоснования Круглова в тайге, открылся ему один чудный парадокс. Как ни странно, но не всех из промыслового штата можно назвать охотниками. Вроде бы и сомнений не должно быть: человек зарабатывает на хлеб добычей зверя — кто же он, как не охотник? А рассудить, так не каждый. Сколько угодно примеров, когда промысловик тянет лямку ради безбедного существования, а дальше своего путника света белого не видит. Иной же любитель целый год может без трофея оставаться и тем не менее он в самом истинном смысле охотник, потому что настоящая охота — это, скорее, средство общения с природой, нежели жажда добычи. Не одну думку об охоте и промысле обкатал Круглов долгими зимними вечерами. И однажды нашло на него: с каким-то волнением принял записывать свои суждения в общую тетрадку, и до того погрузился в сладостное это самовыражение, что валился спать только к утру. Накопленное требовало выплеска, какого-то затверждения, благо бумага оказалась под рукой. Может быть, и дальше Владимир Емельянович вел бы свои записи, да только случился нечаянный пожар, избушка сгорела, а с нею — и общая тетрадь. Жаль. Никто столь проникновенно не живописует жизнь лесных обитателей, как истинные охотники. Что ж это все-таки за наваждение — охота? Как она из первобытного ультиматума, стоявшего перед человеком в вопросе «выжить — не выжить», превратилась в отдохновение души и тела?

Из школьных впечатлений осталась в памяти у Круглова репродукция, учебное пособие по истории. Художник изобразил, как дикие древние люди обложили мамонта, угодившего в яму, и пытаются его добить примитивными орудиями каменного века. В жестокой борьбе со зверем мужал род человеческий, и о вегетарианском воздержании тогда еще не помышляли. Однако рожденная одновременно с голодом тяга познать окружающий мир влекла к его отображению: надо ли удивляться тому, в каком многообразии наскальная живопись являет фигурки животных, сцены охоты.

А разве исток нашей словесности «Слово о полку Игореве» не отмечен родниковой связью с многоликой природой? «Игорь князь поскочи горностоем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым волком...».

Ведь и государственный муж, казалось бы, столь отягощенный «ябедами» и делами политическими, — царь Алексей Михайлович нашел для своего сочинения «Урядник сокольничьего пути» слова отнюдь не казенно-приказные, а проникновенно поэтические: «красносмотрительно же и радостно высокова сокола лет».

Муза охотничьих странствий пленила Аксакова, Тургенева, Куприна, Пришвина. Вспомним, что и Ленин любил охоту. В упорядочении новой жизни Советская власть заботилась и о природных богатствах. В мае 1919 года был принят декрет «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие». Были затем и другие правительственные уложения о производстве охоты, и не просто любительской, но и промысловой, укрепляющей финансы молодого государства. Поэтическое — это хорошо, но надо было думать о том, как сохранить за Россией монополию в пуш-

ном деле, особенно в добыче соболя. Ведь это валютный потенциал, не заторно выйти на мировые рынки.

Собирая перед выходом из тайги соболя шкурки, Круглов иногда прикидывает, сколько бы их вошло в стандартный мешок из холстины. Явно больше сорока. В Дривной Руси мешок так и называли — сорок. По количеству шкурок соболя, что составляло набор на полную шубу. Такой мешок, набитый сорока шкурками — мягкой рухлядью, — служил денежной единицей, которая не знала девальвации, а с чередой веков соболя лишь прибавляли в цене.

Как подрод куниц — соболь — возведен в ранг обладателя элитного меха, который недаром звался «царским». Действительно, зимняя шубка соболя и пышна, и шелковиста, и гораздо на такие переливы и красоту отпуши, какие у других мехов выражены слабее. Все дорогое и ценное быстро становится редким, а значит, еще более дорогим. Эта старая истина дорого стоила соболиному роду-племени. Исчезали популяции зверя в одних лесах, искал он новых пристанищ. Без преувеличения, соболин след предвзвлял поступь истории, и карты географических открытий во многом обязаны своими контурами соболиным тропам и сбежкам.

Сказать с категоричностью, будто русское продвижение на восток продиктовано единственно страстью по соболу, было бы, конечно, опрометчиво. Ермак с ватагою послан на хана Кучума из политических соображений: избавляясь от остатков иноземного ига, государство укрепляло свои рубежи. И все же в приращении «землиц» на азиатской стороне большую роль сыграло и обилие в них пушнины. Осваивая Мангазею или Привитимье, обживаясь на берегах стуженых рек, отважные поморы, государевы стрельцы и прочий не отягощенный кабалой люд принимались за добычу соболя. Следом за первопроходцами проникали в поселения купцы — эти вечные жрецы выгоды и обмана, а уж за ними шествовали хранители веры христианской — попы и дьяки. Далеко уводил за собой соболек... В даль будущего территориального могущества. В ширь распространения русского державного влияния.

Возникло поселение — ставилась власть. А власть должна владеть печатью, город — гербом с изображением истока его процветания. Символы зверей украшают эмблемы старинных русских городов. Березов — соболь да стрела, а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Березова города». Верхотурье — соболь под деревом, Сургут — две лисицы, меж ними соболь... Тобольск — два соболя, а меж ними стрела. Якутск — «на якутской бабр в роте несет соболя...».

Вывел соболь, в конце концов, к Амуру. Первопроходцы XVII века, будь то казаки Василия Пояркова или сподвижники Ерофея Хабарова, «ища прибыли государям» и «прибытку себе», считали своим долгом узнать как можно больше о новых землях, о местных народностях: «скотные ли люди, и пашни у них есть ли, и хлеб родится и какой хлеб родится, и зверь у них соболь есть ли и якак с себя платят... и каким зверем». Как пушную провинцию Приамурье еще предстояло осваивать.

Знавший по военному своему детству из всех разновидностей мехов разве что овчину да заячий трехух, Круглов вплоть до первой промысловой зимы был абсолютно несведущ в науке о соболях. Слышал от брата Георгия: чем темнее окрас, тем ценнее шкура. Потом уже ознакомился с существом дела. Как всякий ценный товар, шкурки соболя за несколько веков претерпели различные классификационные изменения. Скупщики и заготовители поднатерели в приценочных тонкостях, учитывая малейшие особенности пушнины. Устоялась разграничительная система поролности — кряж. Он означает принадлежность к той или иной географической популяции, а значит, и характеризует мех по его окраске, размерам шкурки и другим компонентам. Счет кряжей в 20-е годы нашего столетия, например, доходил до восемнадцати. Однако такая дробная градация не прижилась, к тому же с горечью об-

наружили, что не попадают больше соболя отменного витимского кряжа, и еще неизвестно, восстановим ли он.

Сейчас соболиный ареал разбит на девять кряжей по чистопородной ценности. Первым идет, конечно, баргузинский кряж с его идеально ровной темной мехом с голубоватым отливом. Далее следуют: камчатский, якутский, тувинский, амурский, алтайский, мнзусинский, енисейский, тобольский. Стандарт цвета, как и кряжевание, тоже менялся, доходя порой до восьми групп. Но промысловики обходятся обычно такими мерками: голова высокая, то есть самый темный, подголовка, воротовые и меховые, последние — самые светлые.

Давно купцами пущена приговорка: «Соболь — вещь деликатная». Большим искусством считалось составить партию так, чтобы «голова погянула хвост», иными словами, чтобы дорогие черные шкурки принудили скупщика чохом взять и светлые, которых всегда было больше, нежели темных. Недаром у оценщиков пушнины зачастую портилось зрение: сколько внимания требуется, чтобы различить малейшие оттенки и полутона. В конце XIX века на российских пушных рынках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Москве цела одной шкурки величиной «не больше солидной крестьянской кожаной рукавицы» колебалась от 15 до 1500 рублей. На европейских аукционах — в Лейпциге, Париже, Лондоне — счет уже шел на тысячи долларов и франков.

Не странно ли, что примерно в это же время или немногим раньше местные охотники использовали соболя шкурки для обивки полозьев лыж. Еще первоописатель Камчатки Степан Крашенинников отмечал полную нецелесообразность аборигенов в ценности соболя. В обмен за нож камчадалы отдавали 8 шкурок, а за топор — 18. Однако стремительное освоение дальневосточных земель воздело пушной промысел в один из прибыльнейших источников обогащения. Какие только хитроумные и коварные приспособления не подстерегали теперь соболей амурского кряжа: и самострелы, и кулемки, и обметы, и рукавчики, и петли с казканами... Вовсю вошли в обиход ружья, из Сибири стали завозить промысловых лаек. Пушнину, а также оленьи панты и кабарожью струю отдавали купцам в обмен на порох, свинец, табак, муку, крупы и водку. По свидетельству В. К. Арсеньева, за чугунный котел платили столько соболей, сколько в него могло поместиться.

Открытие нового пушного «эльдорадо» на востоке привлекло внимание не только отечественных предпринимателей. Японские контрабандисты проникали на побережье Охотского моря. Не жалели спирта на спайвание легковверных, слабых на хмель местных жителей и американские негодяи. И уж никому не уступали в оборотистости китайские скупщики, наиболее свирепые в обращении со здешними народностями.

Немудрено, что в начале нынешнего века в амурском бассейне на соболя настораживалось, по подсчетам В. К. Арсеньева, только в сезон примерно 580 тысяч различных самолетов. Жадность не знала границ!.. Стали увеличивать срок промысла за счет раннего начала осенью и позднего окончания весной. В торговом обороте все чаще стали появляться неполноволосые шкурки, именуемые «недособоль», и даже калтан — шкурки летнего соболя. И если на рубеже столетий в Приамурье добывали в год 15—20 тысяч соболевых шкурок, то уже ко времени революции стало ощутимым, как и по всей Сибири, немируемое и закономерное истощение популяций.

Губительной волной для всего живого прешлись в 1915 году по сибирским лесам пожары. Дым был столь обильный и плотный, что мешал судоходству на реках, нарушил движение поездов по Транссибу. К тому же за полтора десятка лет до этих пожаров обнаружили массовое поражение кедрового орехового шелкопряда. После нашествия гусениц изобильные леса превращались в «сухарники», где нечего было рассчитывать хоть на какой-то прокорм. Над соболем нависла угроза остаться лишь геральдическим символом... В сезон 1909—1910 годов было добыто всего 400 шкурок баргузинского кряжа. Витимский практически свел на нет.

Охота в лесу

Первыми на защиту зверя-кормильца встали сами промысловики. Некоторые сельские общины на Лене решили не выходить весной в тайгу. Вблизи приморского поселка Ольга охотники организовали заказник. И уж полное отчаяние вынудило совещание торговцев на Ирбитской ярмарке 1910 года обратиться в Государственную думу с прошением о введении двухгодичного запрета на соболиный промысел.

К слову сказать, локальные запреты то и дело вводились еще с конца XVII века, но соблюдались неважно. Теперь же катастрофа с королем пушных зверей была очевидной и, наконец, с 1 февраля 1915 года вступил в силу более чем годичный запрет на добычу соболя. По проекту выдающегося охотоведа А. А. Силантьева на Камчатку, в Восточные Саяны и на Байкал были отправлены научные экспедиции с целью изучения популяций. Незадолго до революции Сенат принял решение об учреждении первого соболиного заповедника — Баргузинского, на Байкале.

Долго же выдерживал русский соболь лихорадочную гонку за его мехом. Но всему есть предел. Промысел тогда неизбежен, когда ведется с умом, расчетом и рачительностью о воспроизводстве и приумножении. На такую основу пушное дело ставилось государством уже советским, в 30—40-е годы.

Ликует и красуется брачной резвостью дикая вековая жизнь. Царствует в лесу великий инстинкт продолжения рода. Круглов замечает по соболиным сбегам, где зверьки гонялись друг за другом, где барахтались и дрались. По всем приметам, особенно по характерным запахам, гон у соболей проходит в конце зимы — начале весны. И Владимир Емельянович, как и целые поколения промысловиков до него, был в этом твердо уверен, правда, смущало то обстоятельство, что слишком уж быстро, скоротечно происходит появление потомства — уже в апреле... Что-то в этом было таинственное, непонятное. Долго соболь хранил тайну своего размножения...

А вопрос этот был не праздным. Соболиная драма, назревшая в первой четверти нашего столетия, заставляла искать пути воспроизводства зверька в искусственных условиях. Знаний было маловато. Наслышаны были о том, как охотники подкладывали соболят, найденных в тайге, к котяткам, и кошка выкармливала диких питомцев. Пытались и разводили, однако такое примитивное, «избыточное» соболеводство скоро угасало. Не прибавляли оптимизма и наблюдения за соболиными парами в неволе — приплод был редкостью. Часть специалистов воспринимало неудачи как окончательный ответ: искусственному разведению не подлежит. Из-за бесплодного топтания на месте в 1926 году был ликвидирован питомник Севзапгосторга, откуда соболей передали в Московский зоопарк и на биостанцию юных техников.

Как раз в зоопарке за изучение соболей взялся крупный советский биолог профессор Петр Александрович Мантейфель. Именно ему предстояло через два года оповестить ученый мир на манер андерсеновского мальчика о том, что король пушных зверей на основе голых, а потому неоспоримых фактов живет совсем по другому календарю, нежели предполагали это ранее. Профессор заявил: зимне-весенний гон у соболей — ложный.

Истина открылась не сразу. После ранневесенних игривых влюбленных вожделений у зверьков в июне-июле. Именно в эти месяцы уральская соболюшка по кличке Кривой Зуб «обвенчалась» с канским самцом Хромым, и следовало ожидать приплода. А дело к зиме: любой мало-мальски сведущий в жизни дикой природы сразу бы отверг предположение о том, будто в канун зимы могут появиться детеныши. Природа не терпит абсурда: соболятам попросту не успеть к холодам «одеться» в меховые шубки, а значит, нечего надеяться и на выживание.

Однако Кривой Зуб и не спешила с обнародованием помета. Она резво провела осень, без осложнений пере-

Виктор Хатуцев

зимовала и только 3 апреля 1929 года принесла наконец потомство. Впоследствии и другие соболушки становились мамашами лишь почти через девять месяцев, именно по первому весеннему теплу.

Так вот почему раньше специалистов и охотников сбивал с толку ложный гон!.. Даже заподозрить не могли они, что беременность у соболей может быть столь продолжительной! А по такому циклу и существовал соболин род век за веком, не изменяя генетическим часам.

Чем же приобретенные знания о размножении соболя могли помочь самому зверю? Заменить промысел с его неизбежной стихийностью на искусственное разведение, плановое и регулируемое? Рассчитывали и на это. Уже в 1932 году стали получать массовый приплод на промышленной ферме при Пушкинском зверосовхозе. Исследования биологии соболя несомненно помогли постановке клеточного соболеводства. Однако такого размаха, как с норками, например, или с чернобурками лисицами, оно не получило. С годами заметили, что приплод в неволе у соболя значительно ниже по количеству, нежели в условиях тайги. К тому же качество меха зависит от многих факторов, в том числе и от рациона. Напасись-ка одних только кедровых шишек для соболефермы!

Очаги же обитания пушного зверька катастрофически сокращались. В 1934 году в Приамурье было заготовлено всего 2276 шкурок соболя. Все шло к тому, что через десяток-другой лет монополия российского промысла отойдет в область предания и вызовет лишь запоздалый но-стальгический упрек потомков по поводу экологического безразсудства предков.

Что можно было предпринять для спасения соболя? Только пойти на крайние меры. И к ним пришлось прибегнуть. В 1935 году был объявлен всесоюзный запрет охоты на соболя. Сроком на пять лет.

Признаться, довольно странное чувство испытал Круглов, когда впервые узнал от старых охотников, что до войны на соболин рож промысел налагался строжайший запрет. Человеку иной раз неловко слышать задним числом о таком событии, которое так или иначе могло повлиять на его судьбу, изменить русло его жизни. Ведь случись с сободем непоправимое, захирел бы и сам промысел, и вряд ли бы когда Владимир Емельянович оказался в дальневосточной тайге, и профессиональный выбор его сына не был бы связан ни с лесом, ни с охотой. Вот ведь куда клубочек катится... И хотя государство, вводя тот пятилетний запрет, не только являло всему миру гуманистический характер общественного отношения к природе, но и мудро пеклось о будущих валютных пополнениях казны — в войну мы расплачивались пушниной с союзниками; вышла на поверку и еще одна выгода: сберегли ремесло промысловика, которое сейчас весомо и престижно.

Первый опыт выпуска соболей в новые районы был проведен еще в 1901 году на острове Карагинский близ Камчатки. С десятком зверьков в первую зиму пришлось подкармливать юколой — сушеной красной рыбой. Затем новоселы освоились, и через несколько лет соболя здесь уже понемногу промышляли. Удачным было расселение и на Шантарских островах, что в Охотском море. Только в охотничьих угодьях Приамурья было выпущено свыше двух тысяч соболей, в основном якутского и баргузинского кряжей. Более светлых амурских соболей рассчитывали таким образом облагородить подпуском темных, и это удалось. Был организован Верхнебуреинский соболин рож племенной рассадник, где за десять лет отловили свыше семи тысяч зверьков. Меры по реакклиматизации соболя дали большие результаты. К шестидесятым годам удалось восстановить популяцию на Алтае, в прибайкальских нагорьях, в Кузнецком Алатау. В других районах, в том числе и в Приамурье, без особого ущерба расширили промысел, который теперь строго лицензионный. Государство лимитирует добычу, оставляя в мире монополистом соболей пушнина, треть которой добывают охотники Дальнего Востока.

Охота в лес

Пушная страда не каждую зиму бывает удачной. Ведь что такое, если разобраться, промысловый фарт — понятие вполне рабочее у охотников? В просторечии смысл словечка «подфартило» несколько иронический: вот, дескать, повезло ненароком, выпала удача наугад. Что ж, случается и такое. Но в основном удача, фарт этот самый, зависит от навыков, от умения разбираться в таежной обстановке и приравниваться к ней. Любой соболятник знает, что если осень выдалась урожайной на кедровый орех и ягоды, то сытого зверька приманивать будет непросто. Разве что «проквашенный» рябчик — соболин деликатес — заставит его обследовать капкан с лакомством. Немалого терпения стоит обнаружить соболиные сбежки и тропы. Не раз надо «убить ноги», чтобы обойти весь участок в поисках зверя. Ичиги, которые давно признаны таежником людям лучшим всяких сапог или валенок, Круглов смазывает медвежьим жиром, чтобы некорыстная с виду обувка и мягонькой при ходьбе была, и сырость отталкивала. И хотя вроде вынужден больше на лыжах передвигаться, а все равно к весне снашиваются ичиги. Вот и сейчас, перед выездом из тайги, задник прохудился, хоть садись подшивать. Да уж как-нибудь до дома бы добраться...

По возвращении домой долгого роздыха не жди. У охотника, как у крестьянина: упустишь день в страду — потеряешь год. Неделя уйдет на обработку пушнина, на сдачу ее да на расчеты. Отнес на хранение ружья и карабины, берутся промысловики за другие орудия — топоры да пилы: вывозят из леса дрова для населения окрестных сел. Потом, ближе к маю, начинают заготавливать березовый сок. По капельке, по струечке набирается до десятка тонн, только успевай на консервный завод в райцентр, в Переяславку доставлять, иначе прокиснет продукция... К лету вызеленят молодой травой леса и поляны — снова страдовать. Дугообразные побеги папоротника-орляка рвут под корешок, вяжут в пучки и солят изрядно в многоведерных бочках. Потом отправляют на экспорт в Японию, и по этой статье приносит государству выгоду. Следом за папоротником начинает проситься в корзины всякая ягода: сначала голубика, а там и смородина, жимолость, брусника... Так и вершится в таежном хозяйстве круговорот дел.

...Все необходимое загода собрано, упаковано. Оставил на полке пачку чая, сахар, соль, мешочек с сухарями. Кто его знает, вдруг каким лешим заведет сюда заблудшего, терпящего бедствие. По написанному старинному уставу думай, охотник, не только о себе, но и о тех путниках, которым, возможно, ржаной сухарь станет спасительной пайкой, а огонь в печке обогреет и обнадежит. Спички Круглов положил на подоконник.

Лишь через двое суток пробилась к зимовью машина. Круглов поил гостей чаем с лимонником, разогревал хлеб.

— Эх, догадалась бы Евдокия завтра баньку испить, — возмечтал он. — К завтраму-то наверняка доберемся.

— А ты зря торопишься, Владимир Емельянович, — прищурился охотвед. — Тут тебе еще работенка приготовлена. Хотя можешь отказаться, никто не неволит.

— Не темни, — посерьезнел Круглов. — Если какого начальника сопроводить — под пистолетом не пойду. Сами ему кабанов загоняйте.

Охотвед приятельски подмигнул водителю:

— Одичал он, однако, в своей берлоге... С начальниками мы как-нибудь сами управимся, это верно. А вот с тиграми только ты можешь... — Он опорожнил кружку и пристукнул ею по столу. — В зоокомбинат пришла разрядка на отлов двух тигров. Так что двинем сейчас к Николаю Ермакову, решено на его участке сбор трубить. Тигры там есть. А без тебя, сам понимаешь, толку не будет.

Круглов теребил в задумчивости сигарету.

— Что-то не заметно радости, Владимир Емельянович, — встрял водитель. — Я вон шепнул Матаю про тигров, так он от удовольствия чуть в кузов не запрыгнул, хоть сейчас готов брать...

— Не понял ты, это он домой торопится, — ответил

Виктор Хатуцев

Круглов.— Матай и тот понимает, что без добрых собак тигра не возьмешь. Ладно, давайте похлебку есть. Чаем сыт не будешь.

А самому кусок в горло не шел. На простор хотелось. Домой, к людям...

Круглов трясся всю дорогу в кузове, придерживая Матая за шею и раздумывая о неожиданном предприятии, из-за которого придется задержаться в тайге. Надо было все же подлатать обувку — как теперь в дырявой по снегам за тиграми лазить?

На его отдаленном участке обитало два тигра. Один, правда, властвовал в самом дремучем углу, куда Круглов редко навевывался. Зато другой то и дело устраивал демонстративные обходы, словно призван был регулярно напоминать охотнику о том, кто в тайге самодержавный владетель.

В тот ноябрьский денек Круглов проложил по путику лыжню километров с восемь, уже в ранних сумерках повернул назад, к избушке. Шальной в честь первого снега, Матай убежал вперед, и его след по свежей пороше превращал ее в причудливую дорожку-домино. Вдруг пес круто повернулся, виновато увел взгляд и дальше предпочитал двигаться рядом. А кто в тайге может смутить опытную лайку?.. Круглов машинально отвел предохранитель карабина. Снег под лыжами теперь скрипел устрашающе хрустко.

Так и есть: вот они, кошачьи подушечки лап, только увеличенные раз в десять — пятнадцать. Оказалось, километра три шел за ними следом тигр, и, как это любит всякая кошка по первому снегу, валялся, терся шкурой, принимал, так сказать, снежные ванны, чтобы по природной своей чистоплотности очистить шерсть — вон, даже рыжие ворсинки среди обрешенной хвои видны... Справил, негодник, прямо на лыжные свои нужды, и по характерной «веревке» Круглов мог ознакомиться, что кормился полосатый кабанятиной, не особенно стараясь отделять мясо от щетины. Заявив о своем здравии, зверь скакнул в пихтовник и удалился в сторону ключа.

— Что, Матай, душа в пятаки ушла? — подтрунил Круглов, когда добрался до избушки.— Придется в сопровождении матраца промышлять, мать его за ногу!

Кто первым из охотников нарек тигров «матрацами» — о том таежный фольклор умалчивает; но обывательная столь иронически полосатость зверя пришлась к слову, и прозвище стало довольно распространенным. Старики же его по-прежнему величают «тигра». Как бы, впрочем, ни называли, как бы от вполне простительной робости ни старались приземлить образ властелина низким бытовым сравнением, — само его восприятие не становится обыденнее или привычнее. Тигр есть тигр, и ничего тут не прибавишь, не убавишь. И хорошо еще, что есть сам тигр, а не только досужая молва о нем...

История этого зверя драматична не менее соболониной. Однако драматизм здесь иного рода — не односторонний, а обоюдный, когда и полосатому доставалось от человека, но и человеку приходилось страдать нешуточно. Из семейства кошачьих, из рода пантер, тигр всех сильнее и превосходит даже льва, пусть и не самозванно, но возведенного на царский престол зверей. В своем развитии, как вид, тигр совершенен и уникален, а его природное любопытство порой столь обезоруживающе, особенно в желании поиграть, что впору подумать: чего опасаться, кошка и кошка... Да только клыки торчат, и коготки смертельно остры...

Кроме амурского тигра, зоологи выделяют еще шесть подвидов, из которых наиболее известен и распространен индийский, он же бенгальский, или «королевский». На территории нашей страны, в Средней Азии, обитал еще туранский тигр, однако вот уже почти двадцать лет его особи не встречаются, осталось (как бы в назидание) лишь название заповедника — Тигровая балка... И что самое печальное, зоопарки обзавестись туранскими тиграми не успели. Так бы еще можно было восстановить попу-

ляцию, начав с размножения в искусственной среде, а потом расселив по ареалу.

И амурский тигр мог бы исчезнуть из живой природы, да вовремя спохватились, введя в 1947 году запрет на охоту. К тому времени, как считают, на Дальнем Востоке оставалось от силы 30 особей, и о бывшей агрессивности зверя впору было бы забыть, но память старожилов держала в себе тревожные эпизоды прошлого.

Жуткий, какой-то утробно-рокошущий рык зверя повергает в смятение смельчаков, парализует малодушных. Тигр внушает не просто страх, а ощущение роковой безвыходности, трагического отчаяния. А как сопротивляться року? Недаром во времена глубокой древности индийцы обожествляли тигра, изображения его грозного лика часто встречаются в храмах... Да и вообще, в отношении индийцев к этому зверю прослеживается явно мистическая покорность, религиозное непротивление судьбе, когда ей угодно сводить человека с глазу на глаз с хищником. Культурное почитание окружали тигра и амурские аборигены — удэгейцы, нанайцы, орочи. Считалось святоотступством покуситься на царственного амбу. И хотя верный спутник В. К. Арсеньева Дерсу Узала был неплохо вооружен, — этого зверя он обходил стороной. Стоит напомнить арсеньевское описание встречи Дерсу с тигром.

«— Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..».

Однако со временем Дерсу и подобные ему становились исключением. Все более вооружаясь, человек стал преследовать тигров: их стреляли, травили ядами, ловили в петли и капканами. Зачастую такое враждебное отношение было продиктовано чувством мести: жертвы с одной стороны множили жертвы в стане хищника. Но как тут рассудить — кто более повинен в агрессии? Под натиском цивилизации в Индии, например, становилось меньше лесов, сокращалось поголовье копытных, и тигры стали все чаще наведываться в места обитания человека — давили сначала скот, потом покушались на мирных людей. В 1862 году тигр-людоед прервал строительство железной дороги Бомбей — Аллахабад, лишив жизни более ста рабочих, прежде чем был застрелен.

До сих пор жертв в индийских штатах много. В Западной Бенгалии, например, в 1968—1972 годах от тигров погибло 150 человек. Хищники терроризируют жителей селений даже днем. Но и охотники в долгу не остаются. В прошлом столетии в Индии уничтожено более 100 тысяч голов. Однако в данном случае статистика мало о чем говорит. Недаром такие опытные охотники на бенгальских тигров, как Д. Корбетт, К. Сингх, К. Андерсон, отстрелявшие до тысячи и более особей, не ограничиваясь трофеями, постарались в своих книгах разобратсья во взаимосуществовании зверя и человека. И для современной Индии проблема тигра остроактуальна.

Амурский, или уссурийский, тигр по своей природе много склада, нежели его южный сородич. Его даже считают более уравновешенным и менее кровожадным. Как бы то ни было, но бурное освоение Дальнего Востока, начиная с середины XIX века, отмечено отнюдь не идиллическими отношениями с таежной кошкой. Еще Н. М. Пржевальский, путешествуя по краю в 1867—1869 годах, обратил внимание на множество безобразий тигров, творимых ими в казачьих станицах. Жертвами становились не только собаки, лошади и коровы, но и люди. В 1882 году на окраинах Владивостока свирепствовал тигр-людоед. В голодные годы тигр мог броситься на лошадь под всадником или на конягу, запряженную в плуг. Преследуя собак, зверь забирался в жилища, проникал в конюшни, в хлев. Урон был ощутимым, к тому же русские переселенцы впервые сталкивались с экзотическим и практически неукротимым хищником: из уст в уста передавались ужасные страсти о нем, боязнь «супостата» попросту становилась помехой для нормального обитания. Так что мировить тигру не было причин, а русского мужика, будь он казачьего звания или старовер, не заподозишь в не-

Охота в лесу  
Виктор Хатуицев

противленческой кротости и смиренности. На тигра ополчились.

В конце прошлого века на юге Дальнего Востока отстреливали до 120—150 тигров в год. И не только ради безопасности. Дорого давали за нарядную шкуру зверя, цена которой в наши дни в Европе подскочила до 1200 фунтов стерлингов. Кстати, с 1969 года экспорт тигриных шкур запрещен по всему миру, отчего спрос на них у всякого рода богачей лишь только возрос.

В начале века в дело употреблялись все части тигриной туши. Восточная медицина знает сотни рецептов приготовления лекарств и снадобий из тигриной туши. До сих пор живо поверье, будто бы тигриный ус в качестве талисмана способен придавать мужчине силу и обеспечивает ему чуть ли не повальную благосклонность всех женщин. Смех смехом, но у обнаруженных в тайге тигриных трупов, воровато брошенных браконьерами, как правило, срезаны под корень вибриссы — те самые усы...

Среди купцов и прочих коммерсантов дореволюционного Дальнего Востока тигр пользовался не меньшим спросом, чем соболь. По свидетельству тех лет, китайские торговцы-манзы дорожили костями тигра, «цены их не менее 30 рублей за пуд; равно ценится и желчь этого зверя, употребляемая как лекарство. Все эти продукты идут в Пекин, где желчь покупается фармацевтами, а кости поступают в ведение военного министерства; там их высушивают, растирают в мелкий порошок и во время войны раздают в несколько приемов солдатам, которые, по народному поверью, проглотят его с чаем или рисом, и это магическое средство возбуждает в них тигриную храбрость».

Неизвестно, насколько истертые в порошок тигры подняли боеготовность армии, однако самому тигрину воинству в те времена была нанесена сокрушительная урон.

Но за сорок лет запрета обстановка в таежном краю изменилась настолько, что теперь однозначно не оценишь сложившийся биоценоз, то есть совокупность всех природных факторов, влияющих на обитание зверя. Можно порадоваться: дальневосточная популяция тигра выросла до 200 или чуть более особей, угроза исчезновения амурского тигра отведена. Но со всей остротой возник, в свою очередь, другой вопрос: что делать с тигром? Мобильная лесозаготовительная техника забирается в самые труднодоступные районы тайги. Значительно поубавилось кабанов — так что пришлось ввести запрет охоты на них. Да и рост самого тигриного поголовья повлиял на конкуренцию в добыче пропитания. Как сохранить зыбкий экологический баланс, когда численность зверя растет, а среда обитания сокращается?

К середине 80-х годов волна «тигровых» полемических публикаций прокатилась по газетам, в дискуссиях сошлись ученые и охотоведы. Учитывая горький опыт прошлого, с выводами приходится осторожничать. Надо сначала понять, каков он, нынешний властелин тайги, что его гнетет более всего: голод ли, дискомфорт ли обитания или возросшая конкуренция? Скорее всего, и то, и другое, и третье. Факт остается фактом: тигр вновь вынужден войти в соприкосновение с человеком, и всяческих подтверждений тому немало.

В удэгейском селе Гвасюги тигр «оккупировал» сарай, и еле-еле выпроводили зверя оттуда восвояси. В приморском селе Алексее-Николевское тигры провели ночлег на сеновале. Но выход зверя из тайги не ограничился бескровными «забавами». В Вяземском районе ошутимый урон понесла Котиковская конеферма. Не досчитались жеребенка, а племенная кобыла Гайта едва увернулась от хищника, не избежав все же раны на холке и на ноге... Тогдашний директор Котиковского совхоза Б. Ежеля, человек азартного нрава, носящий разлетистые кавалеристские усы не для форса, а чтобы по-буденовски подчеркнуть свою любовь к лошадям, обратился за разрешением ликвидировать тигра. Уж если зверь повалился к табуну, то кнутом его теперь не отгонишь и пальбой в воздух не отпугнешь. Решение об изъятии хищника, занесенного в Красную книгу, может принять только Главохота РСФСР. На-

Охота в лесу

конец дали «добро» на устранение «скотника», и Ежеля, взяв отпуск, ринулся сводить счеты с полосатым. В качестве приманки привязывал к кусту дворнягу, но стоило на полчаса отлучиться из засады, чтобы попить чайку у табунщика в палатке, как собаки и след простывали... Такая наглость вовсе вывела из себя темпераментного Ежеля. И когда представился момент прицельно выстрелить, директор не промахнулся... Шкуру тигра, как и предписывалось Главохотой, отправили в Зоологический музей МГУ.

Астрологи и толкователи восточных календарей именovali год 1986-й годом Тигра. И хотя к различным прорицаниям наш век относится со снисхождением, — приходится все же подивиться тому, сколь верно отвечало поведение тигриного племени предугаданному мудрецами звериному символу-86. Как нарочно, тигры норовили почаще напоминать о себе человеку. Это был год их недоброй активности.

Началось с тигрят. Охотник Ю. Сачко забрел на брошенный лесопункт Спартак, где еще сохранилось несколько строений. Недавно выпавший снег был в тигриных следах, но небольших. Вскоре угрожающим рычанием дали знать о себе и тигрята. Они спрятались под ветхим крыльцом. Вся троица — сеголетки, от силы годовалого возраста. Значит, поблизости должна находиться и мамаша, и, хотя следов ее не видно, лучше не искушать судьбу...

Через несколько дней Сачко вновь наведался на лесопункт. Тигрята оставались на месте, следов тигрицы и близко не было. Это уже происшествие... Мать ни в коем случае не могла бросить малышей. Что же могло случиться? Или ее прикончил ради собственной безопасности какой-нибудь браконьер, или она вступила в бой с медведем-шатунюм и пала жертвой. Что бы там ни произошло — тигрят надо спасать, тайга им уже не дом: без материнской ласки и опеки даже двухлетки, случается, не способны прокормиться и постоять за себя. А тут вовсе котята...

Сачко поведал о своей находке старшему охотоведу Вяземского района А. Пятову. Тигрят пришлось связывать, потому что, несмотря на малый возраст, огрызались они, как заправские хищники, и когтями могли запросто пропороть толстый войлок валенка, а с ним — и ногу. Анатолий Григорьевич поместил троицу в своем сарае на подворье. И хотя о помке тигрят сразу же сообщили в Хабаровск, в Дальневосточный зоокомбинат, который ведет реализацией всякой живности, забирать малышей у охотоведа не спешили: ни у комбината, ни в Главохоте не было ни одного официального заказа на тигров.

Выручила, как говорится, широкая огласка. В центральных газетах промелькнуло сообщение о тигрятах, и тут же в зоокомбинат повалили телеграммы, а потом и письма с предложениями об устройстве бедолаг. Проявил интерес известный дрессировщик Вальтер Запашный. Коллектив работников мясокомбината из Петропавловска-Камчатского обратился с просьбой отдать для варвария осиротевших котят: «Готовы усыновить», — сказано в письме. А руководители Ереванского зоопарка сразу перешли на деловой диалог о стонности, вакцинации, транспортировке и в конце концов приобрели тигрят за довольно внушительную сумму. Но на этом, сравнительно благополучном финале тигриная эпопея 1986 года не завершилась.

В Нанайском районе обнаружили двухгодовалого самца, так же оставшегося без матери. Опять же в Вяземском районе долго возле селений бродили три взрослых тигра. И, наконец, эпизод трагический: в Ульяновском районе убит тигром один из обходчиков нефтепровода Оха — Комсомольск-на-Амуре. Уму непостижимо, что заставило хищника прийти в столь северный район, где отродясь не встречали полосатых... Впрочем, в далеком прошлом тигр забредал даже в Якутию, в окрестности Алдана. На этот раз ульчский возмутитель спокойствия подтвердил старую истину: чаще всего на человека нападает раненый зверь. Когда после отстрела тигра осмотрели, то в его передней лапе обнаружили давнишнюю свинцовую пулю — жакан. Видимо, подранок, мучимый болью в

Высот Харуцев

лапе, шел уже без разбору — на север так на север... Таковой облезлый зверь опасен чрезвычайно.

В краевом управлении охотничье-промыслового хозяйства готовы были уже и вертолет арендовать, хотя бы устрашением сверху прогнать подальше в лес тех трех тигров, что плутали между сел Вяземского района. Вновь пострадала Котиковская конферма: четырех жеребят не досчитались за какой-то месяц. Обстановка накалилась до того, что «вяземские тигры» стали фигурировать в ежедневных сводках управления внутренних дел края. Лишь в начале марта, когда на полях заработала различная техника, тигры ретировались в лес.

В общем, прибавил вопросов год Тигра по азиатскому древнему календарю...

Но Круглов пока восседал на своих уздах в кузове грузовика и при тряске поправлял шапку. Пребывая безвылазно в тайге, он и не знал, что наступил год Тигра.

Шумного восторга в честь его прибытия не было. Не тот народ промысловики, чтобы впадать в сентиментальность. Живой, невредимый — и слава богу. Вот ложка, а вот миска, для всех общая... Будто братина, правда, не с пивом, как в старину на Руси, не с медами... Но и супец из изюбятины тоже хорош. Собрались у Николая Ермакова уже и Иван Фисков, и Анатолий Ищенко — вместе с Кругловым теперь, считай, бригада. Подъехал и директор зоокомбината Иван Иванович Прозоров. Еще раз, персонально для Круглова, рассказал Прозоров, что пришел из Москвы срочный заказ на отлов двух тигров, а скоро снегам таять — надо спешить.

— Без путевых собак осрамимся на всю округу, — напомнил Круглов.

— Не волнуйся, Владимир Емельянович. Я уже распорядился твою Куклу сюда доставить — завтра привезут. Матай при тебе. И будет еще Малыш для подстраховки. Хватит, наверное?

— Выпросить бы в Полетном Мальчика — то псина! — сказал Круглов. — Хозяин у него прижмист, побойтся на тигров пустить...

— Деньги заплатим, — успокоил Прозоров. — Давай пока с этими попробуем, потом видно будет.

Как ни притомился Круглов за сезон, пребывая в своем ташном, чуть ли не монашеском скиту, а встреча с товарищами и особенно азарт предстоящей грозной забавы взбудрили его: тут же взялся ремонтировать ичиги, по праву бригадира проверил, что за веревки приготовили. Несколько лет не выпадало Владимиру Емельяновичу сойтись с тигром в единоборстве. Пора тряхнуть стариной... Рисксовая это потеха и для удалых смельчаков! Но что в любой охоте главное? Исключить случайный риск. Значит, надо дожидаться, пока привезут Куклу — его старую верную соратницу, мать Матая. А сам Матай? Сможет ли он при отлове поддерживать Куклу, не сбросит ли перед полосатым богдыханом?

Тигров, как и прочих хищных зверей, отлавливали еще в древности, где — для устрашения подневольных, где — для смертельных забав. По прихоти римских императоров устраивались природные поединки гладиаторов со львами, тиграми — зрелище, как нынче выражаются, не для слабогермных; но у кровавых эпох свои представления о ценностях жизни... Чем только не осквернена история взаимоотношений рода человеческого и рода звериного, иной раз засомневаешься: в ком же все-таки было больше изощренного зверства и кровожадности?.. Но то — далекое былое. В конце концов разве не разумное прозрение обратило мир людской в священную веру современного краснокнижия? В Красной книге страны — тигр на своем месте.

Характерно, что артели тигролов были, как правило, семейными: братья Худяковы, Глушак, Севрюк, Козины, Богачевы. Рискованное предприятие было весьма прибыльным. За взрослого самца платили несколько тысяч рублей золотом. И хотя в последние десятилетия отлов тигра строго лимитирован, тем не менее, по данным С. П. Кучеренко, за 55 лет поймано около 200 амурских

тигров, которые отправлены в зоопарки и цирки страны и за рубеж. Бывает, конечно, и отход из числа пойманных. Ловят в основном молодых особей. А тигр и без того зверь ранимый и чувствительный ко всякого рода стрессам... Вроде бы всем хищникам хищник, — но чего стоит забота тигрицы о малышах, когда она не позволяет им есть мерзлое мясо, опасаясь воспаления легких. Что ж говорить о состоянии тигра, когда его загоняют собаками, связывают, перевозят, перегоняют из клетки в клетку, вводят вакцину... Не всякий выдерживает такие психические нагрузки — иные гибнут.

Но вот вопрос, которым в свое время частенько задавался Круглов. Тигры прекрасно размножаются в неволе. Согласно Международной племенной книге тигров, всего в зоопарках мира содержится свыше тысячи особей амурского подвида, в год рождается больше сотни тигрят. Одна только обитательница зоологического сада в городе Редууд-Сити (США) враз принесла восемь тигрят; в Дублинском зоопарке тигрица разрешилась семью детенышами. Хотя более привычен счет, которым оперировал в 1985 году дрессировщик Госцирка Н. Павленко: три его подопечные принесли восемь тигрят. Такова в общем-то средняя рождаемость у тигров и на воле — 2—3 котенка. Другое дело, в условиях тайги тигрица отдается воспитанию потомства на три года и более, пока не поднатаскает молодяка для самостоятельной охоты, отказывая себе в это время в удовольствии снова быть «невестой». В неволе же нужды в таком воздержании нет. Так зачем, спрашивается, еще отлавливать диких, когда прирученных вполне хватает?

Зоологи недаром признают за тигром особую экологическую пластичность. Благодаря ей новые поколения зоопарковых и цирковых тигров довольно заметно одомашниваются. Но для поддержания в некоторой чистоте генетического потенциала необходимы «дикири». В них буйствует горячая кровь предков, у них не смещены инстинкты абсолютного зверя, не знавшего в детстве молочной бутылочки с соской, и такая кошечка долго еще не позволит почесать у себя за ухом. Так что, попадая безымянными из Красной книги в строго бонитированный племенной и именной реестр, амурские красавцы служат продолжению своего рода, пусть и в искусственной среде.

К отлову Круглов-младший приохотился вместе с братьями — образовалась семейная артель. А наставником у них состоял Аверьян Васильевич Черепанов, староверской закваски дед — борода лопатой, сила и отвага богатые, недаром на своем веку отловил старик тридцать тигров. На свои первые отловы Кругловы ходили под началом Черепанова, потом он подарил им нарты и благословил на удачу и согласие. А теперь вот уже и сам Владимир Емельянович — за старшего и, коли возьмут они этих двух тигров, что заказом занаряжены, то будут они на кругловском счету двадцать первым и двадцать вторым... Внушительно для наших дней. Только что толку считать пока не пойманных, — так и слазить можно... Тигр, хоть и молодой, все же не плутовской породы кот. Его на «кис-кис» не подманешь.

...Расположились на ночлег кто на нарах, кто на полу. Ермаков задул лампу и предупредил:

— Кому жарко покажется, дверь приоткройте... Давайте, мужики, рассказывайте о чем-нибудь интересном. За зиму намолчались. Вот я вам выскажу, что про тигру думаю. С виду вроде и сообразительный, и благородный зверь, а если приглядеться — кто он таков? Дурень, — истину вам говорю! Нахожу я как-то гайно, рядом — давленина, тигра свинью загрызла. Ну, дело житейское, мы тоже по тайге не на одной вермишели ходим... Ладно. Поела она, значит, свинью — так и ступай с богом... Нет же, стервь, давай еще по гайно кататься, а в нем поросля махонькие, сосунки еще. Всех ведь передала — зачем, для какой надобности?! Выросли бы поросятки, кабанями стали, — тогда и дави, жри, сколько влезет... Так нет, свою же кормовую, можно сказать, базу подрывает. Это как, умно? Не усматриваю я здесь ничего умного...

— Много ты захотел,— усмехнулся в темноту Прозоров.— Если свинья погибла, то и пороссятам уже не выжить... Что ни говори, а разумного в тигре побольше, чем у других. Вот суди: однажды тигрица устроила в одной деревушке переполох. Открыла дверь в избу и легла под порогом. Хозяйка давай через окно помощь скликать — ну, вытаскивай ее через окно. Ждали-ждали, зверя как-то надо прогонять. Давай тигрицу прогонять-тревожить, а та особо и не сопротивляется... К себе подпускает!.. Вблизи-то глянули, а у нее на шее мертво так затянулась петля из стального тросика, уже и шкуру рассекло, и кровь течет... Это, значит, она специально, бедолага, за помощью к людям пришла, не погнушалась чести уронить... Петлю кое-как сняли, а она уже без сил, да и, видать, заражение крови началось. Словом, околела. Вот такие дела... Разум в каждом звере есть. И организация у них своя, строгая. Так что не взыщи...

Круглов оперся на локоть, поправил свою суконную куртку, что под головой была.

— Ты вот говоришь, Николай... Не знаю, ум ли там, рассудок или еще чего, но только поражаюсь я тому, как они свою территорию обживают. Живет у меня рядом с избушкой один «матрац»: он за мной, я за ним — присматриваем друг за другом... Так знаете, где я следы его когтей обнаруживаю? На стволах, метра так два от земли. Это он царапается, между отмечает, а заодно свой размер демонстрирует, чтобы другие считались — кумекали чтобы, стоит ли с ним, гигантом, связываться... Мудро? Дальше пойдем. Какого рожна он бородой о пеньки и валежины трется — зачесалось, что ль? Не-ет. То у него какие-то железы пахучий пот выделяют, он тоже метку оставляет. Мало ли, тигрица принюхается, узнает, что самец затосковал без ласки, или какой тигренок обмозгует это дело и тоже начнет бородой тереться — вот тебе опыт и ученье. И что ни возьми в их поведении, все для чего-то приспособлено, все с каким-то смыслом.

— Вот завтра пойдем и спросим, с каким они смыслом трусят,— сквозь зевок сказал Фиськов.

— Завтра мы черта лысого поймаем,— ответил Круглов.— Так они нас и ждут в условленном месте...

— Кстати, было тут недавно обсуждение,— уже сонно проговорил Прозоров и првкшлялся,— насчет того, надо ли тигров ловить по-прежнему, дедовским способом, с собаками да рогатинами...

— И что взамен предлагают? Снотворные пилюли?

— Не пилюли, но усыплять предлагают. Стреляешь в него ампулой, и через пять минут он дрыхнет мертвецки — бери и носи куда хочешь.

— Ну, это уж загнул!

— Так ведь в Африке,— оживился Иван Иванович,— таким способом давно львов усыпляют. Слушайте, что я в ответ... у нас, говорю, не Африка, открытого пространства мало, и прежде чем до тигра долететь, эта ампула должна десять веток и пять сучков пересчитать. Впрыск уже преждевременный... Это первое. А второе — то, что без собак на близкое расстояние, то есть на выстрел, не подойдешь — не подпустит. Значит, загонять надо с собаками. А что собаки с уснувшим тигром сделают — не вам рассказывать...

— Одни ключья останутся, пока подбежишь,— хохотнул Ермаков.— Отомстят за всех своих съеденных родственников!

— Он же самолюбивый, гордый,— вставил Ищенко,— не перенесет позора, если его спящего возьмут...

Утром на прозоровской машине привезли Куклу, и хотя по-весеннему игривые псы тут же попытались взять ее в ознакомительную собачью круговерть, лайка первым делом бросилась к Круглову, оперлась лапами о его грудь и попыталась лизнуть столь долго отсутствующего хозяина.

— Ну, как там, дома? — теребил Круглов ей загривок.— Все в целости?.. Видишь, и про тебя не забыли... Покажешь этим чертям, как тигру брать. Ты же умница у меня... Ну, всё-всё. Иди...

Охота в лес!

Два дня не везло. Километров по тридцать в день на лыжах протопали сначала по ключу Массивный, потом — по Красноярскому и уж вовсе крюк дали — Мало-Красноярский ключ обследовали. Не было тигров. Если и попадались следы, то давнишние. Кукла, истомившаяся за зиму без охоты, старалась наверстать усердием и виновато поглядывала в глаза Круглову — будто по ее оплошности никак не могли обрезать свежий след.

К вечеру второго дня добрались до избушки. Разговаривать особо не хотелось: что слова, когда дело заклинило, будто патрон у плохого ружья. Избушка располагалась недалеко от лесовозной дороги, был даже слегка слышен шум двигателей. А по ту сторону от дороги — леспромхозовская лесосека: трактора-трелевщики хлысты таскают, ревут как оглашенные и смердят на весь лес соляркой. Тиграм эти машины кажутся, наверное, какими-то обезумевшими вонючими зверями, которые комятся деревьями и никак не могут насытиться. Тигры иной раз пытаются даже померяться силой с техникой — бросались они и на капоты, запрыгивали даже в кузова идущих грузовиков... Да где там одолеешь — металл разве чувствителен?

— Знаешь что, Толя,— обратился Круглов к Ищенко.— Сходи-ка завтра в сторону лесосеки, посмотри кругом. Чем черт не шутит — вдруг они там обретаются. Под шумок забрались...

Так на следующий день определился обладатель призового пая. Испокоин заведено: указавшему след — денежный дар от артели. Без лишних сборов вышли к месту обнаружения следа; собаки натягивали поводки, но тигры были далеко. Начали тропить и двигались без передышки часа три. Пот пощипывал глаза. Вот следы раздвоились: тигрица свернула в чащу, а тигрята, видно, где-то ожидали ее. Но когда это было, ночью или утром?

Круглов с Фиськовым пошли по следу тигрицы. Вот она перешла на прыжки, невдалеке уже виднелись останки кабана. Задавив его, тигрица окружным путем сходила за тигрятами, семейство справило трапезу — только косячки от свиньи остались — и двинулось дальше.

— Давайте без привала,— скомандовал Круглов.— Они где-то близко.

Тигры — весьма посредственные бегуны, чем и спасаются зачастую изюбри. Однако размеренным ритмом, трусой тигр может передвигаться долго и на далекие расстояния. Сейчас главное — не сбиться со следа.

Пройдя еще часа полтора, сбросили лыжи. Тигры были рядом. Собак освободили от поводков, но Кукла чего-то выжидала. Круглов кивнул ей головой и несколько раз пальнул в воздух. На собак это действует как призыв — в азарт входят псы; но главное, грохот выстрелов должен принудить тигрицу последовать древнему чувству самосохранения и искать спасения в одиночку, бросив котят.

Услышали, как мамаша недовольно рывкнула. Собаки уже скрылись из виду. Метров через двести убедились, что тигрица действительно ускакала в сторону, пальнули для верности ей вдогонку. А собаки уже злобно залаяли — значит, обложили тигренка и пытаются атаковать. Ищенко вынул из-за пазухи скат веревки и надел его на локоть. Иван с Николаем быстро вырубил по рогатине, и Круглов повел на лай собак.

Тигр, уже довольно матерый, под центнер весом, занял оборону под выворотнем, свирепо скалил зубы, и казалось, все пространство небольшой полянки вибрирует от его утробного, пронизывающего душу рычания. Увидев людей, он изрыгнул яростный короткий звук, словно кашлянул, и метнулся в сторону, откуда его осаждал Матай. В молниеносном прыжке зверь то ли поддел лайку, то ли Матай сам изловчился столь высоко подпрыгнуть, однако пес кувыркнулся в снегу и снова встал на ноги, харкая сипло и зло. Тигру не удалось прорваться сквозь собачий заслон, и он теперь присел, устрашающе подняв когтистую лапу.

Круглов отвлекающим маневром стал заходить сбоку, положил на снег карабин и натянул поглубже шапку.

Виктор Хатунцев



Ермаков с Фиськовым наставили рогульки, а Ищенко, держа карабин под мышкой и готовый чуть что стрелять, вынул из кармана куртки тряпицу и ждал знака от бригадира.

— Давай! — ухнул Круглов, и собаки метнулись в последнем бешеном порыве на зверя. И тут все четверо охотников в считанные секунды проделали каждый свой заход, рассчитанный и точный. Рогатины вжали ошеломленного тигра в наст. Ищенко мягко, внакид бросил тряпицу, которая накрыла морду зверя и, пока он вжевывал материю под клыки, Круглов, прыгнув сзади, крепко ухватил тигра за уши, крутнул их — у тигров, как и у других зверей, уши — самое уязвимое место. От неожиданной боли зеленые глаза тигра застыли в изумлении. Собаки поровнили цапнуть зверя за шкуру, но Ищенко уже отогнал их, первым заметив, что с Матаем что-то неладно. Но пока было не до него.

Тряпку тигр подмял под морду и исходил глубоким внутренним хрипом, не сулящим скорого успокоения. Как только зверь рванулся всем телом, Круглов еще крепче зажал уши. Так повторялось несколько раз.

Наконец Ищенко взял конец веревки и мотнул им прямо перед пастью пленника. Тигр моментально схватил веревку, и тут же его челюсти стянulo одной петлей, другой, третьей... От кльков себя обезопасили. Теперь предстояло стреножить хищника.

— Володя, с Матаем неладно, — сказал Ищенко. — Кровью исходит...

Круглов повернул голову и посмотрел на пса. Матай неуклюже пытался дотянуться мордой до брюха, но, видимо, от боли не мог этого сделать и крутился волчком. Серая шерсть на боку потемнела, и кровь сбегала по лапе на снег. Матай не успевал ее слизывать и поскуливал.

— Неужели пропорол? — забеспокоился Круглов. — Вот дьявол!.. Такую собаку...

Тигру тем временем перетянули лапы. Круглов, как ни торопился вязать быстрее, отпустил уши только после затяжки последнего узла. По туловищу тигра прокатилась мышечная дрожь — отчаяние и бессилие, но все еще грозное!.. Сигаретный дым вовсе донял зверя неестественностью запаха, и он шумно вздохнул.

У Матая оказался вспоротым бок. Собака уже поникла на снег и сучила лапами, словно пыталась убежать от предназначенного ей удела. Круглов потрогал мокрую от крови шерсть, и Матай взвизгнул, то ли от боли, то ли моля о сочувствии. Ищенко подал индивидуальный пакет бинта, и Круглов, размотав его на коленях, подпихнул Матаю под брюхо. По марле медленно поползло брусничным отеком, и подошедшая Кукла пыталась принохотаться к запаху крови, но ее отогнали.

— Не застудим тигру? — напомнил Ермаков. — Солнце к вечеру.

— Давайте, мужики, несите его к зимовью, а я тут побуду, — сказал Круглов. — Кукла, со мной!

— Смотри, как бы тигрица не заявила, — предупредил Фиськов. — Может, понесешь и Матая к избе?

— Вы идите, я догоню...

И тут неожиданно для всех коротко взялая Малыш и басовито завыл, запрокинув морду.

— Да погоди отпевать!.. — замахнулся на него Ермаков. — Тоже мне, отпевальщик! Пошли!

Пленник оказался длиной более полутора метров, и, как ни пытались подхватить его понягами — что-то вроде раскладной люльки для переноски груза, — все равно туловище прогибалось, зверь изворачивался и ворчливо пыхтел. Пришлось надеть на него мешок, взвалили ношу на Фиськова — тот пошатался, крикнул и пошел. Так и менялись всю дорогу, к зимовью пришли уже затемно.

А Круглов и думать забыл об удачном отлове. Лучше бы и не ходить на него... Он приподнял на ладони уже тяжелую голову Матая, погладил. Кровавая пена стала застывать мертвенным ободком вокруг пасти. Пес пыхал все тяжелее, с хрипотцой, и все реже скреб по снегу лапами, сил уже не хватало...

Круглов брал с собой на зиму Куклу, а потом и Ма-

Охота в лес

Виктор Хатунцев

тая, не только для охотничьей подмоги. Как-то теплее на сердце, когда рядом близкая тебе живая душа, понимающая все с полуслова, чувствующая твоё настроение. Надеялся он с Матаем пройти до конца свой долгий путь, а оно по-другому вышло... Конечно, оплошность допустил сам пес, коль подставился под тигринный удар. Кукла, сколько ни ходила на тигра, все же успевала всегда вернуться, хотя была и мята, драна... А тут на тебе — такой пес, такой красавец, и не рассчитал... Горько и жалко.

Матай испустил дух уже в сумерках, и почему-то сразу пронзительно запахло псиной. Круглов подождал, пока труп отвердеет, потом взвалил его на плечо. До зимовья добрел к ночи, прикрыл Матая брезентом и от отчаяния и злости пнул клеть, в которой находился тигр. Раздался свирепый, булькающий рев, собаки ошетинили загривки и чуть не задохнулись в яростном лае. Из избушки выскочил Ермаков, следом за ним остальные.

— Мы уж думали, тигр клеть разбил... — выдохнул Николай. — Пороть, что ли, его собрался?

— Выпорол бы скотину! — ругнулся Круглов. — Слушай, я завтра Матая где-нибудь тут, возле тебя захороню, не против?

— Вон там взгорочек есть песчаный, — показал Николай. — Лучше всего... Только разроют разные твари...

— Камнями прикрою. Хороший пес был, мужики! Эх, помянуть бы самое время...

...Второго тигра поймали только после того, как привезли из села могучего Мальчика: пришлось оплачивать его аренду, и даже задаток хозяину давать на случай, если с собакой что произойдет, порча какая. Но все обошлось. Клетки с тиграми погрузили на машину, а сами с собаками расселись в прозоровском «газике» и в фиськовском «газике». Долго тянулись следом за тяжелым лесовозом, потом он все же пропустил легковушки. А уж по асфальтированной новой трассе мчались все с ветерком, и весеннее небо било из своего горячего калибра во все стороны, слепило и дразнило прыгающими зайчиками на стекле и на капоте.

Въезд в Бичевую начинается с того, что видишь сначала контору госпромхоза, потом его двор и базу. Возле одного из складов грелась старая, единственная в хозяйстве лошадь.

— Глянь-ка, мужики! — обрадовался Ермаков. — Машка загар принимает! Жива лошадка... И село вроде на месте. Как по-вашему, стоит село?

Сын писал из армии, что скучает по лесу, видит в снах родную Бичевую и тайгу, вспоминает Куклу и Матая. И уж раз получается так, что завершит он службу поздней осенью и на занятия в институт не успевает, то не пойти ли ему на подсоб к отцу? Будет снова в госпромхозе кругловская артель, хотя бы одну зиму... Так как, отец, берешь в долю?



# ТАИШТВЕННЫЙ КОРЕНЬ ЖИЗНИ

**Николай СЕМЧЕНКО**

Мне исполнилось десять лет, и дедушка Иван сказал:

— Ну, что ж, ты уже большой парень. Можно и в тайгу взять на пару дней... Комаров не боишься?

— Не-ет! — восторженно закричал я. — И медведей не боюсь! И росамах не боюсь!..

Дед добродушно потрепал меня:

— Ишь, герой. Нам медведи не нужны, и росамахи без надобности. Пойдем искать женьшень.

Я приуныл. Дед был заядлым охотником, и мне хотелось походить с ним в засаде, подкарауливая кабана-секача или медведя. Это занятие достойное мужчин! А женьшень... подумаешь, корень какой-то. Разговоров-то из-за него...

Корень находили в те годы чуть ли не за околицей села. Старики в Святогорье до сих пор вспоминают, как на одной невысокой сопочке близ деревни выкопали около пяти-сот крупных корней. Но уже в середине пятидесятых годов женьшень «ушел», и сборщики искали его все дальше в тайге.

Дед не был профессиональным сборщиком, но знал урочище: он нашел его случайно, заметил место и никому о своей находке не говорил лет пять.

Мы пробирались то в мокрой густой траве, скрывавшей нас с головой, то выходили на полянку, сверкающие узорами из солнечных зайчиков и тени деревьев. Спустились в небольшую ложбинку, поросшую лещиной. Густо пахло перепревшим листом, глазам становилось больно от синевы поздних колокольчиков и темной зелени пионов.

— Где-то тут, — растерянно бормотал дед, — где-то тут он должен быть. Неужто лешак попутал?

В первый день мы не нашли ни-

чего. Утром дед повел меня вдоль ручья, который обступала светлая полоса ильмов, ясеней, маньчжурских орехов и дубов. И вдруг остановился как вкопанный:

— Глянь-ко, тунза!

Ствол огромного кедра чернел большим квадратом оголенной коры. Из коры собиратели женьшеня делали пакеты для корней, а на дереве оставалась метка-тунза: тут, мол, росло целебное растение.

Дед, осторожно раздвигая траву, медленно закружил вокруг кедра. Когда он воскликнул: «Женьшень!», я сначала ничего не увидел. Старик подтолкнул меня и показал на красноватые точки, смутно стелющиеся на зеленом фоне лещины.

Дед не подпустил меня к женьшеню. Наверное, из боязни, что я, не дай бог, примну растение, и ягодки окрошатся на землю. Он осторожно собрал их в ладонь, завязал в тряпицу и только после этого срезал стебель ножом. Старательно, руками, дед выбирал перегой, бережно очищая ответвления корешков; их было очень много — они уходили корнями в глубину почвы, опутывали корневища кустов, камешки, и когда наконец таинственный корень полностью оказался в руке, он счастливо улыбнулся:

— Смотри, какой богатырь!..

Крупный желтоватый корень, напоминающий очертаниями фигурку мужчины, едва умещался на ладони. Его длинная шейка была увита многочисленными кольцами — их мы насчитали тридцать пять. Каждое кольцо — отметина о прожитом годе.

Дедушка уложил корень в большой конверт из кедровой коры, наполненный изумрудным мхом и трухой из гнилого пня. К конду дня туда же был уложен еще один жень-

шень. А семена дед посеял в укромном месте, поросшем разнотравьем и окруженном со всех сторон кедром.

— Лет через двадцать можешь сюда наведаться, — сказал дед. — Меня уже не будет, но завет помни: не жадничай. Вырастет здесь много корней — возьми столько, сколько нужно, остальные пусть растут: чем старше женьшень, тем целебнее.

Но не нашел я дедушкину плантацию... В эти глухие места добрались лесозаготовители — извели все под корень. А женьшень любит тайгу — не растет он у всех на виду... А может, вырвали его браконьеры, украдкой продали где-нибудь. Неудомек иным покупателям, что неправильно заготовленный и высушенный женьшень теряет много полезных свойств. А иногда продавцы-обманщики всучивают корни молочая, дудника, петрушки, тоже напоминающих игрушечных человечков...

Однажды работники хабаровской краевой газеты «Тихоокеанская звезда» и местное отделение ТАСС чуть было не выпустили в свет «утку». Им позвонили и сказали, что один человек нашел в тайге десять корней. Подробно он описал их приметы, место, где были обнаружены, и, более того, привез одну находку на показ. Внешне она действительно напоминала легендарный женьшень, но меня, выдавшего настоящие корни, смутило одно обстоятельство: на корневищах не было длинных, характерных для панцзя корешков. Повезли «женьшень» в фармацевтический институт, и специалисты дали заключение: никакой это не панцуй, а обыкновенный бубенчик! Есть такое растение...

Рыбаки-промысловики говорят: появилась калуга — вся другая рыба в панике прячется... Но, наводя страх на подводный мир, царь-рыба практически не имеет защиты от человека и сама стала жертвой его алчности.

Ихтиологи начали проводить паспортизацию калуги, брать на учет каждую особь. Когда-нибудь станет возможным ее переселение в другие водоемы страны. Но сегодня калуга водится только в Амуре.

Оморочка пересекла русло Амура и пошла вдоль длинной песчаной косы. Вот тут-то и случилось... Справа, там, где глубина из воды свечой вырвался огромный черный столб. Он рос на глазах, и вода с него текла водопадами, гул стоял, будто смерч налетел. Молодой рыбак в ужасе закричал. Старший инстинктивно взмахами весла резко повернул лодку навстречу возникшей волне. И вовремя: волна подняла и бросила оморочку вниз. А следом шла вторая, и старший опять направил нос оморочки навстречу... Когда они взлетели на гребень — увидели, что огромное существо вырвалось из Амура, на мгновение задержалось в воздухе и рухнуло обратно... Старший успел увидеть скользнувшую тень. Эта тень, как он понял, была раза в два длиннее, чем их лодка, — пять-шесть метров. Спина чудища — около метра по ширине...

— Калуга... — переводя дух, сказал старший.

Калуги громадных размеров водятся в Амуре. Нащипы из поколения в поколение передают случай, кто, когда и где видел гигантскую рыбу.

Что же это за чудо такое — рыба калуга? Семейство осетровых рыб в популяризации не нуждается. И в прошлом веке, и сейчас цены на них в несколько раз выше самой дорогой говядины или телятины. Черная икра, лаюсная икра, очевидно, будет продаваться на вес золота. Из осетровых готовят так называемую «царскую» уху. Засоленная по специальным рецептам осетрина — непревзойденный деликатес.

Калуга относится к семейству осетровых, но выделена в особый род — белуг. Только два представителя этого рода известны в водоемах Советского Союза: белуга, которая обитает в Каспийском, Азовском и Черном морях, и калуга — водится только в реке Амуре и в Амурском лимане, в том широком месте, достигающем 15 километров в ширину, где Амур впадает в Татарский пролив. Местные жители называют ее «царицей» или амурским тигром.

...Я работал в Хабаровске, в редакции молодежной газеты. Однажды осенью с очередной почтой пришло письмо из Николаевска-на-Амуре, без подписи, без обратного адреса. В письме говорилось, что местный житель, пенсионер, тоже не указывалась фамилия, поймал в лимане калугу весом в 970 килограммов, взял из нее бочонок черной икры.

В редакции вспыхнул спор: печатать или не печатать эту информацию, ибо многие сомневались — в состоянии ли один человек победить такую рыбку? Приводился очень убедительный аргумент: в повести Хемингуэя «Старик и море» меч-рыба была примерно 500 килограммов, то есть вдвое меньше. Но она почти три дня таскала лодку старика по океану. Как же могла сдать почти тонная рыбина?

Редактор подвел черту под всеми нашими диспутами, он просто-напросто вычеркнул заметку, которую мы все-таки поставили в номер, и естественно, работники типографии сняли ее. Оказалось, редактор позвонил в «Амур-рыбвод», а там сказали, что уже 17 лет действует запрет на вылов калуги. Ловить разрешается только ученым, и только для научных целей, и то под наблюдением рыбинспектора. Отсюда следовало, что рыбака нужно судить за браконьерство. Стало понятно, почему автор заметки «забыл» указать фамилии.

# ЧУДО—ЧУДИЩЕ АМУРСКОЕ

Евгений БУГАЕНКО

Только спустя шесть лет я приехал в Николаевск-на-Амуре. Не помню уж, по какому поводу оказался на рыбозаводе в поселке Чныррах. Но я вспомнил об этом старом письме и спросил: могло случиться такое?

— Было, — уверенно ответил старший мастер. — Я точно знаю, что было! Об этом случае говорили много. Рыбу старик тогда сдал государству, выпускать в реку назад нельзя было — поранилась сильно калуга.

— А как же это произошло? — спросил я. — Как изловчился старый человек одолеть такую громадную рыбу?

И мне рассказали. Старый рыбак ставил сети в два ряда. Он ловил кету. И в первую сеть угодила какая-то крупная рыба. Она смяла сеть, потащила ее, угодила в другую и запуталась в ней. Когда она всплыла, старик подумал, что зашел в реку кит, такое изредка случается. Но, приглядевшись, понял: гигантская калуга.

Запутавшись в сети, она почему-то смирилась со своим положением, а человек, он был в лодке, поспешил на берег за подмогой... Приплыли рыбаки в моторных лодках и стали подтягивать сети к отмели. Но, почувствовав то ли боль, то ли опасность, рыба начала бить хвостом. Одну из лодок перевернула, а другие обрубили канаты и благоразумно отошли подальше. Когда рыба выбилась из сил, старик опять буксиром тихонько потащил ее к берегу...

Но та калуга вовсе не рекордсменка, видели экземпляры и поболье. 1270 килограммов — такая рыба официально зарегистрирована в документах.

На одной из пограничных застав моряки с патрульного катера несли дежурство возле большого острова. Вдруг вахтенный закричал: «Справа по борту всплывает подводная лодка!».

Безую тревогу, как вспоминали пограничники, не сыгнали; были среди них опытные люди, и они мгновенно и правильно оценили ситуацию. Не подлодка это — большая калуга... Видимо, остатки пищи привлекли за бортом стайку рыб, а за ними и хищницу, которая увлеклась охотой и слишком приблизилась к катеру. Удар винта рассек ей голову... Очевидцы утверждают, что та рыбина была длиной в шесть метров с лишком, а весила она более тонны. Но шестиметровая рыба потянет не тонну, а несколько поболее...

Свидетельства не вызывают сомнения. Другое дело: такие гиганты не каждый день предстают перед людские очи...

Рыбаки-промысловики говорят: появилась калуга, вся другая рыба в панике стремится ускользнуть или прятаться. Но спрятаться или убежать от калуги практически невозможно. Увидев добычу, она торпедой бросается вперед. Скорость ее огромная, стремительная, а сила сказочная. Уверяют, что страшной силой своих вибрирующих мышц она может расклепать алюминиевые швы речного катера. Удары хвоста похожи на удары кувалды. В огромную пасть калуги поместится тюлень.

В реке калуга ведет себя хозяйкой, бояться здесь ей некого и нечего. Потому она иногда демонстрирует свое присутствие: любит всплывать к поверхности, иногда, особенно накануне нереста, выпрыгивает из воды, устраивая своеобразные танцы.



# Тайна двух океанов

Сергей ВАХРИН

В истории, о которой мы хотим рассказать, два главных действующих лица — Александр Михайлович Бурдин, младший научный сотрудник лаборатории по изучению морских млекопитающих Камчатского отделения ТИНРО, и Константин Сергеевич Сидоров — старший научный сотрудник лаборатории подводных исследований ВНИРО. ТИНРО и ВНИРО — это, как известно, два научно-исследовательских института рыбного хозяйства и океанографии. Только у одного — ТИНРО — сфера деятельности «ограничивается» самым большим на нашем земном шаре Тихим океаном. А у другого — четырьмя океанами планеты.

По долгу своей службы Константин Сергеевич «обнырял», как он выражается, за более чем двадцатилетний период своей подводной деятельности три из четырех океанов и оказался в растерянности — многое из того, что увидел он в подводном царстве Посейдона — на побережье Африки, французском Средиземноморье, в Белом и Баренцевых морях, — не укладывалось в те книжные истины, которые казались незбылемыми и вечными.

В 1980 году Сидоров отправился на побережье Тихого океана — по просьбе научно-исследовательского пункта своего института он должен был изучить кормовую базу камчатских каланов, возможность их дальнейшего расселения и провести обследование прибрежных сообществ этой популяции. Тогда-то он и познакомился с Бурдиным.

Дело в том, что второй год подряд на юго-востоке Камчатки отмечалось колебание численности каланов. Этот зверь занесен в Международную Красную книгу и Красную книгу СССР, поэтому происходящее никого не оставило равнодушным. Сначала Камчатрыбвод организовал экспедицию на мыс Лопатку, но ответа на мучивший всех вопрос не последовало. Потом прибыли ученые из ВАСХНИЛа — они установили, что вирусы к происходящему никакого отношения не имеют. А что же или кто имеют?

Вот на этот вопрос и должна была ответить экспедиция — ученых КО ТИНРО и ВНИРО.

И первое, что они должны были сделать, — изучить состояние кормовой базы каланов. Может, в этом и причина?

В течение двадцати дней аквалангисты «обнырявали» все каланьи уголки Камчатки и Северных Курил, чтобы дать экспертную оценку состоянию кормовой базы на шельфе.

Работа была проделана большая, получен обнадеживающий материал. Александр Михайлович Бурдин рассказывает:

— Уже первые результаты обработки материалов показали, что проблема падения численности и повышения миграционной активности калана в значительной степени связана с какими-то другими факторами, а не с истощением кормовой базы, поскольку кормовая база находилась в довольно-таки хорошем состоянии, особенно в районе мысов, где наиболее часто встречаются и обитают каланы.

В окрестностях мыса Лопатка, где сосредоточена основная группировка камчатского калана, морские ежи — основной корм для каланов — не сказать, чтобы крупные, но биомасса их достаточна для того, чтобы калан мог здесь безбедно существовать в том количестве, которое сегодня учтено здесь — около полутора тысяч зверей.

И тогда разговор должен пойти о качестве кормов. Да, о качестве кормов — в этой самой чистой на сегодняшний день части Мирового океана, практически лишенного всего того, что мы понимаем под «антропогенным воздействием» или «мировой сточной ямой».

Первое, с чем столкнулись члены экспедиции на тихоокеанском побережье, в заливах и лагунах, где приливы и отливы постоянны и вечны, — могут быть заморные явления. Впервые Сидоров увидел их в европейских морях. Но когда подобное предположение он сделал применительно к Командорским островам, его подняли на смех.

Однако эти явления обнаружила и экспедиция-85 на камчатском побережье — мертвые зоны среди мощных зарослей так называемой бобровой капусты. И бобру (калану), естественно, приходится искать ежей на границе капустных полей, а не среди них, как говорится в учебниках. Мутность воды, присутствие сероводорода в придонном слое — типичная картина.

Второе, с чем пришлось столкнуться, — «красные приливы» или катастрофическое размножение микроскопических жгутиконосцев — простейших одноклеточных, в результате чего происходят сложные колебания в цепи экологического равновесия в прибрежье. Мицеля, которая также является кормовым объектом калана, накапливает в своих фильтрах страшный яд — сакситоксин.

Красные приливы давно уже известны человечеству, но их, как заморы, объясняют антропогенным воздействием на Мировой океан. Откуда же тогда эти приливы в зоне, где в Красную книгу скорее нужно заносить человека — настолько он редок для этих мест?!

И третье. Цветение воды в лагунах — интенсивное развитие микрофитов фауны без видимых на то причин. А ведь в экологической цепи это собой четко отлаженного природного механизма, который мы называем динамическим равновесием. И калан, как замыкающий трофическую, то есть кормовую, цепь в прибрежье, в результате всех этих скачков-сбоев превращается в мишень, по которой с разной силой и степенью попадания бьет все — начиная от «игрушечных пистолетиков» — бактерий до «химических снарядов» его кормовых объектов. А они могут быть начинены не только сакситоксином.

Так в чем же дело? А в том, что, по словам Константина Сергеевича Сидорова, наступило время внести поправку на вулканы.

Почему ключом к разгадке многих тайн океана стали Командорские острова? Во-первых, потому, что морские сообщества находятся здесь в «стерильных», с точки зрения современных оценок, условиях обитания. Во-вторых, потому что Командоры — это район повышенной биологической продуктивности. И в-третьих, он расположен под боком у крупнейших наших азиатских вулканов из Ключевской группы, которые периодически засыпают прибрежье пеплом. А пепел — это не что иное, как определенные химические элементы, переизбыток которых в морской среде положительно или отрицательно сказывается на динамическом равновесии всей островной экологической системы.

В 1964 году произошло извержение Шивелуча. Этот период совпадает с началом депрессии котикового стада Командор. Середина семидесятых годов — Толбачик — депрессия медновской популяции каланов...

Может, это совпадение? Но после недавнего извержения в Мексике вулкана Эльчичона произошла самая крупная вспышка продуктивности в районе близкого теплого течения, а у берегов Перу и Чили наблюдаются массовые заморные явления, погибает большое количество животных, уходит и гибнет рыба. Подобная картина происходила в 1982—1983 годах на Галапагосских островах...

И еще — наиболее продуктивная часть Мирового океана располагается в зоне активного вулканизма, либо связанной с ней атмосферной циркуляцией, переносом пепла. На что уж холодное наше Берингово море — не сравнить с тропиками, — по продуктивности с ним сравнимо.

Причина — сыплющиеся с неба вулканические удобрения.

И не только в высокоширотном «коридоре» между 56 и 65 градусами северной широты, где выпадает наибольшее количество вулканических осадков, а по всей акватории даже не Тихого, а Мирового океана происходит этот процесс постоянного взаимодействия вулканов и океанов, Мирового и воздушного.

Вот воздушный океан и увел исследователей несколько в сторону — в 60-х годах он начал усиленно изучаться, и все, что было отмечено за шкалой ПДК (предела допу-

стимых концентраций), целиком и полностью отнесли к последствиям человеческой деятельности.

А вот такие сообщения, как это: «пепел Толбачика выпал в Англии» — отнесли лишь к разряду газетных сенсаций. А ведь вулканические аэрозоли висели в воздухе, когда сам «шарик» вращался, и разносились воздушными течениями во все стороны. Тяжелые фобалит, фтор, редкоземельные и токсичные вещества — позже, а следовательно, и заносились дальше. И колоссальный естественный природный процесс оказался скрыт от наших глаз. Как говорит Константин Сергеевич, человечество заглянуло в свою природную колыбель, когда эта колыбель была уже настолько загаженной, что разобраться в текущих естественных процессах стало в десятки раз сложнее.

Итак: двадцатилетний цикл активной вулканической деятельности в нашем регионе завершается — понятно, до следующего цикла, прекращаются на это же время ближние и дальние бомбардировки каланых владений, и зверь должен восстановить свою былую численность.

Тайна, которая приоткрылась при изучении командорских и камчатских каланов, теперь уже не тайна, а еще одна ступенька в познании Океана!



## Кают-компания Сергея Шевелева

В истинной педагогике, что ни говорите, всегда есть свои секреты. Трудно сказать, что было бы, например, с Андрюхой Мамутовым, судимом когда-то за кражу, — а теперь он техникум заканчивает, работает инструктором сразу в двух кружках — авиамodelьном на станции юных техников и судомodelьном в клубе «Каскад». Другой секцией в «Каскаде» руководит условно освобожденный... Еще один парень, судимый несколько лет назад, — сейчас классный гонщик.

В какой-то из трудных для них годов попался на жизненном пути такой человек — Сергей Шевелев. Нотации не читал, в душу зазря не лез, в обморок не падал оттого, что вместо «обедать» говорили «жрать»... Просто взял и втянул в дело. И никаких вступлений, приемов, комиссий не устраивал — брал чисто по интуиции.

Разве что опыт руководителя здесь значение имел, и немалый — он-то, пожалуй, и объясняет педагогическое «бесстрашие» командира клуба «Каскад». Семь лет существует в Амурске этот клуб. А до того Сергей Шевелев руководил комсомольским оперативным отрядом, работал в угрозыске. Работа в комсомоле научила организовывать дело, планировать. А многолетний опыт общения с несовершеннолетними нарушителями привел к мысли, простой и известной: «Если не я — то кто?». Кто будет занимать отчаянные головушки? Кто по-дружески

станет рядом? Кто им даст дело, которое вытеснит безделье, провоцирующее на всякие неблагоприятные поступки, — чтобы было оно и интересным, и азартным, и по-мужски солидным, трудным, рискованным?..

В «Каскаде» — шестьдесят человек. Цифру эту никто не планирует: придут больше — будет больше, откажа никому нет. Дел хватит: парусная, моторная секции, судомodelьная, подводного плавания, туристские и гоночные команды, детские и крейсерские, морское многоборье, киностудия, клуб самодеятельной песни, оборонно-спортивный лагерь, КВН... Катера, скутера, яхты, катамараны, шлюпки, мотолодки, гребные, гоночные... Есть где развешиваться! А начинал Сергей с одной, своей лодки. Сейчас морских ялов 4, мотолодок 25, яхт десять... Пятьдесят судов в «Каскаде». Строят сами, ремонтируют сами. Андрей Чернявский, хабаровский чемпион, подарил свой галссер. И не только он один, не только такие подарки здесь принимают. Однажды взяли, повесили объявление от руки: «Товарищи взрослые! Если вам не жалко запчасти — несите в «Каскад!». Очень много народу откликнулось, здорово помогли ребятам.

Далеко не все, конечно, в «Каскаде» — с «химии» или после судимости, после колонии. Обычной ребятни тоже полно; у Сергея самого, кстати, двое пацанов — 10 и 8 лет, вместе с отцом постоянно торчат в клубе. Но вот «зашоренности» ни у

кого нет. Нет денег на праздник, или на ремонт, или на очередную экспедицию, — «сдать всем по 10 бутылок», и никаких «непедагогично»... Сдали и выручили 80 рублей, день рождения клуба отпраздновали с тортами, с пряниками. Нынче первый год пробует Сергей Шевелев брать в отряд девченок. «С девчонками парни помягче, — считает он, — и мама не услышит, и мусор постесняются не убирать...».

В армии побывали многие. Когда служили, Сергей им письма писал, не забывал. Еще и «трояк» в конверт вложит... А возвращаются ребята в город — прежде всего в клуб бегут.

Возраст ребят в «Каскаде» — с десяти лет и... до бесконечности. До бесконечности — и всяких дел. То в пионерлагерь поедут — бучу поднимут там с праздником Нептуна, то КВН устроят, то на археологические раскопки двинутся... На Амуре новое место открыть, старый буксир «Седов» посмотреть, в нанайское селение забрести, о воинственных чжурдженях послушать рассказы, на кедры полюбоваться, птичьих «концерты» поутру не проспать, под гитару вечером спеть...

Амур они облазили весь. А вот в море не выходили пока. Но отважились на одну дальнюю экспедицию. По примеру свердловчан хотят пройти Байкал — только свердловчане плавали с юга на север, а «каскадники» хотят попробовать обследовать знаменитое озеро с севера на юг. Дело очень сложное — пусть им удача сопутствует.

Каждый год, 7 февраля, в «Каскаде» отмечается день рождения клуба. Поздравьте их, кто надумает, этих ребят есть с чем поздравить...

Н. АНДРЕЕВА



# ГЛАЗ БУРИ

Семен ВАСИЛЬЕВ

Бешеный шквал набросился на Хабаровск... Будто невидимый великан сдувал кровли, как пылинки, — со свистом пронеслись квадратные пластины рубероида, черные ленты толя... Рассвирепевший великан выдергивал, как траву, мощные деревья. Многие хабаровчане до сих пор помнят эту ночь с 18 на 19 августа 1979 года, когда над городом пронесся тайфун «Ирвинг».

— Это был первый тайфун, который мы наблюдали с помощью космических средств связи, — рассказывала Нелли Николаевна Максимова, работница Дальневосточного регионального центра приема и обработки спутниковых данных. — Он пришел от Филиппинских островов. Вся биография его «путешествия» отражена вот здесь, в фотографиях со специального космического спутника...

Чаще всего тропические циклоны зарождаются в пассатной зоне, между 10-м и 20-м градусами широты в обоих полушариях Земли, над теплыми участками поверхности океана, где вода прогревается до 28 градусов. Ниже 5 градусов широты циклоны не встречаются.

— ...Почему? Вблизи экватора практически отсутствует отклоняющая сила вращения Земли, — говорит Нелли Николаевна.

— Получается что-то вроде вентилятора?

— Совершенно верно! Слово «циклон» греческого происхождения, оно означает «кольцо змеи» — еще древние подчеркивали круговое движение воздушных масс в циклоне. А вот слова «ураган», «тайфун» на языках аборигенов островов Карибского моря, Центральной Америки, жителей Юго-Восточной Азии означают «сильный ветер». Никогда не видели глаз тайфуна? Посмотрите...

И точно: из косматых завихрений на снимке выглядывает белый «глаз». На фотоснимке он не больше зернышка проса, а на самом деле — это несколько десятков квадратных километров полного штиля, ясного солнца и голубых волн. Вокруг беснуется океан, небо сходится с землей, но в «глазе бури» — все спокойно. Как, в принципе, спокойна ось вентилятора, вокруг которой крутится пропеллер.

Тропических циклонов и тайфу-



нов на Дальнем Востоке бывает немало. Из «знаменитостей» последних лет нельзя не вспомнить тайфун «Орхид». В 1980 году он пронесся над Японскими островами и Южной Кореей; сутками позже ощутили его и жители Хабаровского, Приморского краев, Сахалина. Шли сильнейшие — вот уж действительно, как из ведра! — дожди, ветер достигал ураганной силы, до 33 метров в секунду. Хотя эта скорость — чепуха по сравнению, например, с ураганом «Аллен», который несся со скоростью 70 метров в секунду.

Семь тропических циклонов-тайфунов 1985 года оставили по себе недобрую память в прибрежных районах Вьетнама и Китая. Тайфун «Ли», разбушевавшийся над Корейским полуостровом, проник в Приморье уже ослабевшим и все-таки навредил и нам: обильные дожди никак не способствовали уборке урожая. Тайфун «Салинг» унес жизни более шестидесяти жителей острова Лусон на Филиппинах, причинил ущерба более чем на 700 миллионов песо. А ураган «Кейт», напавший на остров Кубу и полуостров Флориду, оказался одним из самых свирепых за последние 50 лет, из зон бедствия эвакуировано было более миллиона человек.

Гигантские «вентиляторы», хотя и не всегда бешеной силы, регулярно продувают и восток нашей страны. Вот почему важно вовремя узнать о них, подготовиться к встрече. О приближении тайфунов, траектории их полетов, характере помогают узнать прогнозы из космоса.

Бессменную вахту несут неутомимые «Экраны», «Молнии», «Горизонты»... Трудно представить работу нынешних предсказателей погоды без помощи спутников. Система из двух метеорологических спутников, плоскости которых пересекаются под углом 100 градусов, позволяет в течение суток собирать данные с 70—80 процентов поверхности Земли. Так что тайфуну или циклону трудно ускользнуть от современного метеоролога.

Привыкать к стихийным бедствиям не хотелось бы. Но что поделаешь... На Дальнем Востоке циклон, тайфун, гигантская океаническая волна цунами — не редкость. Лучше наблюдать их из космоса, не на земле... Вот, например, для Тихого океана характерны торнадо — что-то вроде гигантского смерча, скорость которого иногда превышает 380 километров в час. Торнадо — сила совершенно непредсказуемая: она может подхватить человека, перенести по воздуху и осторожно поставить на землю; а может поднять вверх железнодорожную платформу и брякнуть ею изо всех сил. Торнадо случаются во многих странах, но нигде нет более свирепых, чем в Соединенных Штатах. Обычно здесь их отмечается более семисот, к счастью, на Дальнем Востоке они не образуются.

И у этих зверей погоды — такие ласковые имена: «Орхид», «Кейт», «Салинг»... Тропическим циклонам и тайфунам имена людей стали присваивать в начале 40-х годов. И вначале, как у наших, так и у американских метеорологов, эта терминология была неофициальной, применялась для удобства обмена информацией. Она помогала избежать путаницы, удобно уместилась в текстах радиogramм. Потом присвоение тайфунам женских имен вошло в привычку, упорядочилась и сама процедура, например, первый ураган года стали называть женским именем, начинающимся с первой буквы алфавита, второй — со второй буквы и так далее. Обычно имена выбирают краткие, легко запоминающиеся. Для тайфунов даже существовал особый «именник» — из 84 имен!

С 1979 года тропическим циклонам начали присваивать и мужские имена, для равноправия...

Перед моим уходом из бюро как раз принесли новые снимки из космоса. «Тельма», новый тайфун... Я посмотрел на фотографию. Из косматых завихрений выглядывал жуткий белый «глаз бури». Но «Тельма» не застала Дальний Восток врасплох. О ее визите заранее оповестили метеорологи. Однако «Тельма», словно прознав это, закапризничала и, разбрызгивая вокруг себя дожди, пронеслась в стороне от нас.

# КУДА ЛЕТЕЛА КАЙРА?..

Любовь БЛАНК

Речь пойдет не о живом уголке. Такого, чтобы пернатых держать в комнате, в клетке,— этого Павел Семенович и представить себе не может, не то что допустить.

Материалом ему служат птицы и зверьки, погибшие от рук браконьеров или в борьбе со стихией — штормами, циклонами; а все экспонаты этого домашнего музея — чучела, сделанные хозяином. В коллекции Павла Семеновича Большакова — более ста экземпляров.

Вот кайра, она найдена в лесу. Куда она летела?.. Отстала от стаи или спасалась от шторма и шуги? Выбившись из сил, перепутав лес с морем, птица опустилась на вязкий снег, а взлететь ей, морской птице, невозможно. Вот со скалы или с гребня волны — взлетела бы... Или орлан... Этот всегда один на один с погодой; медведь под корягу уйдет, лисица в сугроб зароеется, а орлан, когда нелетная погода, даже крылья не распушит: сидит и ждет погоды. Красавицу птицу эту с могучими крыльями нашел убитой рыбак колхоза «Красная заря» Юрий Сидоренко и принес Большакову, в село Некрасовку. Другой рыбак, Николай Бердников, подобрал в лесу замерзшего пестрого дятла. Нередко птиц находят под электрическими проводами.

Попав в руки Большакова, все эти бедолаги как бы обретают вторую жизнь. А вот рассказывает он о них, как о живых!.. И это, пожалуй, самое интересное, особенно для ребятшек, которые любят приходить к Павлу Семеновичу в гости.

...Крохали — гроза мелкой рыбы: обедаются, бегут, аж зобы раздуваются, корюшку на ходу сплевывают... Гусь-гуменник, он у нас только пролетом; птица-нелюдимка, крупная, спрятаться ей в людных местах трудно. Не гнездятся они на Сахалине, где большая плотность населения, разведки и промыслы на каждом шагу. Каменка — этой птице цены нет; обитает она на скалах, и редко кто ее может добыть. Зато в море очень доверчива — лодку с людьми за риф принимает... Погоныш — этот летать не любит, рульхвост мал, пешком идет с юга...

Павел Семенович — лесничий. Сорок лет отработал в Охинском лес-

ном хозяйстве, вдоль и поперек исходил островные леса, знает повадки всех обитателей леса и моря. И «воскрешая» мертвую птицу, он старается придать ей ту позу, тот поворот головки, которые именно ей свойственны. Кажется, все эти кряквы, чирки, турманы, морские воробы, свистуны на миг присели и вот-вот взлетят со стеллажей и полок... Гордая морская чайка всем своим видом демонстрирует независимость. В настороженной позе застыл в шкафу горностаи... Белка торопливо грызет орешки.

В светлом, уютном домике Большаковых редкий день не бывает гостей. На всем сахалинском севере знают про его домашний музей.

## АЛЛЕИ КОМАРОВА

Анатолий ГУЦИН

Есть такие места, которые и на географической карте трудно найти, а известны они многим. Горно-Тажная станция под Уссурийском — как раз такое место. Поселочек, горстка домов в неширокой долине между отрогами Сихотэ-Алиньских гор. С виду — ничего особенного.

Так и мне показалось, пока я не увидел парк. Тот самый, уникальный, которым так гордятся приморцы...

В начале тридцатых годов местечко это облюбовали ученые-биологи. По инициативе академика Владимира Леонтьевича Комарова в 1932 году и началось создание научно-исследовательского учреждения, названное ГТС. Много ценного сделали работавшие здесь люди в науке. И оставили после себя не только книги и монографии.

Таисья Васильевна Комарова, оставшаяся здесь одна после смерти мужа, который более тридцати лет был бессменным директором ГТС, взяла на себя заботу о доме и о саде.

— Ну как, готовы к экскурсии?.. — спросила она.

И мы не спеша тронулись в глубь парка. Прошли широкую тенистую аллею из старых груш. Фруктовые аллеи неожиданно кончились — начались хвойные: еловые, кедровые, сосновые...

— Голубых елей раньше в Приморье не было, — рассказывает Таисья Васильевна. — Первые у нас в дендрарии появились. Однажды нам прислали из Канады две шишки. Я посеяла их семена — и вот,

удачно! Сейчас уже растет пятнадцать видов елей...

Далее рядами стояли сосны — веймутовы, черноствольные, священные, или как еще их называют, мавзольные; все они включены в Красную книгу. Были тут и лиственницы — курильские, ольгинские; много росло японских пихт. Особенно любопытным показался мне кедровый стланик. Это дерево, лохматое, как большая болотная кочка, обладает способностью ложиться и вставать. Зимой, прижавшись к земле, оно спит под снегом. Весной, только пригрет солнышко, постепенно, поскрипывая, поднимает крону.

А красивее и таинственнее всех, пожалуй, аллея туй и кипарисов — стройные, пушистые деревья с мелкой хвоей почти не пропускают лучей солнца.

— Обратите внимание на этот кустик, — кивнула Таисья Васильевна на небольшое стелющееся хвойное растение. — Это микробиота... Когда-то, еще до ледникового периода, она была высокая, словно могучий кедр, а сейчас вот... В естественных условиях она встречается крайне редко — почти полностью вымерла.

Сажены метасеквойи — прародители хвойных пород. Их обнаружили в Китае, лет тридцать назад. До этого считалось, что они совсем исчезли с лица земли... Как же надо было собрать по всему миру все эти диковины!

Несколько часов мы ходили по сказочному зеленому царству, пока, наконец, не вышли на довольно просторную площадку со скамейкой посередине. Вид открылся удивительный, и красоты неописуемой... Огромный склон опоясывали десятки аллей. Зеленые хвойных перемешивались с первым золотом берез, багрянцем ив и осин.

— Поначалу наш дендрарий представлял из себя что-то вроде небольшого палисадника под окном дома. А сейчас видите, какой огромный сад... Около тридцати гектаров площадью! Парк — не только собрание десятков тысяч растений; это целая сеть, целая система аллей. И в этом его особая ценность. Такого завещание было Владимира Леонтьевича...

Комаров, когда еще только разбивали целину, уже думал: а что тут будет лет через тридцать — сорок? Своим молодым коллегам он наказывал: «Деревья садите рядами. Пусть протянется по склонам сопок множество аллей — клена и граба, тополя и ясени, можжевельника и священной сосны, микромолиса и сирени, уссурийской груши и вишни, китайского лимонника и простой русской березы... Аллея всегда красива!». А мне кажется, что он думал и о людях, и о деревьях, о том, что им так дружнее будет...

## ПОДЛИННИК ИЛИ КОПИЯ?

Не так давно я прочитал в газете, что в Сахалинской областной библиотеке открылся музей истории книгопечатания и что Государственная библиотека им. В. И. Ленина подарила нашему музею ценнейший экспонат — «Острожскую библию» Ивана Федорова. Я тоже занимаюсь историей книгопечатания и знаю, что «Острожская библия» — лучшая работа Ивана Федорова и самая знаменитая среди первопечатных славянских книг. Действительно ли эту замечательную книгу подарили нашему музею? Ведь ей же цены нет! Она должна, мне кажется, лежать сейчас под семью замками где-нибудь в столице... Я обращался к специалистам, они говорят, что это фотокопия. Какая же «Острожская библия» подарена новому музею?

Андрей Мягков,  
г. Холмск, школа № 9

## ПОДЛИННИКИ!

Ты прав, Андрей. «Острожская библия» — самое значительное издание Ивана Федорова. Она была издана в 1581 году довольно значительным по тому времени тиражом — 3—4 тысячи экземпляров. До нас дошло более 250. Один из них и передан в дар музею Государственной библиотекой им. В. И. Ленина согласно Каталогу «Книги Кирилловской печати XV—XVIII вв.». Так что это — одна из подлинных книг Ивана Федорова.

Т. Ф. Даниленко,  
директор областной научной библиотеки,  
г. Южно-Сахалинска

## Ее величество — Книга

Гусиное перо... Старинный подсвечник... Древний манускрипт с рисованной от руки заставкой... Старые петербургские газеты... Это, так сказать, антураж. Все остальное богатство составляют здесь книги. И какие книги!

Музей книги и книгопечатания открылся в этом году «на самой краешке земли» — в Южно-Сахалинске. От Урала до самого побережья, на всей громадной восточной территории страны — это единственный такой музей.

Старинные переплеты, давно канувшие в Лету даты просто повергают в священный трепет... «Сочинения» Монтеסקье — Лондон, 1787. «Оды и баллады» Гюго — Париж, 1862. Андре Таке — Амстердам, 1693. «Грамматика» Смотрицкого — 1572... Здесь можно увидеть бессмертное «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева — факсимиле, один из сохранившихся до нашего времени 14 экземпляров из тиража в 650 экземпляров, напечатанного автором в собственной типографии.

А вот близкие сердцу каждого книголюба-дальневосточника названия: «Описание земли Камчатки», сочиненное Степаном Крашенинниковым в 1786 году — первое в мировой науке исследование Камчатки, итог путешествий ученого; фолиант «Сахалин (хаторга)» В. М. Доросевича, посетившего в 1897 году остров, названный им «самым мрачным местом на земле»; путевые записки А. П. Чехова...

Глядят с титулов имена видных наших отечественных издателей, чья деятельность и подвижничество не раз способствовали российскому просвещению. «Аглицкий» роман «Почтовая коляска» напоминает о восемнадцатом веке, о типографии Н. Новикова — первоорганизатора типографского, издательского дела и книжной торговли в России. Книги, изданные А. Сувориным, — это уже век следующий. Народные издания И. Д. Сытина... Знаменитая серия «Жизнь замечательных людей» Ф. Ф. Павленкова, насчитывавшая двести названий... Книжная лавка А. Ф. Смирдина — в начале века она стала своеобразным клубом пе-

тербургских литераторов — дарила России сочинения Батюшкова, Пушкина, Вяземского, Жуковского. Торгово-издательская фирма купцов Глазуновых печатала классику и учебники... Издательство Л. Ф. Пантелеева — научную литературу...

Книгопродавец и издатель А. Ф. Маркс знаменит тем, что дал России первый массовый журнал «Нива»; еще знаменит своим просветительством, потому что выпускал бесплатные приложения — произведения классики. Представлены книги издательства братьев Сабашниковых — настолько славного своей просветительской деятельностью, что оно не было национализировано после революции и продолжало выпуск книг. А шрифты типографии С. И. Селивановского, где было сотворено первое издание «Слова о полку Игореве», служили образцами для других русских типографий. Высокое качество оформления всегда отличало старую русскую книгу. Издавна знаменито искусство словолитцев, знаменщиков (рисовальщиков), печатников, переплетчиков... Да и сегодня продолжают радовать глаз пермские книжки-малютки или роскошные альбомы, завоевывающие дипломы на международных выставках.

Среди первых советских акционерных и государственных издательств значителна основанная А. М. Горьким «Всемирная литература»...

Скромная книжица-сборник «За 12 лет». Она мало кому из наших современников знакома. Между тем это интереснейший экземпляр — самая первая попытка легального издания в России в 1907 году произведений Ленина. Сборник был конфискован сразу после выхода в свет и переиздан уже в 1918 году Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Петрограда — вот он и сохранился.

...Прекрасный подарок сделали жителям города энтузиасты-книголюбы Южно-Сахалинска. Этот музей дорог всему Дальнему Востоку, всей стране.

Н. МИТИНА



# Я ПАМЯТЬ

## НА ДЕТСТВО НАСТРОЮ...

Владимир СЕМЕНЧИК



\* \* \*

А дядя Вася всем доволен.  
Ему не надо «Жигулей».  
Он ездит на мусоровозе  
и получает сто рублей.  
С него и вправду взятки — гладки.  
Машина у него в порядке.  
А запах — это ж не угар.  
Зато в его складной тетрадке  
(так он зовет свой портсигар)  
всегда найдется папироса,  
и на ехидные вопросы  
всегда готов один ответ:  
мол, правильной мусоровоза  
машины не было и нет.  
И что тут спорить? Дядя Вася,  
дай руку — я с тобой согласен.  
И предлагаю ваши планы  
ужесточить хотя б втройне.  
Ведь это страшно, сколько хлама  
накоплено по всей стране!  
Давай же, брат, работай шибче,  
вчерашний сор в утиль вези.  
Сегодня нам твоя машина  
нужней, чем черный лимузин.

\* \* \*

И никто ему слова не скажет...  
Он на улице носа не кажет.  
Он до вечера бродит в избе  
и молчит. Только кашляет глухо,  
из зеленой бутылки сивуху  
наливая в стаканы себе.  
Ночью выйдет, приткнется к забору.  
Вправо глянет — по коже мороз.  
Там стена недалекого бора  
под луною светла от берез.  
Там он тропку указывал фрицам,  
получая прикладом тычки.  
Падал в грязь.  
И вовек не отмыться.  
И лицо обжигают плевки  
земляков — кумовьев и соседей,  
побратавшихся в скорбной земле...  
Жить хотели. На что им  
бессмертье —

глыба камня в родимом селе.  
Он кричал: «Бабу взяли, детишек...  
Порешить всех грозилась к утру,  
коль не выдам...». Но голос осипший  
леденел на предзимнем ветру.  
И никто ему слова не кинул,  
не простил и не проклял его.  
Что за жизни чужие купил он?  
Ничего не купил. Ничего.

### СПОР

И первый твердил:  
«Хоть порядок был».  
Второй: «Нет, беда была!».  
А третий сказал: «Он деда убил...» —  
и вышел из-за стола.

И первый завел про щепки и лес,  
второй горячо возражал.  
А третий бледные губы сжал,  
шагнул — в прихожей исчез.

И двое смолкли, услышав, как  
глухо лязгнул замок.  
И первый тихо сказал: «Дурак».  
Второй говорить — не мог.

### ПОСТОВОЙ

Он мечтал о таком перекрестке,  
где единственный свет — голубой,  
где звезда и шальная повозка  
путь уступят букашке любой.  
А закон о всеобщем движеньи  
станет мудрой заменой правам,  
ибо право на путь от рождения  
предоставлено всем существам.

\* \* \*

В окно залетела пчела.  
И в доме, притихшем от зноя,  
волнами идет от стекла  
жужжанье ее золотое.  
Кроватька с ребенком в углу.  
И мать, оторвавшись от книжки,  
гремящую гонит пчелу,  
чтоб спать не мешала сынишке.  
Пчела улетает к стене,  
кружит тяжело над кроватькой.  
И мальчик смеется во сне,  
пыльцой осыпанный сладкой.  
Но мать, от волненья в поту,  
схватив со стола полотенце,  
сбивает пчелу на лету  
и, в форточку выбросив тельце,  
от собственной тени в окне  
глаза неожиданно прячет.  
И слышит, как мальчик во сне  
тихонько и жалобно плачет.

\* \* \*

Я память на детство настрою,  
где в доме, снесенном давно,  
я целые армии строю  
из пуговиц и домино,  
с собою фонарик и книжку  
беру под подушку тайком,  
а ночью дрожу, как вориска,  
над каждым волшебным листом  
и знаю, что в темном чулане,  
прикинувшись рваной метлой,  
чуть страшный, но в общем-то  
славный,  
лохматый, живет домовый.

\* \* \*

В городе шумно и сыро.  
Город похож на квартиру,  
где потолки протекают,  
краской заляпан паркет,  
ветер обои срывает,  
туча полкой протирает  
тусклый хозяйский портрет.  
Пахнет знакомо и остро  
хламом и мокрой известкой,  
сваленным в кучи старьем.  
Снова затеяла осень  
перед ремонтом разгром.  
И за белилами послан  
кто-то в хозмаг за углом.

\* \* \*

Мы любовались на закат.  
Сидели на крыльце, молчали  
завороженно и печально,  
как после музыки молчат.

Наутро вышли... Во дворе  
тянуло гарью... Догадались!  
За горизонтом лес горел.  
А мы сидели, любовались...

\* \* \*

Коридор прямой и узкий.  
И окрашен в цвет неброский.  
На лице твоём от люстры  
тени тонкая полоска.  
Словно первая морщинка  
или просто паутинка.  
Я подую — не слетает.  
Поцелую — не разглажу.  
Но лицо твоё оттаёт.  
И рука на грудь мне ляжет.

*Владимир Владимирович Семенчик родился в 1962 году в Белоруссии. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина.*

*С 1984 года живет на Сахалине, работает в областной газете. Автор поэтической книги, вышедшей в местном издательстве в июне 1988 года. Печатался в журнале «Рабочая сме-на», альманахе, газетах.*

*В нашем журнале публикуется впервые.*



## О ЧЕМ ПЕЛИ ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Семен НИКОЛАЕВ

В русских селах, стоящих на берегу Амура, любят петь старинные песни. Многие из них можно найти в сборнике «Русские народные песни», изданном в 1959 году. Листая его, ученый секретарь Приамурского отделения Географического общества СССР В. И. Симаков сделал предположение: эти мелодии могли быть знакомы и первопроходцам Амурской экспедиции Геннадия Ивановича Невельского. Почему? Да потому, что первое издание этой книги вышло еще в 1833 году, а в 1841 году по многочисленным заявкам издатели пошли на повторный ее выпуск. Эти годы как раз и были годами детства и юности участников Амурской экспедиции. Но почему они должны были петь именно эти песни?

Экспедиция основала на Амуре первое русское поселение — Николаевск, которое представляло собой унылое, скучное зрелище: несколько домишек, две якутские юрты, сарай для коровы. Недаром прибывший сюда в 1852 году мичман Александр Петров писал: «Эта обстановка произвела на меня весьма грустное впечатление. Мне сделалось так скучно, что я заплакал». Ну, еще бы! Он приехал в эту глушь из блестящего, вечно праздничного Петербурга!

— Но в работе и заботах быстро забылось тягостное чувство оторванности от большого мира, пришло понимание важности дела, выпавшего на долю первопроходцев,— рассказывает о своих исследованиях В. И. Симаков.— И отдыхать они умели здорово! Изучив записки первопроходцев, я узнал, что, чуть стемнеет, собирались первые николаевцы на «вечеринки с песнями и танцами» в сопровождении двух балалаек. Плясали русский «казачок», нередко в пляс пускался и сам начальник Амурской экспедиции Геннадий Иванович Невельский. Но всех забавней

и живей был танец «восьмерка» — кадрили с добавлением фигур собственного сочинения. Тут уж танцевали кто во что горазд!

Вот как пишет об этом тот же мичман Петров: «Мотив был так жив, что просто косточки ходили ходуном. Как ни смешно покажется это теперь, но в то время это была просто необходимость. Что делали бы мы, молодые офицеры, матросы, казаки и казачки? Нам надо было отвлечь от пьянства, а следовательно, чем-то занять. Да и наша молодая натура требовала этого».

— Напомню, что Александру Петрову в то время было 23 года, Николаю Бошняку, Григорию Разградскому, Николаю Чихачеву — по 22 года, Екатерине Невельской, единственной среди них русской женщине,— всего двадцать, Николаю Рудановскому и Геннадию Невельскому — за тридцать,— продолжает свой рассказ В. И. Симаков.— Кроме балалаек, других музыкальных инструментов у первопроходцев не было. Правда, жена начальника Амурской экспедиции Екатерина Невельская все ждала розовый рояль, который ей подарили офицеры Аяна. Но он при кораблекрушении ушел на дно вместе с судном...

Знакомая по разным источникам с музыкальной жизнью основателей Николаевска, я не раз задавался вопросом: откуда у молодых офицеров-дворян такое хорошее знание и такая большая любовь к русской народной музыке? Вот и выяснил, что в России той поры необыкновенной популярностью пользовался композитор и пианист Даниил Кашин. Начало девятнадцатого века — золотая пора творчества этого композитора. Его музыка помогала бить вояк Наполеона. Его песни, воспевавшие подвиг русского народа, буквально вслед за публичным исполнением распевала вся Россия! И это удивительнее всего, ведь тогда еще не было таких средств информации, как радио, телевидение и кино.

Причина успеха песен Даниила Кашина в том, что его музыка выростала на народной песенно-музыкальной основе. Как, впрочем, на ней вырос и он сам, незаконно рожденный сын помещика Бябикова и крепостной крестьянки. Свое музыкальное образование он получил в оркестре отца. Первое же его сольное выступление, данное в двадцать лет, принесло Кашину крупный успех. Появившийся в 1833 году сборник «Русские народные песни» неожиданно для многих, в том числе и для автора, всколыхнул всю страну, сделал имя его создателя еще более известным и любимым. Молодая патриотическая Россия потянулась к чистому живительному роднику — русской народной песне. Так она вошла и в сознание будущих амурских первопроходцев, построив-

ших Николаевск. Народная песня стала верным другом и помощником в нелегком деле изучения и освоения края...

Народная песня по-прежнему пользуется в Приамурье огромной популярностью. В домах культуры созданы десятки народных хоров, ансамблей. Особой популярностью пользуется ансамбль из Советской Гавани с шутивным названием «Бабоньки бедовые». Самодеятельные артистки как бы воспроизводят на сцене быт дореволюционных сел: устанавливается тын, за которым растут подсолнухи; у тына — прялки, за прялками — певички. Не обходится без народных песен и мелодий и известный далеко за пределами края Государственный концертный ансамбль «Дальний Восток».

## СЕДОВ НА АМУРЕ

Александр ТРОШИН

О знаменитом полярном исследователе написано немало книг. Но об амурском периоде жизни Седова знают немногие. Впервые мне удалось услышать об этом от потомственного речника кавалера ордена Ленина И. А. Богодайко, который трудится в Амурском пароходстве с 1926 года. Многие годы хранит он подстаканник из серебра. Старинный мастер «вывязал» на нем из драгоценного металла розы и амуров. Славянской вязью у основания выгравировано: «Командиру парохода «Неронов» Архипу Моисеевичу Богодайко на память о совместном плавании офицеры отряда миноносцев: С. Небжиков, Д. Синявский, К. Павлов, В. Анжу, П. Шутов, Э. Мроз, Г. Седов. 1905 год».

Отец его, Архип Моисеевич, до революции командовал лучшими торговыми амурскими пароходами — «Неронов», «Николай Адауров», «Граф Амурский», которые после революции назывались «Труд», «Коммунист» и «21-МЮД»... Средний и особенно нижний Амур капитан А. М. Богодайко знал превосходно, ходил без лоцманов, что в начале века считалось большим искусством. На своем колесном буксире неоднократно хаживал он на Сахалин, спускался и на юг к заливу Де-Кастри.

Накануне русско-японской вой-

ны военный министр дал указание приамурскому генерал-губернатору привлечь к охране амурского устья торговые пароходы. Были срочно переоборудованы в канонерские лодки некоторые гражданские буксиры. Десять боевых канлодок заказали для Амура на сормовском заводе.

С Балтики в Николаевск были перебазированы три миноносца. Одним из них командовал адмиралтейский поручик Г. Я. Седов.

Здесь и встретились, а после подружился командир миноносца № 48 Георгий Седов и капитан парохода «Неронов» Архип Богодайко. Вместе они уточняли несовершенные лоцманские карты, где на шлюпках, а где с «Неронова» (осадка судна была всего три фута) производили замер глубин фарватера, наносили на карты кочующие мели, «банки», искали новые судоходные пути.

А. М. Богодайко переписывался с Седовым и после того, как их разлучила судьба. Когда в 1912 году столичные газеты принесли на Амур известие, что капитан Седов на корабле «Св. Фока» во главе экспедиции ушел к Северному полюсу, из Благовещенска в Архангельск полетела срочная телеграмма: «Команда «Неронова» и лично я желаем удачи. Пусть флаг капитана, девизом которого на Амуре было: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», взвьется над Северным полюсом. Капитан Богодайко».

На лодках Амура остались следы Г. Я. Седова. Действительный член Географического общества СССР капитан Н. Н. Кошелев после многолетних поисков обнаружил неизвестные ранее рапорты и письма Георгия Яковлевича, раскрывающие его деятельность как дальневосточного гидрографа. Уже во время службы на Амуре он мечтал о покорении Арктики. Правда, прежде предстояло решить другие задачи: «Нам до полюса далеко, когда лежащий под боком родной берег до сих пор представляется загадкой».

Седов сделал промеры амурской Пальвинской протоки и составил первую карту окрестностей будущего лесного и рыбного порта Маго. Вел съемку мыса Адмиралтейская Кошка, где сегодня высится корпус цехов Николаевской ремонтно-эксплуатационной базы флота Амурского речного пароходства. Составил карту глубин южного фарватера Амурского лимана. На всех его отмелях, а также в Невельском и Тартарском проливах выставлялись створные знаки, буи и вешки. Сейчас извилистыми фарватерами, промерянными когда-то Седовым, отправляются в северные порты советского Дальнего Востока и на юг — в зарубежные страны — современные суда.

## РУССКАЯ АМЕРИКА

Валерий ШУБИН

В программу Второй международной конференции по проблемам Русской Америки, проходившей в городе Ситка (штат Аляска, США), был включен доклад об археологических раскопках на Курильских островах.

...Город выбран не случайно. Ситка — бывший Новоархангельск на острове Баранова — административный и культурный центр Русской Америки, резиденция правителей и епископа православной церкви.

Но что же такое — Русская Америка? В 1799 году по инициативе известного купца Г. И. Шелехова, правда, уже после его смерти, была создана Российско-Американская компания. Льготы и привилегии позволили ей развернуть бурную деятельность на русском Дальнем Востоке и северо-западе Америки, освоить и изучить эти территории. Просуществовав до 1868 года, компания была расформирована, и русские владения в Америке царским правительством были проданы Соединенным Штатам.

Ситка — небольшой городок с населением примерно 12000 человек, с экономикой, ориентированной на эксплуатацию темы Российско-Американской компании. Трансконтинентальные лайнеры, белоснежные теплоходы, катера, яхты, гидросамолеты ежедневно доставляют в Ситку огромное количество туристов, охотников, рыбаков. В городе два прекрасных музея и два музея под открытым небом: один отражает культуру аборигенов Аляски — алеутов и индейцев-глинкетов, во втором собраны исторические памятники русской колонизации.

Объектом экскурсий являются кладбища — православное, алеутское и индейское. Туристам показывают место гибели русского корабля «Нева» и территорию Озерского редута. Картину достопримечательностей довершает универсальный магазин, который так и называется: «Русско-Американская компания». Его владельцы, супруги Макдональд, специализируются на продаже русских сувениров и весьма преуспевают в этом.

На конференцию съехались представители многих стран — около трехсот участников. Нашу страну мне довелось представлять в единственном числе, о чем, кстати, не без

ехидства было отмечено в местной прессе.

Вот уже десять лет работают советские археологи на Курильских островах, исследуя Курилороссию — первые русские поселения XVIII—XIX веков. Приоритет в заселении Курил принадлежит России. Влияние русской культуры на аборигенов было определяющим — эти идеи прозвучали и в докладах доктора М. Крауса (США) и Т. Морманье (Франция). Впервые была сформулирована идея о тождественности понятий «Русская Америка» и «Курилороссия»: процесс освоения русскими людьми северо-западной Америки и Курильских островов происходил синхронно.

Работая на Курилах, мы обнаруживаем в культурных слоях поселений 40—50 гг. прошлого века много «импортной» посуды, утвари, оружия, одежды. Именно в те годы Российско-Американская компания установила тесные связи с компанией Гудзонова залива (Канада). Знать мы это знали, но вот классифицировать вещи не могли — не были знакомы с изделиями, скажем, английских фарфоровых заводов. Аналогичные трудности испытывали американские археологи, встречая при раскопках старых поселений незнакомый им русский фаянс. В Ситке мы обменялись опубликованными определителями по фаянсу русского и английского производства.

Сахалинский областной краеведческий музей — единственный, где ведутся стационарные исследования по этой теме, и располагает он единственной в стране и одной из самых больших в мире коллекцией памятных археологий, характеризующих материальную и духовную культуру русских первопроходцев, осваивающих острова северной части Тихого океана.

Американская сторона неоднократно высказывала пожелание об организации совместных раскопок на острове Уруп и на Аляске, об обмене передвижными выставками коллекций по русским поселениям. Советские историки и археологи к такому сотрудничеству готовы.

Но вернемся в Ситку... Среди многочисленных встреч с американскими коллегами особенное впечатление оставило знакомство с русскими эмигрантами. Все они, покинувшие родную землю 50—60 лет назад, сохранили горячую любовь к Родине и остались верными хранителями русских традиций.

Николаю Рокитянскому уже под семьдесят. Он живет в Калифорнии, преподает в университете и все остальное время тратит на исследование и музеефикацию русского форта Росс.

Виктор Петров живет в Вашингтоне. Он написал и опубликовал на русском языке двенадцать книг, во-

семь из них посвящены Русской Америке и очень популярны в эмигрантской среде.

Между прочим, есть у него книга, посвященная одному из организаторов Российско-Американской компании Николаю Резанову — выдающейся фигуре в русской истории, чье имя широкой публике знакомо хотя бы по рок-опере «Юнона» и «Авось».

Этнограф Сергей Кан и археолог Алексей Долицкий преподают русский язык, историю, читают спецкурсы по археологии и этнографии СССР.

Без таких энтузиастов, наверно, давно бы заглохло изучение Русской Америки. Все они доброжелательны и с большим интересом относятся к нашей стране.

## ВТОРОЙ ПРЕЗИДЕНТ

Юрий ТЕНИН

Окружной Дворец пионеров в Анадыре — тот самый, который строился в семидесятые годы на средства «Операции «Чукотка», — находится на улице Отке.

Судьба этого человека и необыкновенна, и типична для истории нашей страны. Он родился в Уэлене — наверно, на самой далекой и самой отсталой окраине России — и стал... председателем Чукотского окрисполкома. На этом посту Отке сменил Тевлянто — первого «президента» Чукотки, так что Отке, следовательно, — второй.

Однажды, в 1952 году, когда Отке находился в Москве, в гостиницу к нему пришел корреспондент «Нью-Йорк таймс». Журналист уж очень подчеркивал, что от Чукотки ближе до Вашингтона, чем до Москвы, а Аляска совсем рядом...

«Видите ли, господин корреспондент, — ответил Отке, — от Чукотки до Москвы пятнадцать тысяч километров, а до Вашингтона, конечно, гораздо меньше. Но настроения и чувства людей соответствуют больше тем, кто живут в Москве. И в этом смысле между Москвой и Чукоткой вообще нет расстояний».

Рассказывают, что когда для окрисполкома выделили легковую машину — она была единственной тогда «легковушкой» в Анадыре, — первое, что сделал Отке, посадил в

«Победу» сколько уместилось ребятни и катал по улицам. Потом он катал и старушек; они в торжественном молчании совершали свое путешествие, а председатель исполкома, прихрамывая, шел пешочком и улыбался.

Он всегда улыбался...

## СЭВЭН ИЗ ГОРОДИЩА ЧЖУРЧЖЕНЕЙ

Евгений АПНОВ

По соседству с нанайским селом Джари экспедиция под руководством доктора исторических наук Виталия Егоровича Медведева нашла один из древних городов государства Цзинь — «Золотой империи» загадочных чжурчженей.

Около 900 лет назад чжурчжени создали огромное государство, не знавшее себе равных. Все граждане были равны перед законом, и законы строго обязательны для всех. Земля принадлежала государству и отводилась для обработки на обговоренный срок за определенную плату. В специальных школах они готовили кадры управления...

Многочисленные памятники чжурчженей на территории Дальнего Востока археологи находят давно. Академик Алексей Окладников в свое время начал раскопки большого поселения на острове Сучу на Амуре, он же написал увлекательные монографии об открытиях возле села Кондон, где, кстати, найдена так называемая «амурская Нефертити» — женская скульптурная головка из глины с типично нанайскими чертами лица.

Но город, или, как его называют, городище, расположенный далеко севернее прежних подобных памятников археологи, найдены впервые.

Город-городище стоял на вершине крутого скалистого утеса, с него открывался обзор на много километров вокруг. Сохранились остатки насыпных стен, с двух сторон доступ к городу преграждают глубокие овраги — очевидно, бывшие рвы. Но самое интересное: у края городища обнаружилось жилище. Долго ломали голову археологи, что бы это могло быть: размеры — почти сто квадратных метров... Чжурчжени строили наземные сооружения, а

это углублено почти на метр в землю.

У входа, у самого «порога», из слоя глины археологи вынули скульптуру — бронзового человека, удивительно напоминающего нанайских сэвэнов — мифических духов-покровителей, которых ставили у входа в дом для охраны от злых духов. Ценность этой находки в том, что в культурном слое чжурчженей найден прообраз именно нанайских сэвэнов — это новое подтверждение преемственности культур. Ради одной такой находки, пожалуй, стоило копать все жилище...

У границ защитного вала найдены две «братские» могилы — еще одна неожиданность. Как это объяснить? Обычно чжурчжени хоронили своих земляков с ритуальными поchestями за пределами поселений...

— Мы полагаем, что город чжурчженей был осажден и защищался до последнего воина, — предполагает Виталий Медведев. — Нападавшие (почти наверняка это монгольские отряды, они перед походом на Русь разгромили своего опасного соседа «Золотую империю») уничтожили все население и разрушили город...

Раскопана пока только малая часть. Наступит новый полевой сезон, и археологи продолжат работу.

## ТАЛАНТ ХОЗЯИНА

Владимир ВОРОНКОВ

Залив Измены. Село Головино. Оба эти названия связаны с именем русского мореплавателя В. М. Головина, плененного с помощью хитрости как раз на этом месте. Ныне же сей уголок земли русской почти на самой оконечности Кунашира в большей мере известен благодаря аифельции — основному сырью для получения агара.

Михаил Алексеевич Хохлов — известный всему острову изобретатель, начальник участка по добыче аифельции. По его предложению смонтировали на плашкоуте целый фабричный комбайн. И хотя неказист он и сделан «из ничего», а производительность увеличил в пять раз!

— Кабы наш участок производил агар на месте, — мечтает Хохлов. — Разве по-хозяйски возить аифельцию с Курил на Сахалин?!

Однажды добытчики зацепили комбайном якорь — тонны на три, кованый старинный, похож на тот, что обрубили на фрегате «Диана», когда японцы пленили Головина. Тот, не тот пусть ученые разбираются. А сельчане решили соорудить постамент и поставить на нем редкую находку.

ВАДИМ  
ХУДЯКОВ



# Королевская офита



РИСУНОК  
*Дмитрия Литвинова*

Здание миссии покрывал радужный колпак защитного поля. Под колпаком царила атмосфера уныния и растерянности. Почти все, кто был свободен от дежурства, собрались в столовой. Обед стыл в тарелках. Еда не лезла в горло, но — сидели, не расходились. Вместе как-то спокойнее. Можно делать вид, что увлечен беседой, что читаешь, играешь в шахматы. Можно на несколько минут забыть и забыть о том, что происходит в замке. Забыть о жалком, постыдном чувстве собственной беспомощности и бессилии помешать... Как будто все в порядке, и ничего особенного, и вечером, как обычно, под радостные звуки фанфар примчится герольд веселого доброго короля Ильверда — приглашать землян на пир к веселому доброму королю...

Пол чуть слышно дрогнул, и робот-диспетчер без задержки дал информацию: «Планетарный бот произвел посадку на второй площадке. Беспилотный. Пассажир один».

— Наконец-то, — облегченно сказал Волков. — Быстро отреагировали.

Когда Черешин возник на пороге, на него смотрел добрый десяток просветлевших физиономий.

— Здравствуйте! — весело сказал Черешин. — А кто тут будет генеральный консул?

Волков поднялся, одергивая куртку с нашивками командира.

— Здравствуйте. Генеральный — это я. Феликс Волков. Входите, товарищ...

— Черешин. Виктор Черешин. — Гость пожал протянутую руку. Рука была чем-то обожжена, совсем недавно, может быть, сутки назад — на месте ожога розовела пересаженная кожа. — Рад познакомиться, Феликс. Здравствуйте, товарищи! А по какому случаю осада?

— Присаживайтесь, — тощий парень с забинтованной головой подвинул кресло. — Сделать вам коктейль? Местное вино и немножко соков... А мы вас только завтра ждали.

— Спасибо. — Черешин осторожно потянул через соломинку (знал он эти местные вина!) и благодарно улыбнулся. Коктейль был прохладный и вкусный. — Почему завтра?

— Ну как же, — сказал Волков, — вы ведь из Комитета инопланетных связей, а суперграмма послана...

Черешин поперхнулся. На него смотрели с надеждой, которой не суждено было оправдаться. И главное, с какой надеждой смотрели!

— Феликс, — он поставил бокал, — кажется, произошло недоразумение. Я не так из

(174) КИПСа, как из ГУКЗа. Это, видите ли, Главное управление космических заповедников. Я региональный инспектор Службы охраны. Защита редких объектов, патрулирование, борьба с браконьерами и тэпэ...

Черешин ощущал большую неловкость, словно злонамеренно обманул хозяев, и потому был многословен.

По залу пронесся разочарованный вздох.

— Вас разве не предупредили?

— Дьявольщина! — консул запустил обожженную пятерню в шевелюру. — С этой кометой я обо всем забыл. Ну конечно — Черешин, региональный инспектор. Нас предупредили. Но с нас... В общем, простите...

— Да нет, ничего, пожалуйста, — пробормотал Виктор. Паршивы, кажется, дела в хозяйстве Датском, подумал он. Комета, ну и что? Красивая, кстати, комета — штурман «Омеги» уверял, что с планеты она видна даже днем. Период обращения — ровно двести здешних лет. Любопытно, конечно. Ну и что?

— Комета, — неохотно сказал Волков. — Видимо, все дело в ней. Пока толком не знаем. Но это не по вашей части, Виктор, браконьеров среди нас нет. Вам, наверное, нужен Ларсен. Товарищи, кто видел Ларсена?

— Он был в центральном зале. — Забинтованный загадочно хмыкнул. — Наблюдал. А сейчас — не знаю. Пойдемте, Виктор, у меня в комнате есть свободная кровать. А потом поищем Ларсена.

Разочарованные сотрудники миссии покидали столовую.

— Да-да, конечно. Позаботься, Шарль. — Консул взял с шахматного столика ферзя, рассеянно повертел перед глазами. — И введи товарища в курс дела. Может, хоть у вас, Виктор, появится рациональная идея, а то у нас все идеи иссякли. Рациональные я имею в виду. Я буду у себя или в центральном зале. Если вам что-нибудь понадобится... Самое страшное, — он аккуратно поставил ферзя на место, — когда сидишь и ничего не можешь сделать. Ни-че-го.

— А вы пытались? — спросил Черешин.

— Не обижайся на Папу Феликса, — говорил тощий Шарль, пока Виктор рассовывал вещи по отделениям шкафчика. Шарль валялся на диване, заложив руки за голову. — Все мы сейчас немного не в себе. Может, и на нас комета действует. Хотя вряд ли, все-таки защитное поле. Это, скорее, нервная реакция. От бессилия.

Да, размышлял Черешин, бессилие — это плохо. Отвратительное чувство. Он вспомнил, как попал в гнусную западную, устроенную

Вадим Георгиевич Худяков родился в 1953 году в Москве, с шести лет живет на Камчатке. В 1974-м закончил пединститут в Петропавловске. Работал в газете «Камчатский комсомолец». Выступал с рассказами в нашем журнале.

В настоящее время — собкор «Труда» по Камчатской и Магаданской областям.

браконьерами на Сентябрьине, и как стоял, безоружный, по пояс в болоте, а они подошли, раздвигая ряску и бледно-желтые лилии,— наглые, уверенные в себе; пересмеиваясь, поигрывали карабинами... Но на Сентябрьине Виктор был один, а здесь целая миссия. Да, распустились ребята. Сделать они ничего не могут. Идеи у них иссякли, надо же. Комета на них действует.

Последнюю фразу, надо полагать, он произнес вслух, потому что Шарль тут же откликнулся:

— Не на нас! На аборигенов.

— Слушай,— Черешин разозлился.— Что вы все вокруг да около бродите? Ты можешь рассказать толком, что здесь происходит?

— Комета,— грустно повторил Шарль.— Пока ясно одно — она излучает. Характер излучения мы еще не определили, мало данных. Но на здешних обитателей оно действует, как мулета на быка.— Шарль уселся, обхватив колени длинными руками.— Я ведь цивилизатор, Виктор. Шесть лет работы. Шесть лет! Единственный материк на всю планету, скорее — даже остров, и как же трудно было их убедить, что кроме этого клочка суши и их жалкого королевства существуют и другие миры. Что мы не боги, а такие же люди, какими и они могут стать. Убедили на свою голову. Приобщили, так сказать, к течению прогресса. А теперь сидим и смотрим, как лучших людей, цвет разума — на куски.

Черешину показалось, что он ослушался.

— На куски? То есть как это?..

— Элементарно. Мечами. Мы их научили делать великолепные мечи из отличной стали, до нашего прибытия здесь был бронзовый век. Они-то оказались способными учениками. Весьма.— Шарль еле сдерживал ярость.— Едва появилась комета, всех свезли во дворец. Писателей, ученых, художников, избранных — лучших из лучших. И третий день режут. Хладнокровно. Под праздничные песнопения. Да вот, полюбуясь. Все камеры сейчас работают на замок...

Не вставая, он протянул руку, щелкнул тумблером. Экран давал отличное стереоскопическое изображение. Королевский дворец — грандиозное сооружение из камня, стекла и земных пластиков — пронизывали лучи солнца. Площадь перед дворцом кипела красками. Нарядные камзолы горожан, пурпурные хламиды жрецов, яркие гербы на блестящих доспехах рыцарей — это было очень красиво. Но Черешин видел лишь помост, и пятна крови на помосте, и вереницу обнаженных людей, что шли и шли к помосту — покорно, не сопротивляясь, с отрешенной торжественностью на лицах. Эта торжественная покорность потрясла его больше всего.

(173) — Достаточно? — Шарль выключил визор.— Третий день.

— И никто не пробовал вмешаться? — Виктор посмотрел на забинтованную голову Шарля и осекся.

— Пробовали. А толку? — Шарль снова растянулся на диване.— Нас же пригласили на праздник. Пока разобрались, что к чему... Еле ноги унесли. Папе Феликсу веселый добрый король Ильверд любезно предложил открыть процессию. Мы у них, оказывается, были запланированы как гвоздь аттракциона. Знаешь, что такое фанатичная толпа?.. Эдди сейчас в госпитальном отсеке,— помолчав, добавил Шарль.— Ему сломали ключицу.

Черешин не стал уточнять, кто такой Эдди. В дверь постучали.

— Войдите,— сказал Шарль.

На вошедшем был белый комбинезон врача. Врач курил трубку.

— Приветствую,— сказал врач.— Вы Черешин? Мне сказали, что прибыл Черешин из Службы охраны. Я Эрих Шнайдер, здешний коновал. Если заболят зубы или, к примеру, живот — милости прошу. Будете обьявлять нас заповедником? Давно пора, мы тут скоро все перекусаемся.

— Располагайся, Эрих,— скучным голосом сказал Шарль,— будем отчаиваться вместе.

— Спасибо,— врач облюбовал кресло перед экраном визора.— Я только что успокаивал одного такого, отчаявшегося. Ваш коллега, между прочим,— он повернулся к Черешину,— местный инспектор ГУКЗа, Иосиф Франциск Ларсен. Франциск Ассизский,— он фыркнул.— Насмотрелся ужасов и закатил истерику. Кстати, вы верите во вредность излучения?

Черешин пожал плечами. Шнайдер потянулся к пульту визора. Экран вновь осветился. В небе над площадью, затмевая солнечный блеск, горела хвостатая комета. Очередная жертва взошла на помост. Камера приблизилась гордо вскинутую голову, мощный торс атлета.

— Рандреон,— мрачно прокомментировал враг.— Знаменитый, как бы это выразиться, спортсмен. Победитель прошлогодней королевской олимпиады.

Сверкнули и опустились длинные мечи. Усилием воли Виктор заставил себя смотреть. Загремели трубы. Толпа, охрипшая от гимнов, тянула что-то заунывное. На многих лицах, как ни странно, явственно читалась зависть. Фанатичная толпа, сказал Шарль. Было. Все было. И бичующие себя братья во Христе, и полосующие грудь кинжалами фанатики-мусульмане, и колесница Джагернаута... Истории свойственна повторяемость. Сколько пришлось бороться цивилизаторам на Центавре

с самосожжениями в честь полнолуния... А здесь — комета. Излучение? Может быть...

Служки в оранжевых, заляпанных липким и красным передниках унесли на носилках кровотошастые обрубки. По ступеням танцующей походкой поднималась совсем еще юная девушка. Распущенные угольно-черные волосы струились по прекрасному обнаженному телу.

— Эмио, лучшая поэтесса, — хрипло сказал Шнайдер. — Нет, не могу больше, — он выключил визор. — Счастье, что в миссии нет женщин... Излучение... Не верю! Просто религиозный психоз. Комета. Рок. Фатум. Не знаю...

— Кометы в здешней системе — явление не уникальное, — нехотя, словно по обязанности, возразил Шарль. — А эта явно давит на психику аборигенов. Появляется раз в двести лет, и каждый раз одна и та же история.

— Может быть, именно с этой кометой связан какой-то культ, — сказал врач.

— Какой? — спросил Черешин.

— Понятия не имею, — честно признался Эрих, раскуривая потухшую трубку. — Здешние хроники темны и полны неясностей. Но об одном они говорят достаточно определенно: с цикличностью в двести лет происходит всепланетная резка. Берут лучших представителей рода человеческого и... Ровно четыре дня — пока видна комета.

— Миссионеры! Цивилизаторы! — в сердцах сказал Виктор. — О чем же вы раньше думали?!

— О чем мы думали... — Глаза Шарля были пусты. — О чем мы могли думать? Двести лет, шесть из них мы здесь работаем. Войны кончились с установлением абсолютизма. Власть феодалов с некоторых пор стала формальной — осенью король должен был объявить конституцию, она уже разработана. Никаких намеков на зверство. Ну, дуэли среди рыцарей случаются, мы с этим безобразием боролись, и довольно успешно. В общем, далеко не худший вариант средневековья. Сам Ильверд — вполне приличный парень. Сидели и радовались: дела идут, и жизнь легка... Прибудет начальство из Комитета, начнем разбираться, где дали маху и как спасти недорезанных.

— Вот приедет барин, — желчно сказал Черешин.

— Не надо так, — мягко попросил врач. — Во многих случаях со стороны действительно виднее. Вот вы тоже к нам прилетели, хотя в миссии работает представитель вашего ведомства.

Виктор поморщился. — Ларсен в ГУКЗе был фигурой одиозной. Собственно, региональный инспектор и прилетел, чтобы решить

вопрос о служебной пригодности «Франциска Ассизского». Ну и, конечно, нгулу...

— Нгулу, — объяснил Черешин. — Редчайший представитель местной фауны. Как по красоте, так и по количеству: осталось не более десяти экземпляров.

— Нгулу? — Шнайдер прищурился, вспоминая. — Нет, не знаю.

— Его еще называют золотым оленем.

— Ах, этот... Но я всегда считал золотого оленя мифом. Красивой легендой — не более.

— Да нет, он существует. Есть снимки, запись голоса. Ларсен, — Виктор вздохнул, — прислал суперграмму. Совершенно паническую. И туманную, как здешние хроники. Речь идет о какой-то опасности. Ларсен предлагает, пока не поздно, отловить нгулу и вывезти в один из региональных зоопарков. Вот я и приехал разобраться...

— Любопытно, — со странным выражением произнес Шарль. — Золотой олень! А вы знаете, друзья, что каждые двести лет Празднество Кометы завершается большой королевской охотой?..

Ночью, внереисовым суперлетом, прибыло наконец высокое начальство из Комитета инопланетных связей. Начальство — заведующий конфликтным сектором Мигель Мария Фернандес — имело с Волковым длительную и не очень приятную беседу.

«Папа Феликс» вышел из своей комнаты бледный, с решительной складкой на лбу и приказал готовить вездеход высшей защиты: решено было предьявить Ильверду ультиматум; посланца следовало обезопасить.

Но вездеход не понадобился. На рассвете Королевство сделало первый шаг к примирению и прислало парламентаря.

Великий герцог Ородорн, представлявший брата своего, короля Ильверда, был пропущен (один, свиту задержали) сквозь защитное поле и предстал перед землянами.

Пышные перья птицы зарреу мягким веером колыхались на шлеме герцога, сверкавшем рубинами, до серебряных шпор ниспадал с его плеч голубой плащ — знак высокого рождения, ослепительно блестя на стальном нагруднике золотой олень — герб королевского рода. Рука герцога, в замшевой перчатке с зубчатым растробом, небрежно лежала на эфесе меча.

— Сегодня — последний День Кометы, — говорил герцог. — Праздник нашего народа завершается. Великий брат мой король просит могущественных друзей забыть о случившемся недоразумении, как сам он о нем забыл. Черешин заметил, как «Папа Феликс» и Фернандес обменялись быстрыми взглядами.



Шарль криво усмехнулся. Шнайдер задумчиво посасывал пустую трубку (аборигены терпеть не могли табачного дыма). Земляне в молчании слушали голос Королевства.

Сбоку послышалось грозное сопение. Свирепого вида полный мужчина, ненавидяще глядя на герцога, сделал попытку протолкаться в первый ряд. Черешин узнал его и плотно взял за руку.

— Спокойно, товарищ Ларсен,— почти беззвучно, но властно прошептал он,— не делайте глупостей.

Толстяк раздраженно обернулся, но, увидев нашивку офицера Службы охраны (Черешин оделся по всей форме), обмяк.

— Черешин? — торопливо зашептал он.— Как хорошо, что вы прилетели. Эти убийцы!.. Ненавижу!.. Сотрудники миссии... ни одного решительного поступка... Все потеряли голову... боятся шагу ступить... Вы знаете, нгулу...

— Не знаю,— остановил Виктор.— Потом поговорим.

Ларсен растерянно и с обидой посмотрел на Черешина, но замолк.

— Великий брат мой король Ильверд,— звучно продолжал Ородорн,— говорит моими устами: у каждого народа свои обычаи. Сердца наши полны жалости, что могущественные друзья не пожелали пройти обряд Упрочения, но мы принимаем ваш отказ с пониманием. Надеемся найти ответное понимание.

Волков мрачно покачал головой.

— Это исключено, сеньор Ородорн. Убийства должны быть немедленно прекращены.

— Убийства?! — мужественное лицо герцога перекосила гневная гримаса, он шагнул вперед, до половины обнажив меч. Черешин напрягся, готовясь к броску, если Ородорн решится напасть, но герцог уже опомнился, меч мягко скользнул в ножны.— Убийства? — с негодованием переспросил герцог.— Кто сказал это слово?! Мои уши его не слышали. Обряд Упрочения завещан нам предками.

— Называй это как хочешь, сеньор,— Волков тоже умел быть резким,— но от названия суть дела не меняется. Пока льется кровь, о союзе между нами не может быть речи.— Ородорн хотел что-то возразить, но консул загремел с новой силой: — Мы слушали тебя, сеньор, теперь говорю я! Передай королю Ильверду — если резня не прекратится, мы заставим вас сделать это. Во имя нашей дружбы,— добавил Волков после паузы.— И это наше последнее слово.

— Мы знаем силу могущественных друзей,— герцог криво усмехнулся.— Но и вы не всегда бываете правы. Ты угрожаешь, сеньор Волков?! Не значит ли это, что мы ошибались и ваша сила — злая? Душа моя полна печали, ибо приказом обычаев не переделаешь. Мо-

жет действительно пролиться кровь, но не будет уже Кометы на нашем небосклоне...

— Кровь льется сейчас,— непреклонно перебил Волков.— И почему-то это кровь народа, а не королевской семьи. Если вы так блюдете обычай...

Ородорн скрестил руки на груди.

— Разные обычаи, разные люди. Не все достойны обряда Упрочения, и герцогов, кроме меня, немало. В конце концов мы не предлагали пройти обряд и тому из вас, кто прибегает, потный, в замок и запрещает охотиться то на голубую лису, то на жемчужную цаплю. Он глуп, а глупость упрочить нельзя.

Ларсен от злости пошел красными пятнами. Черешин почувствовал, что теряет хладнокровие. Отозвать, немедленно отозвать — на Марс, на Землю, смотрителем в Сухумский заповедник! На памяти Виктора первые инопланетянин открыто назвал землянина глупцом. Кадры для работы на обитаемых планетах отбирались весьма тщательно; как Ларсен прошел через это сито — уму непостижимо. Впрочем, в одном Ородорн ошибся: глупцом Ларсен не был. Он был до глупости, до вредительства предан делу охраны природы. Черешин встречал таких фанатиков: во имя голой идеи они были способны запретить замерзающему срубить дерево для костра, умирающему от голода — застрелить утку. Та же голубая лиса вовсе не входила в перечень редких видов. Волков что-то сказал — Черешин услышал ответ Ородорна:

— Наш спор бесцелен. Сегодня — последний День Кометы. Солнце уже взошло, и обряд Упрочения завершен. Включите чудесный глаз Земли.

Засветился экран визора. Герцог не солгал — резня закончилась. На площади по-прежнему бурлило людское столпотворение, но окровавленный помост исчез. Сквозь толпу осторожно продвигалась пышная кавалькада: над рыцарскими плюмажами торчали копья с разноцветными флажками, пронзительно звенели охотничьи рога. Шлем переднего всадника украшала серебряная корона.

— Король отправляется на большую охоту! — глаза герцога горели, ноздри раздувались.— Во имя постоянства нашей дружбы мой брат приглашает могущественных друзей с Земли разделить с ним этот долг и удовольствие.

— Обряд завершен? — Волков взглянул на хранившего молчание Фернандеса. Тот чуть заметно кивнул.— Что ж... Мы принимаем приглашение короля Ильверда.

— Брат мой король будет счастлив.— Ородорн прижал руку к середине груди.

— Простите,— неожиданно вмешался в пе-

реговоры Черешин.— Один вопрос, сеньор герцог.

— Я отвечу, незнакомый могущественный друг.

— Скажите,— Виктор говорил предельно вежливо,— если это не секрет, конечно. Что служит дичью в большой королевской охоте?

— Это не тайна,— любезно ответил Ородорн.— В последний День Кометы король охотится на нгулу,— он похлопал себя по гербу на нагруднике.— На золотого оленя!

— И вы спокойно отправляетесь на эту охоту?

— И мы спокойно отправляемся на эту охоту.— Фернандес, не моргнув, выдержал испытующий взгляд Черешина.

— После всего, что произошло?

— После всего.

— Улыбаться этим... мясникам. Увеселительная прогулка с убийцами...

— Не думайте, что нам легко, Виктор,— устало сказал Волков. «Папа Феликс», облаченный в парадный консульский мундир, сосредоточенно проверял пистолет.— Тем более что на охоте всякое может случиться: Ильверд самолюбив, а мы ему угрожали. А не ехать нельзя. Хотя бы для того, чтобы через двести лет не повторились вновь Дни Кометы. Теперь-то, по крайней мере, мы знаем, что это такое. Теперь мы видим корни зла.

— Все равно не понимаю.

— А не понимаете,— вспылил Фернандес,— так не лезьте не в свое дело! Предоставьте решать специалистам. Прогулка с мясниками ему не нравится! А вы что предлагаете — пройтись по замку лучеметом? Или отправить все Королевство на переделку психики? Я же не вмешиваюсь в прерогативы Службы охраны, так не вмешивайтесь и вы в наши.

— Вмешиваетесь,— упрямо сказал Виктор.— Именно как инспектор Службы я и не могу допустить истребления нгулу.

Волков страдальчески сморщился, pokrutil головой.

— Послушайте, Черешин,— Фернандес презрительно оттопырил губу,— еще час назад здесь людей убивали. Людей! Так неужели вы всерьез полагаете, что мы пойдем на конфликт из-за оленя?

— А если я наложу вето? — осведомился Черешин.— У меня есть такие полномочия.

— Я думал, Ларсен — явление единичное,— произнес Волков в пространство.— Оказывается, нет.

— Ларсена я посадил под домашний арест,— холодно сказал Черешин. Он смотрел только на Фернандеса.— Ближайшим суперле-

(178) том Ларсен будет отправлен на Землю. Так как насчет вето, товарищ Фернандес?

— Не наложите,— почти весело парировал тот.— У меня тоже есть полномочия. С сегодняшнего дня планета находится на особом положении. Вот так.

Осел, обругал себя Виктор, мог бы и сам догадаться. А Фернандес меня еще уговаривал, хотя имел полное право просто посадить под замок, как я — Ларсена. Испугался он моего вето, как же!

— Ясно,— сказал Черешин.— Если у вас не будет возражений, я хотел бы присоединиться к охоте.

— Возражений? — задумался Фернандес.— Пожалуй, не будет. Только вот что, амиго, держитесь поближе к Волкову, и без консультации с ним — ни шагу. Это приказ.

По дороге к себе Виктор задержался у комнаты Ларсена. За дверью стояла тишина. Виктор постучал, никто не ответил. Обиделся! Черешин пожал плечами и пошел собираться.

Лес был светел и радостен.

Гулко перекликались охотничьи рога.

Ородорн подобрал поводья, еще раз — на всякий случай — проверил, легко ли ходит в ножнах меч. Нгулу был где-то рядом. В бешеной скачке герцог давно растерял пажей и доезжачих, позади остались и земляне — их летучие ранцы хороши в поле, но не под кронами деревьев. Правда, Шарль и долговязый незнакомец взяли предложенных коней, и в седлах они держатся неплохо, особенно долговязый, но не землянам тягаться с лучшим наездником Королевства. опередить Ородорна мог бы разве что граф Эльмонд, великий охотник, но прошел обряд Упрочения.

На секунду сердце Ородорна стеснило жгучей завистью, но тут же он трезво спросил себя: кто ты такой, чтобы заслужить честь Упрочения? Один из королевских братьев — не более. А Эльмонд — замечательный математик, сам Волков предлагал ему лететь учиться на Землю... Волков — вот кто достоин Упрочения в полной мере. Может, следовало предупредить сеньора генерального консула? Но Ильверд хотел сделать землянам приятный сюрприз, и получилось так нехорошо. Правда, семь кометных циклов назад к Упрочению приобщился король Менегаст, и возникла весьма щекотливая ситуация с престолонаследием; Волков — глава миссии, у него могли быть и такие соображения. А другие земляне? И этот разговор о резне, убийствах... Неужели прав советник Огль, и они действительно ничего не поняли?..

Обученный охотничий конь тонко заржал —

верный признак, что нгулу неподалеку. Ородорн обнажил меч.

Вот он! Взметнулось над кустами огненно-оранжевое тело, мириадам пламенных брызг раздробился солнечный луч на золотых рогах. Нгулу!

Издав ликующий вопль, герцог бросил коня вперед. Клинок, направленный умелой рукой, описал шелестящий круг.

— Нет! — смутно знакомый толстяк — потный, взъерошенный, исцарапанный сучьями — рванулся наперерез, под удар.

Ошеломленный герцог с ужасом смотрел на окровавленное, дымящееся лезвие. Ларсен был разрублен пополам — от плеча до бедра...

Вдали трещали кусты — золотой олень уходил от погони.

До захода солнца затравили трех нгулу — самца и двух самок. Психологическая подготовка, полученная в свое время в Школе егерей, не подвела Черешина: с виду он был совершенно спокоен. Другие земляне, за исключением Фернандеса и — отчасти — Волкова (они вели любезную беседу с королем), подобной выдержкой похвастаться не могли. Шарль только зубами скрипел, глядя, как несчастных животных кромсают на куски.

Не все потеряно... За эту мысль Черешин уцепился, как за спасательный круг, только она билась сейчас в голове. Не все потеряно, три — это не так страшно, остальных найдем и вывезем; пусть не повторится это никогда; но что же они делают?! — звери, настоящие звери; не худший вариант средневековья, говорил Шарль; как же они могут при этом улыбаться?!

Жрецы деловито собирали обрубки — надо полагать, для жертвоприношения.

Вытирая меч о гриву скакуна, подъехал королевский советник Огль. Он весело скалил зубы под курчавыми завитками усов.

— Как вам охота, сеньоры? Не правда ли, всем нам весьма повезло?! Не каждому поколению выпадает счастье увидеть Комету.

Шарль, невнятно ругнувшись, отвернулся.

— У вас кровь на лбу, сеньор, — неестественно спокойно сказал Черешин.

— Вот как? Надо же, забрызгался. — Огль вытер лицо бархатным беретом. — Теперь все в порядке? Спасибо. — Он испытующе смотрел на Виктора. — В ваших глазах я читаю отвращение, достойный сеньор. Кровь невинных — это так мерзко, не правда ли? И что же, — вкрадчиво поинтересовался советник, — все могущественные друзья с Земли разделяют ваши чувства?

— Не знаю, — сухо ответил Черешин. Не сорвись, Витя, предупредил он себя, вполне возможно, что это — провокация. — Не знаю,

(179) сеньор советник, — он постарался придать своему голосу беспечность. — Да и чего стоит мнение отдельного человека?!

— Значит, все, — утвердительно произнес Огль. — А мнение отдельного человека порой весит очень много, — он словно рассуждал сам с собой. — Я был прав, вы ничего не поняли. Обряд Упрочения вы приняли за бессмысленную бойню. Это так?

Виктор язвительно усмехнулся.

— Боюсь, глубинный смысл этой церемонии действительно ускользнул от большинства из нас. На Земле уже лет пятьсот ничего подобного не происходило.

Ну вот, высказался. Не нужно быть телепатом, чтобы проникнуть в мои мысли. На тарелочке, можно сказать, выложил. С голубой каемочкой. Ну и черт с ним, я не дипломат. Пусть Фернандес перед ними стелется. А я что думал, то и сказал. Все правильно.

Ничего не правильно. Не можешь сдерживать себя — оставайся на базе и рыдай в подушку. Как Ларсен. Не дипломат? Врешь, голубчик! Сейчас мы все обязаны быть дипломатами. Если эта пышная свора кинется на сотрудников миссии, не последней причиной будет твой разговор с Оглем. Сейчас ты извинись перед этим палачом в разноцветных тряпках и как можно убедительнее.

— Простите, сеньор советник, возможно, я выразился не совсем понятно, я имел в виду...

— Почему же, — взгляд Огля был задумчив и печален, — все предельно ясно. Но я склонен предполагать, что ничего подобного на Земле вообще не происходило. Никогда.

Много ты знаешь о Земле, сеньор советник! А видел ты хронофильмы о Париже 1572 года, об утре стрелецкой казни, о распятых гладиаторах Спартака? А читал ты о джунглях Вьетнама и атомном облаке над Хиросимой? А название «Дахау» тебе о чем-нибудь говорит? Было, приятель, и у нас все было; и со всем справились. И вас вытащим. За уши. Пинками погоним, но из этой трясины вытащим. Тоже мне — пуп планеты, Королевство занюханное!

Затянувшуюся паузу прервал Огль.

— Вы в плену своих представлений, земляне. Праздник Упрочения наполнил вас яростью и презрением. Вы говорите о дружбе, но ведь дружба основана на понимании...

— Так постарайтесь нас понять, — Черешин дернул повод. — Извините, сеньор, меня зовут.

Ему действительно призывно махал врач. — Зерно кидают в землю, — с отчаяньем крикнул вслед Огль, — вы же не удивляетесь, что вырастает колос!

Врач растерянно вертел в руках птичье крыло. Из дула его карабина шел легкий дымок.

— Виктор, я не ошибся, это в самом деле изумрудный дятел?

— В самом деле. А где остальное?

— Вот беда какая! Биологи просили, если встретится, для чучела, а я как-то так неудачно прицелился, крыло отшиб.

— А вы, когда стреляли, не подумали, что птица теперь обречена на медленную смерть?— Черешин вовсе не собирался жалеть сконфуженного «коновала».— Чем же вы лучше... этих?!

— Да нет,— хладнокровно ответил Эрих, рассеянно озираясь.— Ничего с ней не случится, новое крыло отрастет. Здешние организмы обладают колоссальной способностью к регенерации. Вы не поверите, Виктор, однажды я лечил короля — ему на турнире сломали несколько ребер — так они срослись за какие-то...

Перед Черешиним словно молния свернула.

— Эрих,— сказал он,— мы все ослы. Вы осел, ваш Волков осел, а я — больше всех. А ведь Огль пытался объяснить... В общем, Эрих, кажется, я знаю, как влияет комета на аборигенов.

— Да? — промямлил врач, с беспокойством глядя на Черешина.— Вы, главное, не волнуйтесь, дружок, где-то у меня тут было одно замечательное средство...

— Да не суйте мне ваши таблетки! Я совершенно здоров.— Виктор от души расхохотался. Давно у него не было так легко на сердце.— Говорите, новое крыло отрастет, Эрих?! А вам не приходило в голову, что с тем же успехом у крыла может отрасти новая птица?..

Сообщение делал Эрих Шнайдер. Черешин сидел рядом с Оглем, приглашенным на экстренное собрание миссии. При каждом слове Шнайдера королевский советник одобрительно кивал.

— Таким образом, не вызывает сомнений,— говорил врач,— что уникальная способность организмов планеты к регенерации вызвана излучением кометы. Постепенно эта способность затухает, но каждое появление кометы дает ей новый толчок. А пик этого процесса приходится, естественно, на прохождении кометы в окрестностях планеты.

— Значит, обряд Упрочения... — начал Волков.

— Да,— вступил в разговор Черешин,— его следует понимать буквально. Как упрочение

рода человеческого. Жители Королевства, видимо, уже давно оценили мощное влияние кометы. И воспользовались им не для увеличения армии, не для изготовления дешевой рабочей силы. Нет, к чести их,— Виктор положил руку на плечо порозовевшего от смущения Огля,— они стали упрочать талант, здоровье, красоту.

— Как часто мы говорим,— задумчиво продолжал Шнайдер,— о великих ученых, писателях, артистах: «Рано ушел. Сколько бы он сделал, будь у него еще одна жизнь». А здесь, в Королевстве, это оказалось возможным. И не одна жизнь, а две, три, четыре, сколько угодно. И на будущей королевской олимпиаде знаменитый атлет Рандреон будет оспаривать победу у знаменитого атлета Рандреона-цвай, а может, и Рандреон-драй вмешается. И какие великолепные стихи напишут новые поэтессы Эмио! А если кто-то из них и не будет испытывать влечения к поэзии, что ж, все равно приятно — больше станет красивых девушек. И кто-нибудь из математиков Эльмондов обязательно полетит на Землю — он так об этом мечтал. Правда,— врач умолк, раскуривая неизменную трубку. В зале стояла тишина.— Правда,— сказал он, покосившись на Огля и с сожалением притушив огонь,— делалось это, прямо скажем, варварскими методами. Здешняя медицина еще не на высоте — средневековый уровень. Но через двести лет мои коллеги им помогут. Обряда больше не будет — будут клиники.

— Тогда попросите своих будущих коллег,— сказал Черешин,— чтобы они позаботились и о нгулу. Бедным олешкам и не снилось, что им придется размножаться таким странным образом.

— Что делать,— извиняющимся тоном сказал советник Огль,— нгулу малочисленны... Не могли же мы допустить, чтобы вымер символ королевского рода.

— А я считаю, что это издевательство над животными,— непримиримо проскрипел Иосиф Франциск Ларсен — потный, толстый, взъерошенный и по-прежнему агрессивно настроенный.

— Полностью согласен. Безобразие! — не замедлил отозваться Иосиф Франциск Ларсен-2, потный, толстый, взъерошенный и по-прежнему агрессивно настроенный.

На Землю, с тоской и яростью подумал Черешин. Немедленно на Землю обоим! В Сухумский заповедник! В музей! Экспонатами!

За окном запели фанфары. Это примчался герольд веселого доброго короля Ильверда — приглашать землян на пир к веселому доброму королю...



# Новинки фантастики: 1987-1988

ПОМЕЩАЕМ ИНФОРМАЦИЮ О НОВИНКАХ ФАНТАСТИКИ, ВЫШЕДШИХ В 1987—1988 ГОДАХ, КАК И ПРЕДЫДУЩИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПОДОБНОГО РОДА (СМ. № 8 ЗА 1987), СПИСОК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ МАКСИМАЛЬНО ПОЛНЫМ, А ТЕМ БОЛЕЕ — ИСЧЕРПЫВАЮЩИМ. КОМПЕНСИРУЯ ВОЗМОЖНЫЕ ПРОПУСКИ И ОДНОВРЕМЕННО СЛЕДУЯ ПОЖЕЛАНИЯМ ЧИТАТЕЛЕЙ, ВКЛЮЧАЕМ В ЭТОТ СПИСОК НОВИНКИ ПРЕДЫДУЩИХ ЛЕТ, УСКОЛЬЗНУВШИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОШЛЫХ ОБЗОРОВ.

ПРИ ОПИСАНИИ ВЫХОДНЫХ ДАННЫХ ИСПОЛЬЗОВАН — ПОМИМО ОБЫЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ — РЯД АББРЕВИАТУР В НАЗВАНИЯХ ИЗДАТЕЛЬСТВ (ДЛ — «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», МГ — «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», СП — «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ», ХЛ — «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА») И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ СЕРИИ (БПНФ — «Б-КА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ», БСФ — «Б-КА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ», БФ — ПОДПИСНАЯ «Б-КА ФАНТАСТИКИ» В 24-Х ТОМАХ, БФП — «Б-КА ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ», ЗФ — «ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА», МП — «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ», ПФ — «ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА»). С НАЫНЕШНЕГО ОБЗОРА МЫ РЕШИЛИ ТАКЖЕ УКАЗЫВАТЬ ТИРАЖИ НОВИНОК (СОКРАЩЕНИЕ «Т.Э.» ОЗНАЧАЕТ «ТЫСЯЧУ ЭКЗЕМПЛЯРОВ»).

К СВЕДЕНИЮ КНИГОЛЮБОВ: В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ КНИГ НЕТ, ИХ РАССЫЛКОЙ МЫ НЕ ЗАНИМАЕМСЯ. НЕИЗВЕСТНЫ НАМ ПО-ПРЕЖНЕМУ И АДРЕСА МАГАЗИНОВ, КОТОРЫЕ ПРИНИМАЛИ БЫ ЗАЯВКИ НА ФАНТАСТИКУ.

Юрий АНТРОПОВ. САМОСОЖЖЕНИЕ. Роман. М.: СП, 1986. 416 с. 100 т. э.

Михаил АНЧАРОВ. ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО ЭНТУЗИАСТА. Роман. М.: МГ, 1988. 334 с. 100 т. э.

Завершающая часть трилогии, в которую входят «Пригай, старик, пригай!» и «Птица Гаруда».

Дмитрий БИЛЕНКИН. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЛЫНОВА. Сборник НФ произведений. М.: Знание, 1987. 192 с. 100 т. э.

Последнюю при жизни автора (1933—1987) книгу составили повести «Десант на Меркурий», «Космический бог» и 6 рассказов.

Кир БУЛЫЧЕВ. ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР. Рассказы, повесть. Минск: Юнацтва, 1987. 270 с. (БФП). 180 т. э.

Повесть «Марсианское зелье» и 9 рассказов «гуслярского» цикла.

Юрий ГЛАЗКОВ. ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ. Сборник фант. рассказов и новелл. М.: МГ, 1987. 254 с. (БСФ). 100 т. э.

Григорий ГЛАЗОВ. ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ. Маленькие повести. Львов: Каменяр, 1984. 216 с. 30 т. э.

Василий ГОЛОВАЧЕВ. СПЯЩИЙ ДЖИНН. НФ повести. Киев: Рад. письменник, 1988. 356 с. 115 т. э.

Помимо заглавной, в книгу вошла повесть «Реликт» (кн. 1-я).

Юрий ГРЕКОВ. СЛЫШИШЬ? КРИЧИ СОБА! Роман-гипотеза. Книжнев: Лит. артистикэ. 1988. 415 с. 50 т. э.

ДЕНЬ СВЕРШЕНИИ. Сборник молодых фантастов. Сост. Н. Никитайская. Л.: СП, 1988. 511 с. 30 т. э.

Название второму сборнику участников семинара В. Стругацкого дала повесть В. Жилина, печатавшаяся в нашем журнале.

Андрей ДМИТРУК. МОРСКАЯ ПЕНА. Фант. повесть: Людмила КОЗИНЦЕВ. ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ. Фант. рассказы: Владимир ЗАУЦ. ЗЕМЛЯ НЕБОБЕТОВАННАЯ. Фант. повести. Киев: Молодь, 1987. 344 с. 65 т. э.

Наталья ЗАБИЛА. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА ЮРЧИКА И ЕГО ДЕДА. Фант. рассказы. Пер. с укр. Киев: Веселка, 1987. 95 с. 400 т. э.

1-е изд.: Киев: Веселка, 1965. 92 с. 165 т. э.

Всеволод ИВАНОВ. ПАСМУРНЫЙ ЛИСТ. Фант. повести и рассказы. М.: Правда, 1987. 480 с. (МП). 500 т. э.; То же: 1988. 400 т. э.

Повести «Эдесская святыня», «Опаловая лента», «Чудесные похождения портного Фокина» и рассказы.

Александр ИЛЬИН. НЕУЧТЕННЫЙ ВАРИАНТ. НФ рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1988. 87 с. 5 т. э.

Владимир КАТИН. «СВЯТОЕ МЕСТО». Повесть. М.: Сов. Россия, 1986. 208 с. 100 т. э.

Сергей КИЧИГИН, Татьяна ЯБЛОНСКАЯ. ДВА ЦВЕТА РАДУГИ. То ли сказка, то ли быль. Киев: Веселка, 1988. 255 с. 115 т. э.

Юрий КОНСТАНТИНОВ. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ. Фант. повесть и рассказы. Киев: Молодь, 1988. 224 с. 65 т. э.

Олег ЛУКЬЯНОВ. ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОБИРКИ. НФ повести. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1987. 232 с. 15 т. э.

Борис МАЙДАНОВ. ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА. Фант. повесть, рассказы. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 112 с. 12 т. э.

МЕНЬШЕ — БОЛЬШЕ. Сборник фантастики. Сост. Е. Брандис, Л. Куклин. Л.: Лениздат, 1988. 608 с. 100 т. э.

Среди произведений сборника — повесть О. Ларионовой «Чакра Кентавра», опубликованная в нашем журнале.

Павел МИСЬКО. ГРОТ АФАЛИНЫ. Повесть. Пер. с бел. Минск: Юнацтва, 1988. 429 с. (БПФ). 90 т. э.

Владимир МИХАНОВСКИЙ. ПЕРЕКРЕСТОК ДАЛЬНИХ ДОРОГ. Повести и рассказы. М.: МГ, 1987. 271 с. (БСФ). 100 т. э.

Геннадий МИХАСЕНКО. ЗЕМЛЕНЬИР, ИЛИ КАСКАД ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Сказочная повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 208 с. 100 т. э.

Евгений НАУМОВ. ДАР БЕЛОГО АСТРОНАВТА. Фант. повесть. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988. 128 с. 50 т. э.

Борис НИКОЛЬСКИЙ. БУНТ. Книга фантастики. Л.: Лениздат, 1987. 304 с. 100 т. э.

Повесть «Три пишем, два — в уме» и рассказы.

НФ. Сборник научной фантастики. Вып. 31. Сост. Е. Парнов. М.: Знание, 1987. 240 с. 150 т. э.; Вып. 32. Сост. В. Клюева. М.: Знание, 1988. 208 с. 100 т. э.

Центральное произведение первого из этих выпусков — «Сила сильных» Д. Биленкина (печаталась в нашем журнале), во втором — «Волны гасят ветер» А. и Б. Стругацких.

Леонид ПАНАСЕНКО. БЕЗ ВАС НЕВОЗМОЖНО. Фант. рассказы и повести. Киев: Молодь, 1987. 176 с. 65 т. э.

Повести «Без вас невозможно», «Статисты», «Школа Литтлмена» и 4 рассказы. Еремей ПАРНОВ. МАЛЬТИЙСКИЙ ЖЕЗЛ. Прикл. роман. М.: ДЛ, 1987. 415 с. (БПНФ). 100 т. э.

Роман включает трилогию, в которую входят «Ларец Марии Медичи» и «Третий глаз Шивы».

Андрей ПЛАТОНОВ. ПОТОМКИ СОЛНЦА. Фант. произведения. М.: Правда, 1987. 430 с. (МП). 500 т. э.; ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ (МОРЕ ЮНОСТИ). Повесть. М.: Правда, 1987. 64 с. (Б-ка «Огонек»). 80 т. э.; КОТЛОВАН; ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ. Повести. М.: ХЛ, 1987. 192 с. 500 т. э.; ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ (КОТЛОВАН; ЧЕВЕНГУР). Повести и роман. М.: Современник, 1988. 560 с. 300 т. э.

Читателям наконец стали известны повести «Ювенильное море» (написана в

1934 году) и «Котлован» (1929—1930), роман «Чевенгур» (1929; до сих пор издавались лишь фрагменты и 1-я его часть — «Пронсхождение мастера»).

Александр ПЛОНСКИЙ. БУДНИ И МЕЧТЫ ПРОФЕССОРА ПЛОТНИКОВА. НФ повести и рассказы. М.: МГ, 1988. 288 с. (БСФ). 100 т. э.

Георгий ПОЧЕПЦОВ. ЗОЛОТОЙ ШАР. Сказочная трилогия. Киев: Веселка, 1987. 182 с. 115 т. э.

Валерий ПИСКУНОВ. БЫЛО ПРИЗЕМЛЕНИЕ. Технологич. сказка. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1987. 191 с. 15 т. э.

Игорь ПОДКОЛЗИН. ГОД ЧЕРНОЙ СОБАКИ. Прикл.-фант. роман. М.: МГ, 1987. 300 с. 100 т. э.

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ. ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ. Рассказы и повесть. Киев: Веселка, 1987. 240 с. (ПФ). 115 т. э.

Повесть «В подводных пещерах» печаталась в нашем журнале в 1972 году под названием «Пусть сеятель знает».

РУССКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА. Сборник. Сост. В. Коровин. М.: Сов. Россия, 1987. 368 с. 325 т. э.

Сборник литературных предтеч современной сказочной фантастики — повести А. Погорельского, М. Сомова, А. Бестужева-Марлинского, М. Загоскина и других русских писателей.

Людмила СВЕШНИКОВА. ЗЕЛЕННЫЙ ТУМАН. Фант. рассказы. Кубышев: Кн. изд-во, 1987. 207 с. 20 т. э.

Юрий СЛАЩИННИН. БОГИ В ИЗГНАНИИ. Фант. роман. Ташкент: Еш гвардия, 1988. 238 с. 40 т. э.

Сергей СМИРНОВ. ПАМЯТЬ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ. Фант. рассказы и повесть. М.: МГ, 1987. 80 с. (Б-ка журн. «Молодая гвардия»). 75 т. э.

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА 20-40-х ГОДОВ. Сборник. Сост. Д. Зиберов. М.: Правда, 1987. 574 с. (БФ в 24-х тт., т. 6). 400 т. э.

Сод.: «Вне Земли» К. Циолковского, «Открытые Ризы» В. Игина, «Потомки Солнца» А. Платонова, «Блнстающий мир» А. Грина (с сокр.), главы из «Дороги на Океан» Л. Леонова, рассказы В. Иванова.

Андрей СТОЛЯРОВ. АВАРИЙНАЯ СВЯЗЬ. Фант. рассказы. М.: МГ, 1988. 96 с. (Б-ка журн. «Молодая гвардия»). 75 т. э.

Виктор СУХАНОВ. АВАТАРА. Фант. роман. М.: ДЛ, 1987. 256 с. 100 т. э.

Наталья СУХАНОВА. СКАЗКА О ЮПИ. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1984. 144 с. 30 т. э.

Евгений СЫЧ. ПАРАЛЛЕЛИ. Сборник. Красноярск: Кн. изд-во, 1987. 152 с. 15 т. э.

Повесть «Ныне отлучаеш» и рассказы (заглавный печатался в нашем журнале).

Олег ТАРУТИН. ПОТОМОК МАНСУРОВЫХ. Рассказы и повести. Л.: СП, 1987. 416 с. 30 т. э.

Абдулхамид ФАЗЫЛОВ. СУДЬБЫ ВЕРТЯЩЕЕСЯ КОЛЕСО. Фант. повести и рассказы. Ташкент: Еш гвардия, 1987. 192 с. 40 т. э.

Владимир ФАЛЕЕВ. ТРЕТИЙ ГЛАЗ. Необыкновенная история. М.: МГ, 1987. 303 с. 100 т. э.

ФАНТАСТИКА-87. Сборник. Сост. В. Рыбин. М.: МГ, 1987. 399 с. 155 т. э.

Владимир ФИРСОВ. ЗВЕЗДНЫЙ ЭЛИКСИР. Сборник НФ рассказов. М.: Знание, 1987. 190 с. 100 т. э.

Вышедшая посмертно первая книга писателя-фантаста (1925—1987).

Ирина ХРИСТОЛЮБОВА. ТОВАЛО. Повесть-сказка. Пермь: Кн. изд-во, 1987. 59 с. 15 т. э.

Евгений ХРУНОВ. Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ. ЗДРАВСТВУЙ, ФОБОС! НФ хроника. М.: МГ, 1988. 214 с. (БСФ). 100 т. э.

Александр ЧУМАНОВ. ИВАН РОДИЛ ДЕВЧОНКУ. Рассказы. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1987. 192 с. 15 т. э.

Ходжиакбар ШАЙХОВ. БЛЕСК АЛ-МАЗА. НФ повести. Пер. с узб. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988. 288 с. 60 т. э.; ДЕМОНИСТРАЦИЯ НА ОРБИТЕ. НФ повести и рассказы. Пер. с узб. Ташкент: Еш гвардия, 1988. 206 с. 120 т. э.

ШОРОХ ПРИБОЯ. Сборник соврем. фантастики. Сост. Л. Ханбеков. М.: ХЛ,

1988. 127 с. (Роман-газета, № 5-6), 3 500 т. э.

Повести В. Михановского «Эльз», Е. Гуляковского «Шорох прибора» и 2-я книга романа С. Павлова «Лунная радуга». 1-я книга «Лунной радуги» выходила в «Роман-газете» отдельно (М.: 1987. 111 с. 2 500 т. э.).

**БОРИС ШТЕРН. ЧЬЯ ПЛАНЕТА?** Фант. рассказы. Киев: Молодь, 1987. 200 с. 30 т. э.

Светлана ЯГУПОВА. **ЛАДУШКИ И КРОНОС.** Неоновые сказки. Киев: Рад. письменник, 1987. 256 с. 115 т. э.; **ФЕНИКС.** Фант. роман. Киев: Молодь 1988. 232 с. 65 т. э.

Аскольд ЯКУБОВСКИЙ. **ПРОЗРАЧНИК.** Повести и рассказы. М.: МФ, 1987. 271 с. (БСФ). 100 т. э.

Повести «Прозрачник», «Аргус-12», «Последняя Великая Охота» и рассказы. С. ЯРОСЛАВЦЕВ. **ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРЕИСПОДНОЮ.** Современ. сказка. М.: Моск. рабочий, 1988. 255 с. 100 т. э.

Заключительная часть повести печаталась в нашем журнале.

Фантастика печаталась, кроме того, в сборниках «Горизонт» (вып. 2; Фрунзе: Мектеп, 1987), «Дерзкие формулы творчества» (Петрозаводск: Карелия, 1987), «Дом под чинарами» (Тбилиси: Мерани, 1987), «Истоки» (М.: МГ, 1987), «Космос» (Л.: ДЛ, 1987), «Литературное Прикамье» (Пермь: 1987), «Мир приключений» (М.: ДЛ, 1987 и 1988), «Молодость» (вып. 19; Ташкент: Еш гвардия, 1987), «На суше и на море» (вып. 27 и 28; М.: Мысль, 1987 и 1988), «Океан и человек» (Владивосток: 1986), «Окно, распахнутое в мир» (Алма-Ата: Жалын, 1987), «Поиск» (Донецк: 1987), «Поиск-87» (Пермь: 1987), в книгах М. Абашидзе «Факелы, Квазимодо» (Тбилиси: Мерани, 1986), В. Александрова «Избранное» (Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987), Д. Аля «Диалог» (Л.: СП, 1987), С. Альтова «Набраться высоты» (М.: Искусство, 1987), А. Брежнева «Снег на голову» (М.: СП, 1986) и «Вызов» (М.: Современник, 1987), В. Брюсова «Повести и рассказы» (Свердловск: 1987; М.: Правда, 1988), К. Буачидзе «Шесть комедий» (М.: СП, 1987), А. Гайдара «Лесные братья» (М.: Правда, 1987), Е. Грушко «Добрыня» (Хабаровск: 1986), И. Дворецкого «Веранда в лесу» (Л.: СП, 1986), Г. Демьяниной «День жаворонка» (М.: Сов. Россия, 1987), П. Добрынского «Кунитэ — не пожалейте!» (М.: СП, 1986), С. Долгова, Е. Михайличенко и Ю. Несиса «Трехколесный велосипед» (Старополь: 1987), Г. Дробиза «Вот в чем фокус» (Свердловск: 1988), В. Жилинштейн «Операция «Любетежка»» (М.: ДЛ, 1987), Н. Исаева «Гений на островах» (М.: МГ, 1987), В. Исхакова «Прочие опасности» (Свердловск: 1987), Р. Итса «Века и поколения» (Л.: Ленинград, 1986), Ф. Камалова «Как быть с Гераклом?» (Ташкент: Еш гвардия, 1987), Н. Катерли «Цветные открытки» (Л.: СП, 1987), Р. Кирева «Светлячок» (М.: МГ, 1987), В. Комарова «Быть мудрым без бога!» (М.: Моск. рабочий, 1986), Г. Корниловой «В сторону Садового кольца» (М.: Моск. рабочий, 1986), В. Крапивина «Шестая Бастионная» и «Тень Каравеллы» (Свердловск: 1987 и 1988), А. Лебедева «По ту сторону праздника» (Владивосток: 1987), А. Левкина «Старинная арифметика» (Рига: Лиесма, 1986), Л. Леонова «Раздумья у старого камня» (М.: ХЛ, 1987, «Роман-газета», № 13), Ю. Линника «Посвящение» и «Книга трав» (Петрозаводск: 1984 и 1986), П. Маляревского «Чудесный клад» (Иркутск: 1986), С. Матюшина «Маленький, старинный, озерный...» (Уфа: 1987), Э. Маццуполо «Охота на монстров» (Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988), Э. Медведкина «Звезда эстрады» (Алма-Ата: Онер, 1987), К. Минца «Под маской клоуна» (М.: Искусство, 1987), В. Мирониченко «Перевалы мужества, перевалы памяти» (Тбилиси: Мерани, 1985), Г. Немченко «Хоккей в сибирском городе» (М.: Моск. рабочий, 1987), В. Никольского «Пароль XX века» (Л.: ДЛ, 1987), А. Петровой «Фокусница» (Ташкент: Еш гвардия, 1987), П. Прокуркина «Улыбка ребенка» (М.: Современник, 1987), М. Рощина «Полоса» (М.: Современник, 1987), И. Соколо-

вой «На пути к счастью» (М.: СП, 1987), В. Соловьевой «Войти дважды» (М.: МГ, 1987), Ф. Сологуба «Свет и тени» (Минск: Мастацкая лит., 1988), А. Сорокина «Хочет Желтого Дьявола» (Иркутск: 1987), В. Стронгина «Вечный всадник» (М.: СП, 1987), В. Тендрякова «Покушение на миражи» (М.: ХЛ, 1987), Т. Толстой «На золотом крыльце сидели...» (М.: МГ, 1987), Л. Треера «Круглый счастливец» (Новосибирск: 1987), Ф. Тугаева «Маленький Иллимар» (М.: ХЛ, 1986), Ю. Хандова «На семи дорогах» (Ашхабад: Магарыф, 1985), Ю. Харламова «В краю исчезнувшего тигра» (Душанбе: Ирфон, 1986), С. Челак «Игра с тенью» (Кишинев: Лит. артистикэ, 1987), В. Шугаева «Странники у костра» (М.: Современник, 1986).

Перезидавались произведения Г. Адамова, А. Беляева, М. Булгакова, А. Грина, И. Ефремова (вышли, в частности, 3-я и 4-я книги пятитомника), А. Казанцева, Л. Лагина, И. Ларри, В. Немцова, В. Обручева, В. Одоевского, А. Толстого, К. Циолковского, «Миллион приключений» К. Булычева (М.: ДЛ, 1987), «Одарю тебя трижды» Г. Дочанавили (М.: Известия, 1987), «Голубятня на желтой поляне» В. Крапивина (М.: ДЛ, 1988), «Ущелье белых духов» В. Новикова (Рязань: 1988), сборник «Орион» (М.: Моск. рабочий, 1988), «Лунная радуга» С. Павлова (Красноярск: 1987), «Ларец Марии Медичи» Е. Парнова (М.: Моск. рабочий, 1987), «Стеклянный корабль» Ю. Самсонова (Иркутск: 1987), сборники А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (Фрунзе: Мектеп, 1987) и «За миллиард лет до конца света» (Л.: Ленинград, 1988), «Сын Розовой Медведицы» В. Чернова (М.: ДЛ, 1988), «Сказки для умных» (Л.: ХЛ, 1987) и «Запоздалый стрелок» (Л.: СП, 1987) В. Шефнера.

Из зарубежной фантастики переиздавались книги К. Абэ, О. Балзака, Р. Бредбери, Ж. Верна, Волтера, В. Келлермана, А. Конан Дойла, Д. Родари, Ж. Рони, Д. Свайфта, М. Твена, О. Уайльда, Г. Уэллса, А. Франса, К. Чапека, д'Эрвилли, «Гибель 31-го отдела» П. Вале (М.: Прогресс, 1988) сборник «Лалангамена» (М.: Мир, 1988), «Солярис: Магелланово облако» С. Лема (М.: Радуга, 1987), «У нас это невозможно» С. Льюиса (М.: ХЛ, 1987), «Мальвиль» Р. Мерля (Ростов-на-Дону: 1988), сборник «Пролетает планета» (Минск: 1988), «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Стівенсона (М.: ДЛ, 1988).

Вышли также в переводе на русский язык:

**ЕЖИ БРОШКЕВИЧ. ОДНО ДРУГОГО ИНТЕРЕСНЕЙ.** Повесть. Пер. с польск. Варшава: Наша Ксенгария, 1987. 207 с.

Повесть издавалась у нас: М.: ДЛ, 1964. 240 с. 50 т. э.

**РЭЙ БРЭДБЕРИ. О СКИТАНЬЯХ ВЕЧНЫХ И О ЗЕМЛЕ.** Пер. с англ. М.: Правда, 1987. 654 с. 2 500 т. э.

Роман «451° по Фаренгейту» и 18 рассказов.

**АДОЛЬФО БЬОИ КАСАРЕС. ТЕНЕВАЯ СТОРОНА.** Рассказы. Пер. с исп. М.: Известия, 1987. 224 с. (Б-ка журн. «Иностранная лит.»). 50 т. э.

Первый у нас авторский сборник основоположника аргентинской НФ.

**ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ. СИНИЕ БАБОЧКИ.** Рассказы. Пер. с болг. София: Свят, 1987. 100 с. 120 200 т. э.

**КУРТ ВОННЕГУТ. МАЛЫЙ НЕ ПРОМАХ.** Роман. Пер. с англ. М.: Радуга, 1988. 167 с. 100 т. э.

**В ТЕНИ СФИНКСА.** Сборник НФ произведений. Сост. Е. Умяикова. М.: Мир, 1987. 463 с. (ЗФ). 200 т. э.

Центральное место в этом сборнике НФ социалистических стран занимает «Фурурологический конгресс» С. Лема.

**ДЖИМ ГАРРИСОН. ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫЙ КОНТРАКТ.** Роман. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1988. 285 с. 100 т. э.

**ДЖУЗЕПЕ Д'АГАТА. АМЕРИКА О'КЕЙ.** Роман. Пер. с итал. М.: Радуга, 1987. 176 с. 100 т. э.

**ДЕЛО РУК КОМПЬЮТЕРА.** Сборник зарубежной НФ. Сост. Р. Рыбкин. М.: Известия, 1988. 255 с. (Б-ка журн. «Иностранная лит.»). 50 т. э.

**СТИВЕН КИНГ. МЕРТВАЯ ЗОНА.** Роман и рассказы. Пер. с англ. М.: МГ, 1987. 429 с. 200 т. э.

**ДЖОН КОЛЬБЕР. КАРТЫ ПРАВДУ ГОВОРЯТ.** Рассказы. Пер. с англ. М.: Известия, 1987. 252 с. (Б-ка журн. «Иностранная лит.»). 50 т. э.

**МАРТИН КЭЙДИН. НА ГРАНИ НОЧИ.** Роман. Сокр. пер. с англ. М.: МГ, 1988. 143 с. (Б-ка журн. «Молодая гвардия»). 75 т. э.

**МИР — ЗЕМЛЕ.** Сборник антивоенных НФ произведений. Сост. В. Гопман. М.: Мир, 1988. 573 с. (ЗФ). 200 т. э.

В сборник вошла повесть Б. Шоу «Путешествие в эпицентр».

**НА ВОЛНЕ КОСМОСА.** Зарубежная фантастика. Сост. А. Громова. М.: Моск. рабочий, 1988. 319 с. 150 т. э.

Переиздание сборника «Современная зарубежная фантастика» (М.: МГ, 1964).

**НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА.** Сборник рассказов. Сост. А. Мелконян. Пер. с болг. София: София-Пресс, 1987. 196 с. (Б-ка «Болгария», № 10).

**СИМО ОЙЯНЕН. С ГАРАНТИЕЙ — НА НЕБО.** Повесть. Пер. с фин. М.: Радуга, 1984. 280 с. (Соврем. зарубежная повесть). 50 т. э.

**МИРЧА ОПРИЦЭ. ИСТИНА О ХИМЕРАХ.** Рассказ. Пер. с рум. Бухарест: 1987. 47 с. (Б-ка «Румыния», № 6).

**КАНДЗАБУРО ОЭ. ИГРЫ СОВРЕМЕННОКОВ.** Роман. Пер. с япон. М.: Радуга, 1987. 400 с. 100 т. э.

**ПЕРВЫЕ ЛЮДИ.** Сборник НФ произведений американских и английских писателей. Сост. Л. Михайлова. М.: МГ, 1987. 224 с. 100 т. э.; То же: 1988. 100 т. э.

В сборник включен роман Р. Силверберга «Пришельцы с Земли».

**ПОГОНЯ.** Сборник зарубежной НФ на экологич. темы. Сост. Р. Рыбкин. М.: Правда, 1987. 47 с. (Б-ка «Огонек»). 80 т. э.

**АРВИД РУНДБЕРГ. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗЕМЛЮ.** Роман. Пер. с швед. Алма-Ата: Казахстан, 1987. 280 с. 50 т. э.

**МЭРИ СТЮАРТ. ПОЛЫЕ ХОЛМЫ; ПОСЛЕДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО.** Романы. Пер. с англ. М.: Радуга, 1987. 800 с. 100 т. э.; То же: 1988. 100 т. э.

Первый из романов выходил отдельно: М.: Радуга, 1983. 424 с. 100 т. э. **ФРАНЦИЗСКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА.** Сост. А. Григорьев. М.: Мир, 1987. 495 с. (БФ в 24-х тт., т. 23). 400 т. э.

Том составили «Бегство Земли» Ф. Карсака, «Люди или животные?» Вернора, «Кспипеузиз» Ж. Рони, рассказы П. Буля, А. Моруа, Ж. Клейна, М. Демюта.

Фантастика включалась, кроме того, в книги Белькампо «Избранное» (М.: Радуга, 1987), А. Бландианы «Стихотворения. Рассказы. Эссе» (М.: Радуга, 1987), Ю. Брезана «Избранное» (М.: Радуга, 1987), И. Галла «На крыльях пламени» (М.: Радуга, 1987), С. Дельбланка «Река памяти» (М.: Радуга, 1987), Л. Капуаны «Марки Роккавердина» (Л.: ХЛ, 1987), Ф. Каринти «Избранное» (М.: ХЛ, 1987), Э. Лазара «Фокусник» (М.: Известия, 1987), Луккиана «Избранное» (М.: ХЛ, 1987), В. Рейслика «Мертвый сезон» (М.: Радуга, 1987), Ж. Сесбронна «Елисейские поля» (М.: Известия, 1987), Ф. Цизца «Повести и рассказы» (М.: Радуга, 1987).

Из фантастиковедческой литературы выпущены:

**ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ. ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ ВООБРАЖЕНИЯ.** М.: Знание, 1988. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Космонавтика, астрономия», № 2). 30 133 э.

**ПЕТР ЧУДИНОВ. ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ (1907—1972).** М.: Наука, 1987. 224 с. (Научно-биограф. серия). 22 200 э.

Кроме того, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина издала методические рекомендации для библиотечарей, составленные И. Семibrатовой:

**МИР ГЛАЗАМИ ФАНТАСТОВ.** М.: 1987. 31 с. 5 т. э.

**ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАЗАНЦЕВ.** К 80-летию со дня рождения. М.: 1986. 24 с. 7 т. э.

**ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ (1907—1972).** К 80-летию со дня рождения. М.: 1987. 24 с. 7 т. э.



# ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Повесть

Камиль ЗИГАНШИН

Рис. Николая Мооса

Камиль Фарухшинович Зиганшин родился в 1950 году в Башкирии. Более 20 лет жил на Дальнем Востоке, работал кочегаром, матросом на китобойном судне, электриком, регулировщиком телевизионной аппаратуры. Был охотником-профессионалом, участвовал в нескольких геологических экспедициях. Поэтому ему хорошо известны все заповедные места Хабаровского и Приморского краев. Окончил Горьковский политехнический институт.

Сейчас — ведущий инженер по радиосвязи ПО «Башнефть».

В нашем журнале публикуется впервые.

Здесь у костра не хвастают, не лгут,  
Не берегут добро на всякий случай...

Ю. СОТНИКОВ

## ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

За перевалом с вертолета открылась панорама безлюдной, дикой местности. Как на ладони видны ключи, хребты, межгорные впадины. На востоке — плотная группа скалистых гольцов. Тайга с высоты

казалась безжизненной. Все это я отмечал машинально — меня переполняли заботы о предстоящей охоте. До сих пор не верилось, что я охотник госпромхоза и лечу над обетованной землей вдоль древнего хребта Сихотэ-Алинь. Мысленно уже представлялась новая жизнь — неизведанная, манящая, полная приключений.

Пассажиров в вертолете двое. Кроме меня — мой наставник. Он невысокий, худощавый, с живыми движениями. Сильные руки, как кора старого дерева, изрезаны глубокими трещинками морщины и густо перевиты набухшими венами. Мороз, солнце, ветер, дым костра дочерна продубили скуластое лицо с реденькой растительностью на верхней губе и подбородке. В черных прямых волосах проблеск седины. Глаза необычные. Впечатление такое, что они все время смеются, радуясь жизни. Имя у него простое и легкое — Лукас.

Его постоянный напарник Гирдо недавно потерял зрение и перебрался жить к дочери в райцентр. Оставшись в предсезонье без товарища, Лукас согласился взять меня на свой участок, раскинутый по ключу Буге — левому притоку реки Хор.

Вертолет неожиданно вошел в крутой вираж и, сделав два круга, мягко приземлился. Быстро выгрузили нехитрый багаж. Наши собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателей, спрыгнули на снег сразу, как только открылась дверь. МИ-4 прощально взревел, обдав нас снежным вихрем, и, свечой взмыв в густую небесную синеву, исчез за лесистой макушкой сопки.

Мы остались одни на заснеженной косе. Оглушительная тишина стояла вокруг. На снегу ни единого следа. Казалось, будто какая-то неведомая сила подхватила и перенесла нас на чистый лист бумаги, на котором предстоит написать историю нашей охоты.

Хор еще не встал. Он бурлил, разорвав белоснежное черной извилистой трещиной. Сквозь хрустально-чистую воду были видны лежащие на дне пестрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нересту лососи. Вода в реке за последние дни спала, и часть отнерестившейся рыбы лежала на галечном берегу. Наши собаки тут же воспользовались возможностью полакомиться.

Вокруг громоздились крутобокие сопки, ошетилившиеся могучими изумрудно-зелеными кедрами и более темными островерхими елями. Напротив устья Буге над Хором нависал хребет, обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. По ее гребню торчали огромные, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни причудливых очертаний, напоминающие развалины старинной крепости.

Хотя день только начался, Лукас торопился. Предстояла большая работа по устройству места зимовки.

Не успели мы подняться на берег, как услышали мелодичный задорный посвист. Невозможно спутать его с другим лесным звуком. Это свистел рябчик. Лукас едва заметным движением руки остановил меня, а сам спрятавшись за ствол ели и, достав самодельный манок из жести, ответил более глухим переливом. По характерному треску крыльев стало ясно, что рябчик перепорхнул ближе. Лукас слился с деревом и опять посвистел. Хлопки послышались совсем близко, и, приглядевшись, я увидел петушка, сидящего на

ветке березы. Вытанув шею и нетерпеливо переступая, он напряженно высматривал подружку.

— А, чертенок, — радостно прошептал Лукас, разглядев его. — Четвертый сезон вот так. Совсем свой стал. Встречает.

«Знакомец» перелетел на вершину дерева и настороженно наблюдал за нами. Подбежавший Пират, не разделяя радости хозяина, с лаем запрыгал под березой. Петушок спланировал и исчез в чаще леса.

— Пират, ты что! Нельзя! — спохватился Лукас.

Наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией, нахальными глазами. Индус, напротив, вялый, привыкший во всем подчиняться. Попал он в нашу компанию совершенно случайно. Когда мы загружали в вертолет мешки со снаряжением и продуктами, на краю полянки сидел и мирно наблюдал за нашей бегом пес. Я на ходу кинул ему кусок галеты. Он жадно проглотил его и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошел к трапу.

— Быстрее садись, сейчас полетим, — крикнул Лукас.

Я поднялся в салон и оглянулся. Собака, казалось, жгла меня молящими глазами. «Может, взять? Чем черт не шутит. Вдруг у нее талант к охоте...»

— Бери, бери. Пиратке веселее будет, — сказал Лукас, заметив мое колебание...

Перетаскав вещи к становищу, мы занялись подготовкой дров. Споро завалили двуручной пилой сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько душистых чурок. Отвалившиеся куски красноватой ребристой коры изнутри были усыпаны яичками, личинками, куколками. Что-то недоглядели дятлы за лесным патриархом. Комель кедра был настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, тонуло как камень. На ночь кедр не годился — быстро сгорает. Поэтому напильники еще плотного ясеня, который горит долго и жарко, образуя много углей.

Очистив на высоком мыске залива, недалеко от устья ключа, землю от снега, поставили палатку. Растелили кабаньи шкуры, спальные мешки. Установили жестяную печурку. Лукас набил ее чрево смоляной щепой, кедровыми поленьями и затопил. Печка скоро нагрелась, порозовела и начала щедро возвращать солнечное тепло, накопленное деревом за добрую сотню лет. Палатка ожила, наполнилась жилым духом. Приятно запахло свежей хвоей. Отпилили от ясеня низенькую, но увесистую чурку и поставили в головах между спальниками. Получился удобный столик. Слева и справа от печки приладили два сырых ольховых бревешка — чтобы одежда и спальники не подгорели. Под коньком палатки повесили перекладину с крючьями. Между елями соорудили из жердей лабаз. Рядом сложили шалашики для собак.

Вечером мы забрались в прогретую палатку и с комфортом устроились пить чай.

— Лукас, почему ты до сих пор избушку не поставил? — поинтересовался я.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, старый охотник с досадой пробурчал:

— Было зимовье. Вместе с Гирдо его рубили. А летом на рыбалку приплыл — одна зола да печка. Пожалуй, туристы сожгли, елка-моталка. Однако после охоты, как вода спадет, обязательно зимовье поставлю. Место уж присмотрел. Вверх по ключу, с километр отсюда. Там никто не найдет...



В палатке сложился сизый дым. Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясенный увиденным. Полная луна залила тайгу необыкновенным ярким светом. Небо не черное, а прозрачно-сиреневое, и на нем не отыскать ни одной звездочки. Кедры вокруг, словно былинные богатыри. Река перламутром выливалась из-за поворота и, тускнея, убегала под хребет, заглывавший ее огромной пастью. Трудно осознать себя в этой красоте...

## ТАЕЖНЫЕ ИСТИНЫ

Утром, пока в печке разгорались дрова, Лукса успел одеться, умыться. Подогрев завтрак, растормошил меня:

— Вставай, охоту проспичь.

Я вылез из спальника, размял затекшие ноги и налил в кружку чай.

— Марат, ты умылся? — спросил Лукса.

— Что-то не хочется. Холодно.

— Холодно, холодно, — передразнил он. — Как со вчерашним лицом ходишь будешь? Тайга не узнает, пугаться будет. Соль уйдет, елка-моталка.

Пришлось надеть улы и выйти на мороз. Зачерпнул и обдал лицо студеной водичкой из Буге. От первой пригоршни сжался, как пружина — ох и холодна! Но затем почувствовал, как наливается силой и бодростью все тело.

После недолгих сборов Лукса повел меня учить премудростям охотничьего промысла.

Мягко ступая, он ловко лавировал в чаще леса. Я то и дело ускорял шаг, чтобы не отстать. Мое большое преимущество в росте не выручало. Лукса безошибочно выбирал самый удачный путь среди нагромождений деревьев. И если я пытался самостоятельно найти более удобный проход, то отставал еще больше.

При ходьбе охотник пользовался специальным посохом. Такой есть у каждого удэгейца. Делают его из ствола высушенного ясеня. На верхнем конце он расширен лопаточкой, используемой при установке капканов. Снизу — кольцо, как у лыжных палок. В самый кончик посоха, для торможения и маневрирования, врезан прочный клык самца кабарги.

С остановками миновали пойменный лес, полезли в сопки. Лукса учил читать следы, определять их свежесть. Я узнал, что гладкий, округлый след бывает у здорового, упитанного соболя, а узкий, неровный — у слабого, худого. У такого соболя и шкурка плохая. мех редкий, тусклый. У сильного, спокойного соболя следы лапок рядом и мах широк. В теплую и снежную погоду выходят только молодые соболя, да и те крутятся возле гнезда.

Я старательно запоминал все, что говорил опытный промысловик. Лукса показал, как ставить капкан на норку, соболя, колонка. Прежде всего я понял, что успех охоты зависит от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и от искусства маскировки.

На излучине реки вспугнули рябчиков. Заряд Луксы сбил одного петушка. Я же промахнулся. Птицы разлетелись в разные стороны. Одна из них бесшумно спланировала на стоявшую неподалеку ель. Таясь за стволами, я подкрался и выстрелил в неясный силуэт. Птица камнем упала вниз. Но когда я подбежал, то, кроме разбросанных по снегу перьев, ничего не нашел.

Обойдя впустую вокруг дерева несколько раз, по-

кричал собак, но тех и след простыл. Удрученный, пустился догонять Луксу. Узнав, что я оставил убитого рябчика, он нахмурился:

— Ой, манга! \* Чего так делал? Зачем птица пропадать будет? Показывай, где пропажа.

Осмотрев разнесенные ветром перья, Лукса поднял вверх влажный палец. Затем юркнул в кусты и, немного покопавшись в снегу, вынул убитую курочку. Мне стало досадно, что я не справился с такой простой задачей.

На протоке нам встретился свежий след белки.

— На жировку пошла, — сказал Лукса.

— Почему на жировку? Может быть, наоборот, с жировки, — возразил я.

Лукса удивленно глянул на меня:

— Ты своей башкой совсем не думаешь. Не видишь — прыжки большие, лапки прямо ставит. Легкая пока. Когда поест — прыжки короткие, лапки елочку делают.

Сколько нужно наблюдательности и зоркости, чтобы подмечать все это. Я смущенно молчал.

Под елями кое-где виднелись смолистые чешуйки шишек и скорлупки орешек, выдавая места кормежки. Лукса спросил, миролюбиво улыбаясь:

— Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

— А где она шишку взяла?

— Как где? На ели.

— Из-под снега достала. Чешуйки под деревом аккуратной, плотной кучкой лежат. Значит, белка внизу сидела. Когда на дереве сидит, чешуйки широко разбросаны. Чем выше сидит, тем шире разбросаны.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск сучьев. Мы пошли на шум. Метров через шестьдесят увидели следы оленя. Тут же — овальная ямка лежки, промятой до самой земли.

— Чьи следы? — спросил Лукса.

— Оленя, — уклончиво сказал я и стал лихорадочно искать глазами помет, чтобы по форме шариков определить, кто здесь пасся — лось или изюбр.

— Ты мне голову не морочь. Какой олень, говори, — напирал Лукса.

— Лось.

— Сам ты лось... горбатый. Говорил же тебе: сохатый рысью уходит от охотников. Этот прыжками ушел. Изюбр был. Еще вот что запоминай, — успокаиваясь, сказал Лукса. — Смотри, снег копытами исчириккан. Изюбр так чиркает, лось же высоко ноги поднимает — снег не чертит. — Видя, что я скис, добавил: — Поживешь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

На обратном пути вышли на крутобережье широкого, неглубокого залива — любимого места нереста кеты. Этот залив отделен от реки полосой земли в сто—сто пятьдесят метров, но самой реки отсюда не видать, ее скрывает густой пойменный лес, сплошь перевитый лианами китайского лимонника и актинидий.

Я огляделся. На мгновение взгляд задержался на группе деревьев. Пять больших ильмов стояли как бы полукругом. Перед ними — чистая плешина, в центре которой торчали три потемневших столбика, заостренных верху. Подойдя ближе, я догадался, что это деревянные идолы. Грубо вытесанные, длинные

\* Манга — плохо (удэг.).

потрескавшиеся лица равнодушно взирали на гладь залива. Я вопросительно глянул на Луксу.

— Это лесные духи. Большой — здешний хозяин, а эти двое — жена и слуга. Хозяин помогает охоте и рыбалке, — тихо пояснил он.

Достав из кармана сухарь, охотник почтительно положил его у ног «хозяина» и спустился на берег. Я задержался, чтобы сделать снимки.

— Ничего не трогал? — подозрительно, не сводя с меня глаз, спросил Лукса, когда я догнал его.

— Нет, сфотографировал только.

— Ладно тогда. Давай рыбу собирать. Беда как много рыбы надо. Собак кормить и на приманку оставить.

Переступая по камням, мы вытащили жердью с мелководья десятка четыре кетин и сложили в кучу. В этих рыбинах трудно было узнать серебристого океанского лосося. Челюсти хищно изогнулись и устрояющие поблескивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы еще вяло шевелили плавниками, из последних сил пытаясь удержаться в вертикальном положении. До конца своей жизни они охраняют нерестище — терку от прожорливых ленков и хариусов.

Пока мы собирали рыбу, Пират с Индусом нашли в укромном углублении под выворотнем енотовидную собаку и с лаем вытащили ее из убежища.

Енотовидная собака напоминает заурядную дворняжку, только ноги у нее короче. Неуклюжа, приземиста, ужасно лохматая. мех густой, пышный, похож на лисий, но отличается цветом — серо-бурый с желтоватым оттенком. Из-за пышности меховой шубки ноги кажутся непомерно тонкими. Небольшая остроносая головка украшена шикарными бакенбардами и миниатюрными ушами. Мордочка кроткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Этот зверь, пожалуй, самый безропотный и беззащитный обитатель сихотэ-алинской тайги.

Когда мы приблизились, енотовидная собака припала к земле, закрыла глаза и притворилась мертвой, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбужденных лаек, мы заторопились к стану, обсуждая увиденное за день. Сошлись на том, что участок — богатый. Бескормицы не ожидается — звери с мест не струнулись. На пойме много копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И что важно, много мышей и рябчиков — их основной пищи.

— Когда рябчик есть, соболю совсем хорошо. Мышь съел, опять ловить надо. А рябца надолго хватает, — радовался Лукса.

Тогда мы и не подозревали, что капризная погода безжалостно подведет нас.

— Как будем делить участок? — поинтересовался я.

Лукса метнул в меня недоуменный взгляд и ошаршил ответом:

— Где хочешь, ходи, где хочешь, ставь капканы.

Я остался недоволен таким решением, так как хотел, чтобы Лукса закрепил за мной определенную часть участка, но со временем понял, насколько оно было мудрым. Никто не был стеснен, не считал себя обделенным. Наши тропы часто пересекались, но при этом каждый шел своей дорогой.

К ночи ветер переменялся. Звездное небо заволкло непроницаемым войлоком туч. Мягко повалил снег. Лукса сразу заметно оживился:

— Завтра пойдем мясо запасать. Как поешь, так и походишь. В снег звери глохнут — близко подойти можно. Мяса запасем, соболя ловить начнем.

Говорит, а сам мой винчестер поглаживает да на руках подкидывает.

— До чего легкий, елка-моталка! Все равно что одностволка тридцать второго калибра. Надо же, когда это ружье сделали, моему отцу всего восемь лет было. А сколько мы еще с копыями охотились. Вот ведь жили! Откуда, Марат, у тебя такое ружье?

— Друг случайно купил у геолога-пенсионера во Владивостоке. В тайге за него огромные деньги предлагали, но он не расстался с ним.

— Как же тебе дал?

— Юра погиб в походе по Якутии. Берегу ружье как память о нем. Ты не представляешь, Лукса, какой это был человек. Тайгу знал и любил больше жизни. Я многим обязан ему. Не свяжи нас судьба, вряд ли бы я так пристрастился к тайге и не сидел бы сейчас в твоей палатке.

— Да, бата\*, молния бьет самый высокий кедр, а смерть — хорошего человека, — посочувствовал Лукса.

## БЛУЖДАНИЯ

С рассветом снег перешел в дождь. Миновав небольшую марь, увидел кабаньи гнезда и свежие следы, уходящие вверх по увалу. Потрогал помет — замерзший. Решил тропить. Индус разочаровал меня. След не брал, а только путался под ногами.

Сначала кабаны двигались прямо, не останавливаясь. Потом разбредлись, на земле появились глубокие порои. Чувствовалось, что табун близко. Я пошел медленней, предельно осторожно, переходя от одного дерева к другому. И тут совершенно бездарно взбреднул Индус. Табун переполошился. Раздались испуганные «чув-чув» и треск веток под копытами. Свиньи, с задранными вертикально хвостиками, мельнули черными молниями между деревьев.

В сердцах выбрал пса, но он, кажется, ничего не понял, даже напротив, остался доволен тем, что предупредил хозяина о серьезной опасности и громким лаем прогнал свирепого секача — жоака табуна.

Перебравшись на противоположную сторону Буге, я стал подниматься по склону. Тяжелые непроглядные тучи утюжили макушки сопки. Все вокруг занавесило унылой моросью. Узкая долина была настолько захлавлена, что, как говорят, сам шайтан ногу сломит. Лет десять назад деревья здесь повыврывало смерчем и навалило друг на друга в беспорядочные груды. Но молодое дружно поднялась густым подлеском и затянула свободное пространство меж сучковатых стволов. Вдобавок ко всему бурелом плотно перевили цепкие лианы актинидий. Приходилось не идти, а протискиваться между пропитанных влагой лесин, карабкаться через завалы, прыгать с одного ствола на другой, рискуя напороться на острый смолистый сук. Пробраться понизу, между трухлявой гнилью, было еще трудней. Кустарник и лианы опутывают, цепко хватают со всех сторон. Каждый сучок стремится урвать себе клочок одежды. Одна упругая ветвь наградила меня такой пощечиной, что из рассеченной скулы брызнула кровь, и я свету не взвидел.

\* Бата — сын, сынок (удэг.).

Неожиданно началась крутизна, и я запоздало сообразил, что иду уже не по склону ключа, а его боковым ответвлением. Возвращаться назад к ключу через «баррикады» не было сил. Решил перевалить гриву и спуститься к Буге по другому распадку.

На вершине гривы я попал в густой стланик, который вместе с можжевельником образовал труднопроходимые заросли. Ниже росли кусты рябины и березы, но не те, нежные, веселые, прославленные народом в песнях. Малорослые деревца поражали непропорциональной толщиной ствола. Толстые скрюченные лохматые карлики с короткими обрубками ветвей стояли молчаливо, угрюмо, вызывая своим видом недобрые предчувствия. Их даже трудно было назвать березами. Суровый климат, постоянные ветры совершенно изменили их облик.

Через пару часов я все же прорвался в ложе ключа к привычным кедром и елям. И так как пора было возвращаться, повернул к стану. Шел и смутно чувствовал, что не бывал в этих местах. Вроде те же сопки, тот же ручей, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересек долину и остановился в растерянности — моих утренних следов на снегу не было. Стало очевидно, что я ошибся и перевалил через гриву не в долину Буге, а на соседний ключ.

В замешательстве огляделся. Вокруг глухой, ставший вдруг еще более враждебным лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождик. На мне буквально ни одной сухой нитки. Грязно, холодно, сыро. Еды, кроме трех сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Стало жутко от своей беспечности. Мокрый, жалкий Индус стоял рядом и, понурившись, наблюдал за мной.

— Индус, домой! Домой надо! Где дорога? Ищи, ну, пошли, Индусик... — умолял я в надежде, что собака в конце концов сориентируется и выведет на верную дорогу.

Но Индус опустил нос и виновато отворачивался.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что в моем положении самое лучшее спуститься к реке, а там видно будет.

В широкой нижней части ключа пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элетерококка, то топкие зыбуны с высокими вертлявыми кочками, покрытыми жесткой заиндевелой травой. Ступая на них, с трудом удерживаешь равновесие. Ощущение такое, будто идешь по слаботяннутой резиновой пленке. Осторожно прощупываешь посохом дорогу. Стоит сделать неверный шаг — провалишься в «окно» с ледяной жижей. Индус устало плелся сзади.

Передохнуть было негде. Если прислониться измученным телом к худосочному стволу, он трещит и падает. Слабый грунт не держит. Достаточно небольшого усилия, чтобы свалить и без того редкие здесь деревья.

Собравшись с силами, вылез на островок, но и здесь сухостойник не давал прохода. Тут я увидел дерево, обвитое коричневым побегом с шелушащейся корой. Это была лиана лимонника. С нее свисала длинная кисть с пятью огненно-красными рубинами ягод размером с горошину каждая. Я съел их и вскоре почувствовал прилив сил, но, к сожалению, не надолго. Проковылял с километр — и опять земля потянула к себе. Эх, если бы найти еще несколько кистей лимонника! Недаром говорят, что горсть его ягод дает силы весь день гнаться за добычей.

К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Верхняя одежда на глазах превратилась в ледяной панцирь... Идешь, и в такт шагам раздается шелестящий хруст.

Выйдя на коренной берег Хора, с облегчением вздохнул и даже, напугав Индуса, несколько раз притопнул ногой, не веря, что топь кончилась. Человек, ходивший по ее зыбунам, легко поймет мои чувства. Теперь я был уверен, что доберусь до палатки.

Последние километры плелся, как во сне. Чувства притупились, мысли смешались. И только одна, точно боль, не давала покоя: не пошел ли Лукса на поиски...

Я не сомневался, что при встрече он упрекнет: «Тебе по тайге только за руку с поводырем ходить». Но ошибся. Лукса или был уверен во мне, или привык за долгую охотничью жизнь к таким опозданиям. И когда я ввалился в палатку, в полном изнеможении плюхнувшись на спальник, он только проворчал, пыхтя трубкой:

— Шибко долго ходишь, все давно остыло.

## ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА?

Продрых допоздна — отсыпался после блужданий. Судя по тому, что чай был чуть теплый, Лукса ушел давно. Я оделся и выбрался из жилища. Денек — чудо! Все пропитано солнцем. Пухлый снег спорит с белой шубкой горноста. В лесу возобновилась хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанят труженики-дятлы, пронзительно и хрипло кричат таежные сплетницы-кедровки.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступлениями, плывут льдины, припорошенные белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом.

Насторожил по берегу несколько ловушек. Откопал и проверил старые. В две из них попались мышки. Лукса говорит, что я слишком чутко настраиваю сторожок. Поэтому он срывается даже от веса крохотных грызунов.

Сам он завалился вечером в палатку довольный. Еще бы. Убил чушку в двух шагах от стана. Гордо извлек из рюкзака печень, сердце и добрый кусок мяса. Задабривая мистического покровителя охоты, отрезал от добытого сердца небольшой кусочек и бросил в огонь:

— Спасибо, Пудзя. Хорошая чушка.

Перекусив, мы сходили за остатками свиньи. Жиренькая! Слой сала в один-два пальца.

— Кабаньим жиром улы хорошо смазывать. Не промокают в теплую погоду. Одно плохо — улы после пропитки сильно скользят по снегу, — наставлял Лукса.

Пока шли к палатке, небо опять основательно затянуло тучами. Быстро стемнело.

Намолчавшись за день, после ужина мы оживленно беседовали на самые разные темы. Любознательность Луксы меня поражала. Во всем он пытался докопаться до самой сути явления. И нередко своими вопросами ставил меня в тупик:

— Отчего каменеют рога? — спросил он на сей раз. — Они же вырастают мягкими, и питается олень мягкой пищей, а к гогу рога становятся как стальные.

Я разъяснил, как мог, что в тканях молодых рогов — пантах — со временем происходят сложные химические процессы: отложение кальция и других минеральных солей, придающих рогам особую прочность.

Но все же чаще говорил Лукса, а я внимательно слушал.

На мой вопрос, кто из зверей самый крепкий на рану, охотник сказал:

— Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбр. Медведь и кабан — между ними. Лось даже с пробитым сердцем может километр пробежать. Сохатый силы расходует бережно, от охотника уходит трусцой. В сопку идет не прямо, а как река петляет.

Изюбр — дурак. Горяч. Раненный, прыжками уходит. Вверх напрямки режет. На рану он совсем слабый — даже с мелкашки можно ухлопать. Один раз собака загнала изюбра на отстой. Подбежал к скале, смотрю наверх, ничего не вижу — ветви пихты мешают. А собака на вершине захлебывается. Гляжу, рога мелькнули. Стрельнул, да в спешке не переключил с «мелкашки» на тяжелый «жакан». Слышу, копыта по камням зашелкали. Досада взяла — уходит рогач. Бросил следом, а изюбр навстречу. Не успел второй раз стрельнуть, как он грохнулся на камни замертво.

— А вот еще случай, — продолжал Лукса, прихлебывая из кружки чаек. — Как-то осенью возвращался в Гвасюги, глянул вверх кустов: на толстом суку ильма затаилась рысь. Эта кошка хулиганила последнее время. То одна коза пропадет, то другая. Стрельнул. Рысь, похоже, свалилась. Глянул на суку и глазами не верю — лежит, зараза, не шелохнется. Что за морока? Слышал же, упала. Опять посмотрел — лежит. Глаза прищурил — лежит. Стрельнул — исчезла, потом опять глухой удар. Свалилась, значит. На суку никого, но я стою. Топчусь на месте. Боязно. Чудится злой дух. С опаской глянул под дерево, а там... две рыси лежат. С той поры все козы домой приходят.

Под конец разговора я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Лукса, а ты не боишься, что в тайге на тебя тигры или волки нападут?

Бывалый охотник ответил просто:

— Чего бояться? Зверь не глупый. Он человек сам боится. Ему плохо не делай, он тебя не тронет.

— Но случается же, что хищные звери нападают на человека...

— Ерунда! Сказки это. Если зверя не трогать, он не нападет. Ты же не скажешь, что колонок или норка опасные для тебя звери, но и они, если бежать некуда, бросаются на человека, как тигр на оленя. Однако один хуза в тайге все же есть — шатун. Очень ненадежный зверь. В любой момент может напасть.

## УРАГАН

Седьмое ноября! Торжества по всей стране, а у нас обычный трудовой день. Я нарубил приманки и пошел бить пугик по пойме Хора, но вскоре вернулся, чтобы надеть окамусованные лыжи, так как из-за глубокого снега пешком ходить стало невозможно.

Могу с уверенностью сказать, что если бы таежники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, то они поставили бы ему памятник. Короткие жесткие волосы камуса держат охотника на самых крутых склонах. При хорошем

камусе скорее снег сойдет с сопки, чем лыжи поедут назад.

За ключом, на вздымающемся к востоку плоскогорье, пошли частые кабаньи пороги. Снег разбросан, трава включена, хвощ обкусан. Тут же миниатюрные следочки кабарги — самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящный отпечаток маленьких копытец четко вырисовывался на приямтом снегу. Кабарга испегляла всю пойму в поисках своего любимого лакомства — длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток компенсируется сполна острыми саблевидными клыками, растущими в верхней челюсти.

Я знал, что охотиться на кабарожку без хорошей собаки — бесполезное дело. Благодаря превосходному слуху она не подпускает на верный выстрел. Поэтому, не задерживаясь, зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах амбарчики для соболей и норок. На становище вернулся, когда над ним витали соблазнительные запахи жареного мяса.

Лукса колдовал у печки, готовя праздничное угощение — запекал на углях жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком и завернутые в металлическую фольгу.

После отменного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт с торжественного вечера в Москве, пили чай. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено — хлынул самый натуральный ливень.

— Когда таймень хочет проглотить ленка, он обдирает с него чешую, — в мрачной задумчивости произнес Лукса и тут же, спохватившись, добавил: — Ничего. Терпеть надо. Жаловаться нельзя. Поправится еще погода.

После ливня снег покрылся ледяной коркой, и я с утра остался в палатке. Невольно вспомнил рябчиков. Как они там, бедолаги, смогут ли пробить корку льда, чтобы вырваться из снежного плена? Ко всему прочему в полдень пошел снег. Воздух на глазах мутнел, терял прозрачность, становился плотным, тяжелым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и достиг резиновой упругости. Тайга напряженно стонала, металась, утратив свои обычные величие и покой. Деревья шатались, как больные, скрипя суставами. Недалеко от палатки с хлестким, словно удар бича, треском повалилась ель.

Я, как говорится, от греха подальше, затушил нещадно дымящую печь и, захватив спальный мешок, с опаской выбрался наружу. Ураган, видимо, достиг наивысшего напряжения. Было темно, как ночью. В ревушем и кипящем воздухе не различить ни гор, ни деревьев. Небо смешалось с тайгой. Все потонуло в снежных вихрях, сдобренных обломками веток, коры и невесть откуда взывшихся листьев. Деревья рушились постоянно то в одном, то в другом месте. На фоне несусветного рева ветра казалось, что они падают бесшумно.

Забравшись в выемку под обрывистым берегом, закупорился в мешке, как рябчик в тесной снежной норе. В голову лезли беспокойные мысли: где Лукса, что с ним?.. Тоже, наверное, отсиживается где-нибудь, пережидая непогоду. Не придавило ли палатку? Переживут ли звери страшное ненастье?

Лукса пришел поздно, изнуренный и расстроенный бурей не меньше меня.

— Чего Пудзя так сердится? — недоуменно сокрушался он. — Зимой деревья совсем нельзя гнуть. Беда как много тайги поломало. Путик весь закидало. Обходить завалы устал. Ладно до конца хода не пошел — на развилке ключа отсиделся.

Выбравшись утром из занесенной снегом и обломками веток палатки, мы не узнали окрестностей. Местами деревья повалены сплошь. Уцелела только молодая поросль. Поверженные исполины лежат крепко обнявшись зелеными лапами, стыдливо прячась за громадными кучами вывороченной земли. Те, у которых корни выдержали бешеный напор, переломлены, будто спички, и истекают лучистой, как липовый мед, смолой. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли. Надо думать, от них пойдет крепкое потомство. Я обратил внимание, что у большинства сломленных деревьев сердцевина трухлявая — еще одна иллюстрация естественного отбора.

День выдался погожий. Изголодавшиеся за время ненастья звери забегали в поисках пищи. Местами соболиных следов — что тропинок в парке. А несколько завалов буквально истоптаны сверху донизу. Тщательно осматривают соболя свой участок — зверек не пробежит мимо дупла, не исследовал его. Побывает на всех бугорках, заглянет под все валежены и пни. Особенно любит соболь пробегать по наклонным и поваленным деревьям.

Интересное все же занятие — охота! Хотя и устаешь как ломовая лошадь, а все равно испытываешь ни с чем не сравнимое удовольствие. Ставишь ловушку и думаешь: приду сюда через два-три дня, а в ней драгоценный трофей! И если зверек проходил, но не угодил в капкан, то начинаешь изобретать способы, чтобы все же перехитрить его.

В обход шел с предчувствием удачи. Я рассчитывал, что в одном из капканов в Маристом попал долгожданный соболек. Ведь четыре дня не проверял. Но предчувствие обмануло. В капканах моя обычная добыча — мыши. И что обидно, некоторые «амбарчики» соболя вдоль и поперек истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не взяли. Станут они грызть мерзлое мясо, если повсюду живые мыши шныряют! Один плутишка прямо на макушке «амбарчика» оставил выразительные знаки своего презрения к людской хитрости.

Там, где путик проходил через межгорную седловину, лыжню пересекла волнистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Ведь хорошо известно, что речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило этого «рыболова» предпринять сухопутное путешествие через гряду сопок? Возможно, выдра покинула свой ключ потому, что замёрзли все полыньи. Или ключ оскудел рыбой.

Потрогал след пальцами: снег не смерзшийся, стенки рассыпались от легкого прикосновения, у волока лежали быстро испаряющиеся ажурные снежинки. Сомнений не было — выдра прошла совсем недавно. Лапы у нее короткие. По снегу бегают медленно. Возможность догнать ее обманула меня.

Сначала шел не спеша, с ленцой — устал за день, но, почувствовав, что выдра совсем близко, ощутил прилив сил и, раззадоренный, рванулся напролом, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды.

Выдра, видимо, услышала погоню, так как длина ее прыжков резко увеличилась, и она свернула влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только взялись силы. Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь, едва успевая перегонять кровь. Сбросил рюкзак, телогрейку, смахнул со лба мокрые волосы. Вот уже темная искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев. Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег плотным телом. Расстояние быстро сокращалось. Не мешкая, вскинул ружье и выстрелил в изгибающееся волной туловище. Выдра мгновенно исчезла под снегом. Подбежав, увидел по черточкам дробинки, что промахнулся — снап дроби прошел выше.

Скинув лыжи, стал разгребать снег ногами. Нижний слой был зернистым, сыпучим, и снежная масса лавиной скатывалась обратно. Чтобы восстановить сбившееся дыхание, осмотрелся и по цепочке следов, trovшихся в глубине леса, понял, что выдра обхитрила меня. Пока проканителлся с лыжами и вновь пустился в погоню, прошло довольно много времени: выдра успела уйти далеко.

Когда снова почти настиг выдру и попытался приторможить для выстрела, она опять нырнула в снег. Я тоже схитрил. Не тратя времени на бесплодное перемешивание снега, принялся ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами каждый уголок леса. К моему удивлению, сколько я ни вглядывался, ни выдры, ни ее следов не было, она словно провалилась сквозь землю.

Прочесал тайгу внутри большого круга, расширил границу поиска, однако выходного следа так и не нашел. Дело близилось к вечеру, и пора было возвращаться к зимовью, тем более что в одном свитере, без телогрейки, я основательно замёрз. Обошел в последний раз окрестности и, совершенно окоченев, повернул обратно, чертыхаясь, досадуя на себя. И тем не менее я не мог не оценить сообразительности выдры. Ее осмысленное поведение вызывало симпатию и уважение. Два раза провела меня, да так ловко!

Я подобрал телогрейку и с трудом втиснулся в нее — на морозе она встала колом. К палатке подъехал в густой темноте.

Лукса варил мясо, а на печке по-домашнему монотонно сипел чайник. Выслушав мой рассказ о том, как находчиво провела меня выдра, старый охотник участливо сказал:

— Шибко не расстраивайся. Выдра самый умный зверь в тайге. Однако много зим еще у тебя. Придет время — объегоришь. Помню, однажды мои собаки выдру под корягой причуяли, а взять боялись. Одна сунулась, да выдра так лапой саданула, что кожа с носа обвисла. Стрельнул я, а хитрюга с другой стороны коряги выскочила и к полынье. Собаки за ней. В клубок переплелись. Визжат, рычат и к воде катятся. Стрелять боюсь — собак зацепишь. Так и ушла, елка-моталка.

— Лукса, ты вчера мои «амбарчики» на ключе смотрел. Ну и как?

— Смотрел. Молодец. Все правильно делаешь. Места выбираешь подходящие, как учил.

— Почему же тогда соболь не идет? Может, надо пахучие приманки попробовать...

— Если соболь идет на приманку, то идет на лубую. А если не идет, что хочешь клади, не тронет.

Надо ждать, когда соболя тропить начнут. Тогда они и наши будут.

— Так три недели уже, а я еще ничего не поймал.

— Не спеши. Ходи больше, «амбарчики» подновляй. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлет удачу.

## ЛЮБОПЫТНЫЙ «ХОЗЯИН»

Хор наконец встал. Повсюду торосы. Лукса ушел в стойбище за продуктами, а заодно «погулять маленько».

К обеду, после обхода пустых ловушек, настроение было пасмурным. Решил продолжить путь вниз по Хору до «Разбитой». На этом месте от Хора отбивается несколько протоков, которые, опираясь в отвесные скалы, опять сливаются и возвращаются в основное русло, образуя длинный залив. Лукса рассказал, что глубина в нем достигает одиннадцати метров, и живет там громадный таймень. Когда он идет поверху, во все стороны «усами» расходятся полуметровые волны. Сети таймень этот пробивает, как мокрые бумажные салфетки. Леску рвет, как паутинку. Все попытки поймать его не имели успеха. Понятно, что я был заинтерегован рассказами о таймене-великане и давно собирался хотя бы взглянуть на это легендарное место.

Километра три прошел легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой густой, что приходилось буквально протискиваться между стволами. Измотавшись вконец, повернул от уже близких скал Разбитой обратно. Пройдя шагов сто, остолбенел: по моей лыжне и рядом с ней появились следы тигра. Взбитая мощными лапами белая траншея переливалась холодным мерцающим зимнего солнца. Даже по следу чувствовалась необыкновенная сила животного.

По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, лоб покрылся испариной, руки непроизвольно сжали ружье. Я остановился, озираясь и всматриваясь в темнеющий лес. Было ясно, что зверь шел за мной и скрылся в чаще, заслышав, что я иду навстречу. Не видя, а только чувствуя присутствие зверя, в панике хотел было взобраться на дерево, но рассудок подсказал, что на дереве, без движения, я быстро оконеченю.

Пересилив страх, разглядывая каждый куст, каждый выворотень, словно именно там загаился лютый хищник, с лихорадочной поспешностью пошел к ставищу.

Через несколько дней я опять проходил по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда по следам стало ясно поведение тигра. Полосатый бред по лыжне около километра. Было видно, как он ходил вокруг снежных хаток, издалека заглядывая внутрь канала, не тронув, к счастью, приманки. Я благодарил провидение за то, что тигр не полез за ней, ибо трудно вообразить, что было бы, если бы капкан защемил ему нос или лапу. Ведь обоняние у тигра, по словам Луксы, «как у человека». Такое поведение грозного хищника еще раз говорило о его уме и осторожности.

Когда я повернул вспять, тигр сошел с лыжни и, не останавливаясь, полез по расщелине вверх, не помышляя о нападении. Ему просто любопытно было, чем в его владениях занимается горемыка-охотник.

## ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, а Луксы все нет. Когда наконец он вернется? Вдвоем-то веселее. Хорошо, хоть Индус со мной. Все же живая душа.

Продукты кончаются. Крупы осталось на два дня. Сахара — на день. Вдоволь только воды — целый ключ, студеный и прозрачный. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с березы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый черный нарост — чагу. Чай из этого гриба хоть и не сравнишь с ароматом индийского, но довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его лечебными свойствами. Удэгейцы используют чагу при недомоганиях и опухолях. Кроме того, присыпкой из размельченного гриба ускоряют заживление гнойных язв.

На следующий день вернулся с обхода пораньше. Тех нескольких поленьев, что оставались, едва хватило бы вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу «тебе-мне», для которой в данном случае больше подошло бы название «мне-мне», и пошел искать подходящее дерево.

Пилить толстые сухостойные кедры одному неподручно, и я остановил свой выбор на сухой, выбеленной солнцем ели. Тщательно обтоптал вокруг снег и вонзил стальные зубы пилы в звенящий ствол. Из него дружными стайками полились опилки. Душистые кучки быстро росли. Когда оставалось пилить несколько сантиметров, я попытался повалить дерево в нужном направлении, раскачивая ствол равномерными толчками. Макушка ели заходила как маятник.

И вдруг, отклонившись в мою сторону, дерево оглушительно треснуло и стало медленно падать. Я ошалело рванулся вверх по склону, утопая в снегу, разрывая гибкие ветки кустарников.

До сих пор не пойму, почему я побежал вверх, а не вниз. Наверное, инстинктивно кинулся к своему убежищу — палатке. Ель в этот момент с шумом легла на могучие лапы кедра. Они, низко прогнувшись, спружинили и отбросили ствол, унизанный сучками, прямо на меня. Я почувствовал тупой удар в спину и в то же мгновение был впрессован в мягкий, как вата, снег.

Некоторое время лежал неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула нарастающая боль в позвоночнике. Беспокойство и страх овладели мной. Неужели конец? Так глупо! Но, пошевелив сначала руками, потом ногами, смекнул, что не пришло еще время «великой перекочевки», и от сознания, что со мной ничего непоправимого не произошло, проснулась надежда. Ствол, плотно придавивший спину, стеснял движения, но руки были свободны. Я стал осторожно отгребать снег — сначала вокруг головы, потом, с трудом протиснув ладонь, из-под груди и живота. Колючие кристаллы жгучими струями вливались в рукава, за воротник. Лезли в лицо, набивались в рот, мешая дышать, но я отплевывался и не замечал этих неприятных мелочей, впервые в жизни радуясь, что завален снегом, что он тает, тает на разгоряченном теле, пропитывая освежающей влагой одежду. Я прекрасно понимал, что именно снег мой спаситель, а случись подобное летом... Вскоре я, мокрый, но целехонкий, восседал на лесине, только что чуть меня не погубившей. Сидел и радовался. Упади ель чуть выше, острые сучья пронзили бы меня насквозь. Мне невероятно повезло.

А к вечеру еще одна радость — со стойбища пришел Лукса.

## БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Гип, гип, ура!!! Лед тронулся! Я добыл первую в своей жизни пушнину.

Утром, как обычно, пошел проверять капканы. Валил густой снег, а ветер гонял по реке спирали смерчей, мастерски заделывая неровности в торосах. В общем, погода была «веселая». Даже осторожные косули, не ожидавшие появления охотника в такое ненастье, подпустили меня почти вплотную и, испуганно взметнувшись с лежки, умчались.

Подойдя к капкану, установленному у завала, часто посещаемого колонком, увидел, что снежный домик пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке горит факелом огненно-рыжий колонко со злобной хищной мордочкой в черной «маске».

Я ликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы схватить зверька за шею, но он пронзительно заверещал и, сделав молниеносный выпад, отважно вцепился мертвой хваткой в рукавицу. Быстро перебирая острыми зубами, колонок захватывал толстую ткань все глубже и глубже. В нос мне ударил острый неприятный запах, выделяемый этим зверьком в минуту опасности. Маленькие глазки сверкали такой неистойвой злобой, что я невольно отдернул руку, оставив рукавицу у него в зубах. Умертвив зверька с помощью «заглушки», положил добычу в рюкзак. Безусловно, мне было жаль колонка, но для промысловика охота — это работа.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из нее высунулся Лукса. По моему просветленному лицу, сияющим глазам он сразу догадался, что добрый Пудзя наконец вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же сегодня более редкостные трофеи: на перекладине размораживались две непальские куницы харзы. Их головы были обернуты тряпочкой — «чтобы другие звери не узнали, что пропавшие куницы в наших руках». Делает это Лукса по привычке, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Попались зверьки Лукса на приманку в «домиках», отстоящих друг от друга на расстоянии двухсот метров. Как и всякая куница, харза одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Выделяется же она своей необычно пестрой окраской, которая может соперничать с самым ярким нарядом жителей тропиков. За время охоты я ни разу не встречал даже следов харзы и был поэтому крайне удивлен.

— Ты небось секретный способ знаешь? Как сумел сразу пару поймать? Ведь их на весь Буге, пожалуй, не больше двух? — спросил я.

Лукса прищурился, пряча снисходительную улыбку.

— Эх ты, охотник! Харза-то одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются по три, четыре. Кабаргу они любят, а вместе легче обгореть. Одна вперед гонит, вторая сбоку и к реке прижимает. На лед кабарожку выжмут и грызут. Весной по насту три-четыре харзы даже изюбря загрызть могут.

Последний день осени стал переломом в охоте. После сильных снегопадов соболя начали, наконец, тропить. Как сказал Лукса — Пудзя все видит, Пудзя не обидит терпеливого охотника.

Утром старый промысловик повел меня к Разбитой, где вчера видел много тропок, чтобы на месте показать, как ставить капканы на подрезку. Шли долго. Я все время отставал.

— Хорошо ходи. Такой большой, а отстаешь, — недовольно бурчал Лукса. Он был не в духе. В таких случаях старик становился насмешливым и начинал ехидничать, а если попадал в точку, то распался еще пуще.

— Что это за яма? — не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь?!

— Не крути хвостом, как росмаха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить, учитель, эту ямку сделала белка, откапывая кедровую шишку.

— А может, кедровка, — заманивая меня в «западню», возразил Лукса.

— Никак нет, учитель, — съехидничал я. — Кедровка разбрасывает снег на обе стороны, мотая головой, а белка снег отбрасывает лапками назад. Это раскопки белки. Она чует запах кедрового ореха сквозь метровую толщу снега, — без запинки оттарабанил я.

— Молодец, елка-моталка. Тебя не купишь, — рзвеселился Лукса, одобрительно похлопывая меня по спине.

Под Разбитой стали появляться сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый следопыт, Лукса наметанным глазом сразу отмечал: «Это двойка, это тройка». А я никак в толк не возьму, каким образом, по каким приметам он определял, сколько раз тут прошел соболю. Вроде ничем тропки не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это? Видя мое недоумение, Лукса пояснил:

— Одинокий след — широкий, глубокий, нечеткий, а на тропке след мелкий, ясный. — И сразу стал показывать, как ставить капкан на подрезку.

Понаблюдав, как Лукса маскирует ловушки, я полез через протоки на сопку закреплять урок на практике. Продираясь сквозь пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными лианами коломикты и аргуты, здорово умаялся. Зато на скосе длинного отрога меня ожидали первые тропки. На дне ключа уже стоял густой сумрак, и я едва успел насторожить два капкана. Первый — на горбатом увале, там, где соболю поймал и съел сразу двух мышей, а второй — в начале крутой долины. Когда выезжал из ее устья, врезался в самую гущу аралий и при падении сильно оцарапал лицо о их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этого безжалостного, густорастущего дерева. Высотой оно обычно три-четыре метра. Ствол голый, без ветвей и сплошь утыкан прочными, как сталь, шипами, напоминающими соболю клыки. Если пройти по зарослям аралий несколько десятков метров, то от одежды останутся рваные лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Хватит дурака вальять. Тропки, тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Вот это день! Вот это удача! Лесные духи с несказанной щедростью одарили меня за упорство и долготерпение. Но все по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, размашисто зашагал проверять капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому. Капкана на месте не было. Снег вытопан, а посередине лежит

ветка. Сердце екнуло: опять не повезло — оторвал потаск и ушел! Но, овладев собой, стал разбираться. Вижу, одинокий след пересек лыжню и потерялся подле опрятных елочек. Пригляделся. Да вот же он! Свернулся, родимый, клубочком, голову на вытянутые задние лапы положил и застыл. На фоне снега пушистая шелковистая шубка казалась почти черной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы была покрыта короткой, более светлой шерстью. Добродушная мордочка напоминала миниатюрного медвежонка. Хвост недлинный, черный. Лапы густо опушены круглыми жесткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поражает своей несоразмерностью с величиной зверька. Он даже крупнее следа лисицы.

Некоторое время я благоговейно глядел на предмет моих мечтаний и привыкал к мысли, что поймал соболя. Потом, так и не сумев до конца поверить в свое счастье, вынул зверька из капкана, ласково погладил шерстку ладонью и, окрыленный, помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. Пятая опять заставила поводноваться. Снег вытоптан, перегрызенный пополам потаск валялся рядом. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашел его в соседней ложбине в щели между обнаженных корней кедра. Соболю так глубоко втиснулся в нее, что я еле вытащил его оттуда. И вовремя — мышинный помет посыпался прямо из шубки. К счастью, мех попортить грызуны еще не успели. В седьмом капкане снял третьего. Эту ловушку я привязал прямо к кусту, без потаска. Соболю, бегаю вокруг него, перекрутил цепочку восьмерками и оказался вплотную притянутым к кустарнику, как карабас-барabas бородой к сосне.

Мой рюкзак тяжелел от капкана к капкану. Оставалось еще два непроверенных, но я совершенно потерял чувство реальности и был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако на том месте, где стояла ловушка, вновь была вытоптана площадка и на ее краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболю-самец кофейного цвета. На обратном пути проверил шесть капканов на приманку. Пусто. Пустяки. Рюкзак и так под завязку набит!

Вернулся с фартового путика пораньше, чтобы успеть приготовить достойный такого случая стол. Сварил наваристый мясной бульон. Поджарил на сливочном масле четырех рябчиков с луком, перчиком.

Лукса, придя с охоты, был озадачен, увидев, что ужин готов, и успокоился только после того, как я объяснил ему причину торжества.

— Пусть удача приходит чаще, ноги несут до старости, глаз не знает промаха, — с чувством сказал охотник, принимаясь за еду. — В жизни не ел ничего вкуснее, — нахваливал он, смачно обсасывая ножку рябчика.

## ШАТУН

Громкое карканье известило о наступлении утра. Черные, как смоль, дармоеды слетелись на лабаз, пытаясь поживиться за наш счет. Пират и Индус, обычно разгонявшие их залившимся лаем, прятались от трескучего мороза в пихтовых гнездах, занесенных

снегом. Как только из трубы показалась голубая струйка дыма, вороны проворно скрылись в чашобе.

Я сделал новый кольцевой путик вдоль левого и правого склонов Буге. Лыжня прошла по самым крутым сопкам. Поэтому путик получил название «Крутой».

Верхний конец путика достигал зубчатого гребня водораздела Буге — Джанго. С него было видно, как до горизонта огромными волнами дыбились горы, подпирающие ослепительно белыми шапками густосиний небосвод. Воздух настолько чист, что, казалось, протяни руку — и дотянешься до соседней вершины. Пронизывающий верховой ветер, однако, поторапливал к спуску. Новый путик порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Завтра надо все капканы переставить на подрезку.

Хотел поделиться с Луксой своими планами, но тому было не до меня. В четырех километрах от палатки его лыжню пересек доходяга-медведь. Пройдя по лыжне метров сто, он провалил снег всего в двух местах. На отпечатках лап — пятна крови. Это шатун — зверь-смертник. Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе спокойной охоты не будет. Шатун ничего не боится. Он может разорить лабаз, залезть в палатку. Встреча с шатуном в одиночку грозит окончиться трагически — терять ему нечего.

К охоте готовились обстоятельно. Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик — хо-хо! Я настороженно прислушался: что происходит?

— Хо... — глухо отозвались сопки.

— Лукса, чего кричал? Что случилось? — обеспокоенно спросил я, когда он вернулся.

— Ничего не случилось, — невозмутимо ответил охотник. — Прогноз по радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмем, — заключил он уверенно и, раскурив трубку, задумался.

— О чем думаешь? — потревожил я его.

— Вспоминаю. Раньше ведь как было? Перед большой охотой к шаману с белым петухом шли. Шаман надевал кожаную шапку с рогами. Лицо закрывал маской хамбабой. На пояс вешал спереди — кости медведя, сзади — железные погремушки. Бил в бубен и в тайгу вел. Там большой костер жгли. Котел с водой вешали. Вокруг костра чучела из травы ставили. Шаман вокруг них бегал, кричал: «Со-сок-сок, кси-кси-кси». Мы чучела копиями протыкали и в костер кидали. Пахучим багульником дымили. Так злых духов прогоняли. Как вода закипит, петуха живьем бросали — Пудзе подарок делали. Потом на охоту шли...

Утром натягивал меховые носки, как вдруг совсем рядом, за тонким брезентом палатки, тишину разорвал душераздирающий собачий визг. Необутые, едва успев схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше все произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать. Не успел я оглядеться, как услышал выстрел. Бросившись за палатку, увидел метрах в двадцати от меня силуэт медведя, который отбивался от наскокивающего на него с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко увертывалась от когтистых лап. Рядом с медведем в неестественной позе лежал окровавленный Индус.

Первая пуля Луксы пролетела мимо. Увидев нас, медведь бросился наутек, не обращая внимания на собаку. Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. Глухие шлепки пуль говорили о том, что они



достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько прыжков, обмяк, сдавленно охнул, повалился набок и затих без обычной агонии. Жизнь горячей струей крови уходила в снег.

По обычаям удэгейцев, когда убивают медведя, об этом прямо не говорят. Поэтому мне была понятна фраза, брошенная Луксой:

— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошел подземной тропой в нижнее царство.

Осмотрели добычу. Это был здоровенный, но крайне истощенный самец. Исхудал он до такой степени, что кожа свисала складками. Шерсть темно-бурого цвета местами слиплась от кедровой смолы. Голые, неприспособленные к морозам ступни лап были в трещинах и кровоточили.

В горячке мы забыли, что выбежали в одних носках, но мороз быстро напомнил об этом и погнал в палатку обуваться-одеваться.

Наша радость омрачилась гибелью Индуса. По следам восстановили картину трагедии. Шатун по лыжне вышел к палатке. Неслежавшийся пушистый снег хорошо скрадывал звуки его шагов. Под берегом он осторожно подкрался к ничего не подозревающим собакам. В два молниеносных прыжка достал их и страшным ударом лапы разрушил пихтовую конуру, разможив череп Индуса. Схватил его пастью и опрометью бросился в лес. Но уйти ему помешал рванувшийся на выручку Пират.

## ОДО АКИ

Выйдя из палатки, чуть не задохнулся от мороза. В лесу шла перестрелка лопающихся деревьев. От этих «выстрелов» по тайге несется свистящее шуршание, будто сказочный Змей Горыныч пролетел.

Чем выше поднимался по ключу, тем чаще встречались наледи — характерное явление для горячих ключей. Зимой во время сильных морозов многие из них промерзают до дна, и грунтовая вода сочится сквозь камни и гальку берегов. Дымящимися родничками вытекает на поверхность льда и разливается, намерзая слой за слоем. Наледи порой заполняют всю долину на высоту до полутора метров. Там, где наледь кончается, зачастую можно увидеть красивые бугристые ледопады. Они, не успевая растаять весной, белеют местами среди зелени чуть ли не до июля.

Впереди меня ожидал приятный сюрприз. Я шел по дну промерзшей протоки и вдруг обратил внимание на черное пятно, резко выделявшееся на белом снегу посреди низкой излучины. Кабан?.. Вертлявый хвостик развеял сомнения. Дальше виднелось еще несколько темных спин. Табун безмятежно пасся на хвоще.

Кабан изредка поднимал длиннорылую голову с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, он прислушивался, и голова опять исчезала. До моего слуха доносилось невнятное чавканье.

Вот это встреча! — обрадовался я. Снял ружье, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и, оглашая тайгу пронзительным визгом, в панике рассыпался в разные стороны. А раненый зверь волчком завертелся на месте. При этом он поднял такое густое облако снежной пыли, что на некоторое время скрылся в нем.

Осторожно подойдя ближе, я выпустил еще две пули. Жизнь не хотела покидать сильное тело. Кла-

дая клыками, секач попытался приподняться на слабеющих ногах, но упал. Волной пробежала предсмертная дрожь, и кабан затих.

Пока зверь не остыл, немедленно начал свежевать. Дело это непростое, так как к началу гона у самцов под кожей образуется хрящ, или, как говорят охотники, — «броня». Она защищает вепря от клыков соперника.

Лукса закричал от удовольствия, узнав, что я принес кабанятинки. Большой любитель свеженины и ритуала, предшествующего ее отправлению в желудок, он споро обжарил печень, мясо, сварил бульон, и мы сели трапезничать. Скворода быстро опустела. Обглоданные кости Лукса бросил собаке.

— Держи, Пиратка. Может быть, твоего обидчика едим. — И, обращаясь ко мне, пояснил: — Два года назад секач ему тут все брюхо распорол. Думал, пропала собака. Хотел пристрелить, чтобы не мучалась. Ружье поднял, а она смотрит так преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принес. Взял с лабаза полосу сухожилий с хребта изюбря — своей бабке приготовил улы шить. Наделал ниток. Пасть стянул веревкой — опасался, кусаться будет, — и заштопал брюхо. Заросло. Живучий собака, — весело засмеялся охотник.

— Лукса, а как из сухожилий нитки делать? Жилы ведь толстые.

— Высохшие жилы видел? Они на тонкие стрелки сами делаются. Самые хорошие нитки с ног получаются. С хребта тоже хорошие, но слабее...

Было уже около десяти, когда мы услышали приближающийся ритмичный скрип легких шажков. Возле палатки они стихли. Я спросил:

— Кто там?

— Своя, своя люди, — негромко и спокойно ответил голос. Послышалось, как пришедший тщательно отряхивается от снега.

— Нибида эмэктэ? <sup>1</sup> — повторил вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся, и на черном фоне показался удэгеец. Я сразу узнал вошедшего, хотя шапка-накидка, редкие усы и борода его были покрыты густым инеем. Это был одо Аки — девушка Аки.

— Багдыфи <sup>2</sup>! Би <sup>3</sup> мал-мало гуляй. Отдыхай ноги надо, — тихо проговорил он, входя в палатку.

— Здравствуй, однако, — сказал Лукса, уступая место старику.

Я пересел к выходу, подбросил дров в печку. Аки сел на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдергивать из жиденькой бородки ледышки.

— Ноги туда-сюда мало ходи, мало лови, — с досадой посетовал он.

Я сочувственно кивнул головой, а про себя подивился: в семьдесят восемь лет он прошел двадцать пять километров от своей избушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!

Поев, Аки совсем повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с чистой и ясной, как ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов Уссурийского края, которых застали еще его первые исследователи.

\* Нибида эмэктэ (удэг.) — кто пришел?

\* Багдыфи — здравствуйте.

\* Би — я.

Я познакомился с ним в Гвасюгах, когда искал с Луксой по стойбищу старинные предметы охоты и быта. У меня уже были интересные приобретения: копыта разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения. Кожаные сумочки, шапка, ножны, расшитые разноцветными узорами.

Раньше удэгейцы на своей одежде вышивали цветной орнамент с тонким изящным рисунком на разные мотивы. Глядя на эти изделия, восхищаешься мастерством и высоким художественным вкусом вышивальщиц. Колоритные вещи! К сожалению, в Гвасюгах оставалось только несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения вышиванием почти уже не занимаются.

Находок было немало, но я мечтал пополнить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубен в стойбище был только у Аки.

Постучались к нему. Нас встретил сам хозяин, укладывавший сухую мягкую траву хайкта в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто. На мою просьбу он ответил категорическим отказом и даже убрал с полки сэвохи — деревянные изображения удэгейских духов. После долгих переговоров с Луксой старик согласился лишь показать бубен. Достав берестяной чехол из-за шкафа, Аки вынул бубен и любовно погладил тугую шкуру. Несколько раз, с расстановками, ударил, жадно вслушиваясь в вибрирующие звуки, и протянул мне.

Бубен был яйцевидной формы. Кожа, натянутая на каркас, имела несколько заплат. Держат бубен на весу с помощью двух скрещивающихся на середине ремешков, сплетенных из сухожилия. Удары наносятся гёу — кривой колотушкой, обтянутой шкурой выдры. Обычно используется короткий и жесткий мех с хвоста. Прежде чем шаманить, бубен прогревают в струях теплого воздуха — чтобы кожа натянулась как мембрана. Звуки, издаваемые бубном, низкие, мощные, сильно действуют на психику. На душе от них становится тревожно. Человеком овладевают смутение и готовность повиноваться. Кажется, что это голос предков, давным-давно ушедших в иные миры.

...Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Достал сахар. Аки от него наотрез отказался.

— Чай вкус теряй, — заявил он.

За чаепитием я долго расспрашивал Аки о его жизни. Великолепная память старика сохранила много любопытного, меня особенно поразила точность его зрительной памяти. Когда разговор коснулся тигров, Аки пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Простый охота два съел. Теперь последний чуть-чуть не давил. Моя увидел — ушел. Страх любит собака. Собака ест — пьяный ходи.

— Как думаете, Аки, почему тигр на человека перестал нападать? — поинтересовался я.

Аки глубоко задумался:

— Моя так думай: люди закон делай, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — тоже свой закон прими.

От такой неожиданной наивности я невольно рассмеялся. Старик пристально посмотрел на меня.

— Почто смеешься? — спокойно спросил он. — Твоя не знай, как куты-мафа люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, все понимай...

— Аки, а вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал он.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски. Старик понимающе закивал:

— Я так знай: умри — под земля ходи жить. Под земля все живи. Река, тайга, звери, нижний люди. Только обратно живи. Наше лето — их зима, наша весна — их осень. Моя туда скоро ходи. Дальний котомка мамка готовил. Мамка знает, что ложи, — убежденно закончил он.

— А как вы попадете туда? — не унимался я.

— Тропа найду — лыжня знай.

— Какую лыжню? — не понял я.

— На небе звездную тропу замечал? Там, где она в горы упирается, там и лыжня в землю уходит...

## ХУДАЯ ВЕСТЬ

Лукса с одо Аки ушли в стойбище встречать Новый год. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских приятелей. Мне же не до праздников. Нужно работать и работать. План горит.

Вечером превратил палатку в баню. Загрузил полную топку смолистых поленьев. Поставил воды. Докрасна раскопегарил печь и помылся возле выхода. После такой, казалось бы, несерьезной парилки я почувствовал себя словно заново рожденным. Никогда не думал, что кастрюля воды может так освежить.

Первое января. Где-то еще собираются на новогодний бал во дворцы и дома культуры нарядные женщины, наутюженные мужчины, а за тысячи километров от них, в глухой тайге уже встает бородатый дядя, продирает глаза...

Возвращаюсь по-прежнему без добычи. Обходят соболя мои капканы. Что-то я не так делаю. Кабарожка, что ходила в верховьях ключа, стала добычей ловкого соболя. Случай небезынтересен уже тем, что маленький хищник сумел справиться с оленем, значительно превосходящим его по размерам.

По следам я восстановил, как это произошло. Соболю подполз к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь ее, но кабарга успела отскочить в сторону и помчалась по ущелью. Соболю бросился вдогонку. Так они бежали, петляя в лесу, метров четырехста. В раздвинувшемся устье ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше виднелся след одной кабарги. Она, обезумев, отчаянно металась со страшным всадником на спине, пытаясь сбросить его с себя, прыгая в сторону, через голову, падая на спину, но это ей не удавалось. Тем временем цепкий наездник, опьяненный кровью, все глубже и глубже вонзал острые, как шило, клыки в шею, разрывая жилы и вены жертвы. Постепенно прыжки кабарги стали короче. Снег обагрился кровью, кое-где ваялись клочья шерсти. Изнемогая, олешек перешел на нетвердый шаг. Дважды падал, но поднимался. Наконец завалился набок, и, судя по примятому снегу, здесь произошла борьба, исход которого был предreshен. Долина в этом месте узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами, тело кабарожки приметно издалека.

Соболю уже дважды приходил сюда кормиться. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на нашем участке.

Я осторожно вырезал на брюхе кабарожки мешочек с мускусной железой — «струю» — размером с ку-

риное яйцо и убрал его в карман рюкзака. Охотники считают настойку из выделений «струи», представляющих собой бурую кашецеобразную массу, хорошо тонирующим средством.

Уходя, замаскировал на сбежках две ловушки. Прикормившийся соболь обязательно придет к кабарге еще не один раз.

Из стойбища пришел одо Аки и принес плохие вести: Луксу положили в больницу с язвой желудка. Как бы не пришлось мне одному сезон завершать.

Одо Аки невозмутимо допивал очередную кружку чая. Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и шлепнул себя по седой голове.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: если он скоро не ходи, ты его капканними. Однако шибко неними. Лукса живот обманн, тайга ходи. Я его знай.

Прошло двадцать дней, как Аки ушел на свой участок. Но за все это время ни одна западня не порождала меня вытоптанной ареной. Удлинил пугик, перевалив на соседний ключ. Нашел прекрасные тропки, на которых выставил все ловушки, и сразу повеселел. Надежда оживила охотничье сердце. Но не только это подняло настроение. Я сошел с проторенной дороги, чтобы попасть в неизведанный уголок. Наградой тому были десятки ярких, незабываемых впечатлений. У этой потребности души есть и другая сторона. Думается, человек по-настоящему живет, только находясь в новой, необычной для себя обстановке или попав в более трудные условия. А все остальное время он живет по отработанному стереотипу, почти бессознательно, повинуюсь привычкам.

## НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Необычно теплый день для января. На козырьке палатки, как весной, наливаются солнечным светом и, набрав силу, падают переливчатые капли. У меня потепление особых восторгов не вызывало. Ночью подморозит, снег зачерствеет твердой коркой, образуя наст, и соболя вообще перестанут тропить.

Для разминки прошелся по ключу. Подходя к первому капкану, издали увидел: кто-то метнулся за дерево. Это был соболь. Мускулистое тело рвалось в глубь тайги, прочь от страшного места, но «челюсти» ловушки держали крепко. В неуемной ярости соболь набрасывался на «врага», бешено грыз железо, кроша зубы. Однако все усилия освободиться были тщетны. Капкан бесстрастно брякал и не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым так близко... В движении он намного эффективней. Грациозный, ловкий.

Достал ФЭД, сделал несколько снимков. Потом прижал соболя рогулкой и, взяв в руки, хорошо разглядел. Оказывается, глаза соболя на солнце — лучисто-изумрудного цвета, а в тени они похожи на спелые черные смородинки. Взгляд бесстрашный, мордочка благодущная. Никогда не подумаешь, что перед тобой отъявленный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я пальцами левой руки нащупал сердце и сжал его. В выразительных глазах соболя, еще более почерневших от боли, появилась недоумевающая скорбь, как у человека, смертельно раненного другом. Не было в них ни злости, ни страха. Только удивление и укор. Сжатое сердце, устав биться, сокращалось едва заметно. Тело обмякло, го-

лова поникла, ноги вытянулись. Глаза затуманились, стали тусклыми, невыразительными.

Этот пронизывающий душу взгляд, это ужасное превращение ловкого, полного жизни зверька в безвольное существо, все перевернуло во мне, и я разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял упавшую было набок голову. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. Даже не царапался. В такие минуты, наверное, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки в такой же ситуации. Та до последней секунды злобно шипела бы, щерилась, попыталась бы при первой же возможности вцепиться в любое доступное ей место зубами и когтями. Соболю же прекрасно сознавал, что противник намного сильнее, а все старания освободиться унизились и бессмысленны.

Я внезапно почувствовал, что потеряю уважение к себе, если убью этого зверька. Решение пришло мгновенно, без колебаний. Положил соболя на снег. Ввел затвор фотоаппарата и, придавив зверька ногой, руками развел дужки. Соболю не заставил долго ждать. Встрепенулся, вскочил на лапы и небольшими прыжками, не оглядываясь, побежал в глубь тайги, а мои руки еще долго хранили тепло шелковистой шубки.

В этот день меня одолевали сложные чувства. Благодарство боролось с расчетливостью.

Но летом, когда тоска по тайге, охоте особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и в этот момент перед мысленным взором возникает одна и та же картина: темно-коричневый соболек, бегущий по искристому снегу. На душе сразу становится легко и радостно, как будто повидался со старым другом...

Ходить по тайге, в сравнении с осенью, стало заметно легче. Пышная толща снега надежно укрыла многие преграды: поваленные деревья, кустарники, камни, ямы. Чтобы ускорить спуск с перевала, я сиганул, вздымая каскады снега, с обрывистой кручи напрямик и у самой подошвы угодил в рытвину, замаскированную снегом. Лыжи изогнулись, предательски застресали и... переломились пополам прямо перед самой ступней. Закинув обломки на плечо, пошел по лыжне пешком, а до палатки тринадцать километров! Как на одну ногу обопрешься, так сразу провалишься под самый пах. Упираясь руками, с трудом вытаскишь тело наверх, но со следующим шагом все повторяется.

Проковыляв несколько сот метров, взопрел, ноги гудели от адской нагрузки. Так дальше идти было немисливо. Что же придумать? Пораскинув мозгами, срубил тесаком ольху. Приготовил из нее две плоские плахи. Сзади и спереди стесал на нет и прибил их массивной рукояткой прямо на камус. (Коробочка с гвоздями, веревочками, проволочками у меня всегда с собой.) Получилось неплохо. На этих лыжах я так до конца охоты и проходил.

Этот случай еще раз доказал, что из любой, даже самой неожиданной ситуации есть выход. Главное, не растеряться.

Проходя мимо памятной протоки, где я завалил секача, свернул, чтобы пополнить запасы мяса. К туше сбегались соболю тропки: крупные следы самцов и миниатюрные самочки. Снег, которым я засыпал вепря, с трех сторон разрыт. Вот ведь закавыка — не знаю, радоваться или расстраиваться.

Соболя по каким-то неуловимым особенностям от-

личают следы сытого зверька и по ним находят место, где можно пожить. Поставил на подходах к мясу все четыре капкана, что были у меня с собой. Кабатиной пришлось пожертвовать. В крайнем случае воспользуюсь мясом секача, погибшего во время урагана.

Вечером, после ужина, я ремонтировал крепление лыж, рукавицы, брюки. Все уже изрядно обтрепано, но надо как-то дотянуть до пятнадцатого февраля — конца сезона. От того, что скоро домой, и радостно, и грустно.

## НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ура-а! Ура-а! Лукса пришел! Изрядно исхудавший, но веселый. Тут же с неумемной радостью носился по стану поджарый Пират. Тоже отошал на гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза увесистую кетину. Собака с вожделием потянулась, изогнув спину, выбросила далеко вперед лапы, благодарно лобызнула меня и жадно набросилась на любимое лакомство. Лукса тем временем рассказывал:

— Немного подшаманили и — ладно. Хотели еще неделю продержаться. Но я задыхаться стал в каменном мешке. По ночам тайга снилась. Никак нельзя охотнику без тайги. Панты вот принес, — достал он бутылочку с густой темно-коричневой жидкостью, — панты и Буге быстрее вылечат, — молодежато заключил охотник.

Допоздна сидели с Луксой, делясь впечатлениями. Нам было о чем поговорить. Лукса был возбужден возвращением, а я истосковался по живому общению и ждал от него ответов на многие вопросы и сомнения. Разговаривая с ним, невольно прислушивался к своему голосу. Первое время мне казалось, что говорю не я, а кто-то другой. Настолько отвык от речи.

Утром Лукса быстро оделся и, позавтракав, ушел откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и шел по Глухому. Он вполне оправдал свое название. На нем действительно все глухо. Даже ни одного свежего следа не появилось.

Эхо сегодня в сопках бесподобное. Особенно хорошее в конце Глухого, от подножия сопки, на которой растет редкое дерево, внешне напоминающее что-то среднее между елью и кедром. Называется оно тис, или «негнойное дерево».

Тис — самое древнее, но, к сожалению, вымирающее дерево. Относится оно к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на крупные ягоды рябины, тис еще называют елью с красными ягодами. На своих путиках я видел тис только в двух местах. Здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому.

С обхода я пришел раньше обыкновенного, ибо давно собирался порыбачить на яме под склоном напротив становища. Наскоро попив чаю, спустился на лед. Разгреб улами снег, и из-под лезвия топора полетели прозрачные осколки. Через пятнадцать минут лунка была готова. Опустил в непроницаемую воду «краба» и склонился, подергивая леску, в ожидании. За полчаса ни одной поклевки. «Надо бы перейти на границу между спокойной водой залива и стремительными струями реки. Там должна быть рыба», — заколебался я, но резкий рывок отвлек от раздумий.

Тотчас подсек и, перехватывая, потянул леску на себя. Она натянулась и врезалась в пальцы. Сильная рыба сопротивлялась отчаянно, но все же это был не пудовый таймень, с которым довелось тягаться на Арму лет шесть назад. Вскоре холодный упругий ленок, отливая пятнисто-коричневой чешуей, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил еще двух. И после этого — как обрезало, клев прекратился. Я закинул рыбу на лабаз домораживаться, а к ужину Лукса приготовил отменную талу. Тот, кто ел, подтвердит — в мире нет ничего вкуснее.

Приготовить ее может каждый. Необходимо только поймать ленка, а еще лучше тайменя. Острым ножом отсекается голова и хвост. Вдоль спины и брюха шкура надрезается. Пальцами ухватывают ее за края и сдирают с обоих боков. Затем от хребта отделяется бело-розовая мякоть и нарезается тонкая янтарно-жемчужная лапша. Ее посыпают солью, перчиком, сбрызгивают уксусом, перемешивают и немного подмораживают. Все. Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я не едал. Кладезь шепотку тонких ломтиков на язык, и во рту тает что-то божественное.

## ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Сегодня планировал вернуться с охоты часа за два до захода солнца, чтобы просушить, вытряхнуть спальные и наколоть про запас дров, но соболев, не торопливо бежавший поперек ключа, спутал все мои карты.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался. Сколько проворства, изящества в его движениях! Соболек заметил меня и, почти не меняя темпа, пересек пойму и взобрался по обрывистому склону на уступ сопки. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но увы... Подъем, который соболев взял легко и быстро, я месил минут десять, увязая в сыпучей, как грубо размолотая соль, снежной крупе. Когда, наконец, мучительное восхождение закончилось, передо мной открылась еще более безрадостная картина — за пологим бугром вздымалась новая скалистая стена.

Карабкаясь на нее под гулкие удары сердца, разрывавшего грудную клетку, невольно вспомнил слова Луксы:

— Соболев от охотника никогда вниз не бежит. Всегда вверх уходит.

Одолев подъем, задыхаясь, побежал вдоль следа. Он вел поперек широкой трассы и по расщелине спускался в соседнюю падь. Делал там длинную петлю и, опять вернувшись на террасу, так запетлял, что моего охотничьего опыта было явно недостаточно, чтобы расшифровать эти письмена. Сделал попытку найти выходной след, но тщетно.

В сердцах плюнул и побрел к балагану соболевой стезжкой. Сначала я не обращал на нее особого внимания, но метров через двести стезжка неожиданно оборвалась у березы. Меня это озадачило. Обошел вокруг дерева — дальше никаких следов. У комля между корней чернел хорошо обозначенный лаз. По обледенелому кольцу было видно, что им пользуются довольно часто.

Я обтоптал снег у ствола, затрамбовывая возможные отнорки, и сунул в лаз горящую бересту. Дым вовнутрь не тянуло. Пошуровав в дупле палкой — ни

звука. Пошарил по углам — палка везде упиралась в твердую стенку. Провозился до сумерек, но соболь как в воду канул. Закралось сомнение, а здесь ли он? Может, верхом ушел? Но как тогда объяснить то странное обстоятельство, что нет сквозняка и дым не протягивает сквозь дупло. Быстро сгущающаяся темнота прервала охоту.

Оставил на ночь три настоженные ловушки и повесил небольшую сетку, чтобы соболь, запутавшись в ней, обязательно угодил лапкой в западню.

Вернулся поздно, но печь не топилась. Луксы еще не было, пока гадал, куда он запропастился, Лукса подкатил с полной котомкой. Принес выдру и соболя — быстро наверстывает упущенное.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к березе. Торопился, хотя мало верил, что мой беглец в капкане. Но напрасно. Соболь попался в ловушку сразу, как только попытался выйти из норки. Метнувшись в сторону, он запутался в сетке и, запеленатый, затих. Все же не зря накануне возился с ним. Этому трофею я радовался вдвойне, так как достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и заранее представлял растерянность охотоведа, который не одобрял решения директора о приеме на работу очкарика дистрофичного вида.

В амбарчике, где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И все повторилось по хорошо обработанному сценарию, в последней сцене которого я остаюсь с носом. Практичные соболя уже понаделали поблизости жилых нор и наверняка посмеиваются над незадачливым охотником, нагуливая жир на дармовом питании. Зло взяло. Сколько ж они будут дурачить меня! Выставил все капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал каждую ловушку и свои следы. Времени-то осталось в обрез — послезавтра на этом путике капканы снимаю.

## ПРОЩАНИЕ

Незаметно пролетели четыре месяца. Завтра выходим из тайги. Заранее предвкушаем жаркую баню, душистый березовый веник, просторную светлую избу, чистые хрустящие постели. Все же некоторые бытовые неудобства палаточной жизни с течением времени дают о себе знать. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нем можно выпрямиться во весь рост. Правда, для меня пришлось бы добавлять пару венцов сверх принятого у малорослых удэгейцев.

Впервые собрался на охоту раньше Луксы — поднаторел. Едва над промерзшими вершинами хребта заалел рассвет, я уже стоял на лыжах. Крупные звезды прощально мигали мне вслед. Путик решил пройти в обратном направлении, так как к полудню снег в низине от жарких лучей насыщается влагой и немилосердно прилипает к лыжам тяжелым бугристым слоем. Поэтому по пойме предпочтительней ходить с утра, пока снег схвачен ночным морозцем.

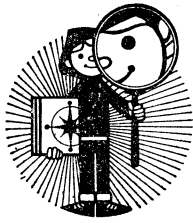
У протоки весь провал истоптан мелкими следочками. Кругом капли крови, и у ближнего края изо льда выглядывает пластинка пружины. Ну, думаю, подфартило напоследок. Ножом аккуратно обрубил лед вокруг пружины. И с трепетом потянул на себя цепочку. Капкан пошел неожиданно легко. Между

дужек торчали два коготка. Ушла! Я допустил ошибку, прикрутив оба капкана к общему потаску. Надо же до такого додуматься! Рационализаторская идея дорого обошлась мне. Когда норка слернула потаск, второй капкан сработал вхолостую. К верхним же ловушкам вообще никто не подходил.

Но от того, что я ощущал в себе богатырскую силу, от которой, как во сне, все легко и доступно, от того, что скоро домой с завидной добычей, от того, что так весело и щедро смеется солнце, лучится снег, настроение у меня стремительно улучшалось. Чтобы дать выход переполнявшему меня восторгу, я завопил старинный марш «Прощание славянки». Теперь можно не бояться, что обитатели Буге не выдержат моего безобразного голоса и разбегутся. Мной владело редкое, незабываемое ощущение счастья и любви ко всему, что меня окружало. Казалось, что тайга тоже восторгается и ликует вместе со мной. Ради таких минут стоит жить!

Вечер посвятил сбору, упаковке снаряжения и добычи. Палатку, печку, капканы мы оставляли здесь до мая. После того как речка освободится от льда, все это можно будет вывезти на моторной лодке.

Почаевничав, разлеглись на шкурах и долго беседовали о прошедшем сезоне, планах на будущее. От мысли, что завтра покидать этот обжитой, исхоженный вдоль и поперек ключ, милые сопки — защемило сердце. Не будет больше чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, задушевных бесед, блаженного чувства усталости от настоящей мужской работы на морозе. До открытия следующего сезона еще целых восемь месяцев, но скучать не придется. Впереди нас ждут заготовка пантов, женшенья, рыбалка и... комариный ад.



МИР

# на лагони

## Почему — Находка?

В 1859 году русский пароход-корвет с экспедицией ученых и гидрографов на борту попал в шторм. Несмотря на героические усилия команды, разъяренное море гнало корвет на берег, на острые скалы.

На рассвете у самого берега морякам открылся вход в тихую бухту. Это было спасение!..

Бухту назвали Находкой. Это же имя получили возникший позже порт, поселок, город.

Е. УРАЛЬСКИЙ

## Сколько зубов у мамонта?

С этого шуточного вопроса обычно начинается экскурсия по геологическому музею объединения Дальгеология Борис Николаевич Фомин. Ответы, как правило, сводятся к тому, что — много. Тогда Фомин подводит экскурсантов к останкам того, что было когда-то мамонтом, и изумленным посетителям предстают два зуба из четырех... Правда, больших.

Один из экспонатов, недавно появившихся в музее, — раковина аммония, замещенная марказитом (серным колчеданом), возраст которой... 150 миллионов лет. Аммонии — морские животные — существовали в юрский период.

Раковину аммония Б. Н. Фомин приобрел довольно забавно — у одного из торгующих на «птичьем рынке» в Москве. Опытный геолог, он сразу определил ценность товара.

Е. МЕДЯННИКОВ

## Заполярный огород

Чукотский поселок Иультин находится в ста шестидесяти километрах от Полярного круга. Морозы, туманы, ветры...

А в столовой старательской артели «Арктика», где председателем П. К. Коротких, — нежный аромат све-

жих овощей и яркая зелень на столах... Тоненькие стрелочки зеленого лука, кружево петрушки, белоголовый чеснок.

«Огород» — рядом: смежное со столовой здание — теплица. Здесь собирают урожай томатов и огурцов, моркови и капусты; здесь же и свой, северный, дендрарий — цветы растут! Даже не верится, что за тонким тепличным стеклом метет свирепая пурга...

А. КИЛИНА

## Макияж для дома

На проспекте Мира в девятом микрорайоне Южно-Сахалинска «проклюнулась» новая девятиэтажка. На этом доме впервые освоен метод отделки фасада разноцветными стеклянными гранулами, он позволяет строителям наводить макияж на любой вкус. В палитре — желтый, коричневый, синий, голубой, бирюзовый, белый цвета. У нового декора есть интересная особенность — преломляет свет. Как известно, это свойственно любой «стекляшке»... Оптические фокусы будут зависеть от времени суток: под солнцем дом будет выглядеть так, а при луне — этак...

Польза от новшества не только эстетическая. Новый отделочный материал не выцветает с годами, он практически вечен. Ему не страшны резкие колебания температур, «косые» дожди, высокая влажность — а для островной области это очень важно.

В. АРНАУТОВ

## Незаменимый собеседник

XX век в тундре. Обживая Чукотку, люди привезли с собой все блага цивилизации: электричество, радио, машины... Телевидение пришло последним. В райцентр Марково, например, — чуть больше года назад.

Стоит сейчас на окраине поселка телевизионная вышка. Вечером в

окнах домов зажигаются голубые всполохи. Как все дети, чукотские ребятишки в восторге от «мультиков», отцы семейств откладывают газеты, когда диктор объявляет о начале футбольного матча. Старики иной раз ворчливо вспоминают спокойные времена, когда еще не было «ледяного экрана», но и они не прочь в полярную ночь посидеть с таким собеседником, как телевизор...

К. АННЕНКО

## «Вотчины богов»

Дальний Восток — край резких контрастов. Большая часть его скована вечной мерзлотой, люют морозы. И в то же время есть своеобразные оазисы, где на озерах цветет лотос, в тайге зреет дикий виноград и бьют гейзеры. В этих оазисах расположились курорты.

Высокие сопки отгородили от холодных ветров узкую долину в отрогах хребта Малый Хинган, и оказался здесь неповторимый микроклимат. Аборигены давно знали это место — называли его «вотчина богов». Посещать его могли только шаманы и те, кому позволят шаманы. И еще к горячим источникам проложили тропы дикие звери, которые шли сюда залечивать раны. Сегодня в отрогах хребта расположен известный курорт «Жемчужина Хингана».

Кульдур... Специфическая особенность его минеральных источников — наличие кремнистых соединений, обуславливающих целебное действие при ревматических и других заболеваниях. Кульдур в прямом смысле поставил на ноги многих и многих людей.

Южнее расположился другой известный курорт — Шмаковка. Более ста лет назад солдаты рыли колодец возле казармы. Когда зачерпнули воду — ахнули: вода пузырилась, будто кипела, и слегка шипела, как живая... Позвали офицера, и тот смекнул: минеральный источник. Церковные власти мигом распорядились поставить возле чудодейственного источника мужской монастырь. Монахи называли воду «слезами божьей матери» и торговали ею.

На берегу Северного Ледовитого океана, в чукотском поселке Валькумей построен санаторий-профилакторий для горняков заполярного поселка и оленеводов. Круглый год северяне принимают здесь морские ванны... Это — не единственная здравница за Полярным кругом, такие же санатории работают в поселке Билибино — у атомщиков, в шахтерских поселках — Анадырский и Беринговский.

Б. ЕВГЕНЬЕВ

## ШАНТАРСКИЕ МИРАЖИ

Зеленое море тайги в обрамлении свинцовых вод Охотского моря — вот что такое Шантары. Такого скопления островов — одних крупных только пятнадцать! — на небольшом пятачке нет больше не то что в Охотском море, но и во всем Советском Союзе.

Этот снимок, сделанный на Шантарах, по-своему уникален. Во все времена, по всей земле миражи наблюдались только в южной части планеты. И вдруг — мираж на Шантарских островах... Не мираж ли это!! Очевидцы утверждают, что над Шантарами вставали то ли дворцы, то ли минареты, какие-то замки, башни — то, чего на островах никогда не наблюдалось. На Шантарах люди бывают часто, и очертания островов известны. Откуда же такой мираж!..

Фото Юрия Дунского



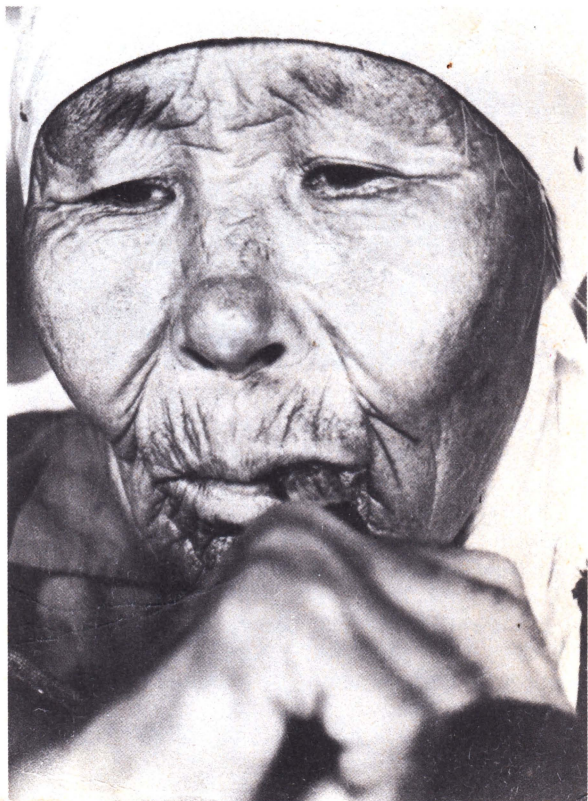
## ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ...

Обряд поднесения даров «хозяину» Амура... Сегодня это представление, но когда-то в нанайском селе Троицкое такие же юноши и девушки действительно верили в Амур как в божество, внимая рассказам стариков и заходясь ужасом и восторгом от песен шамана...

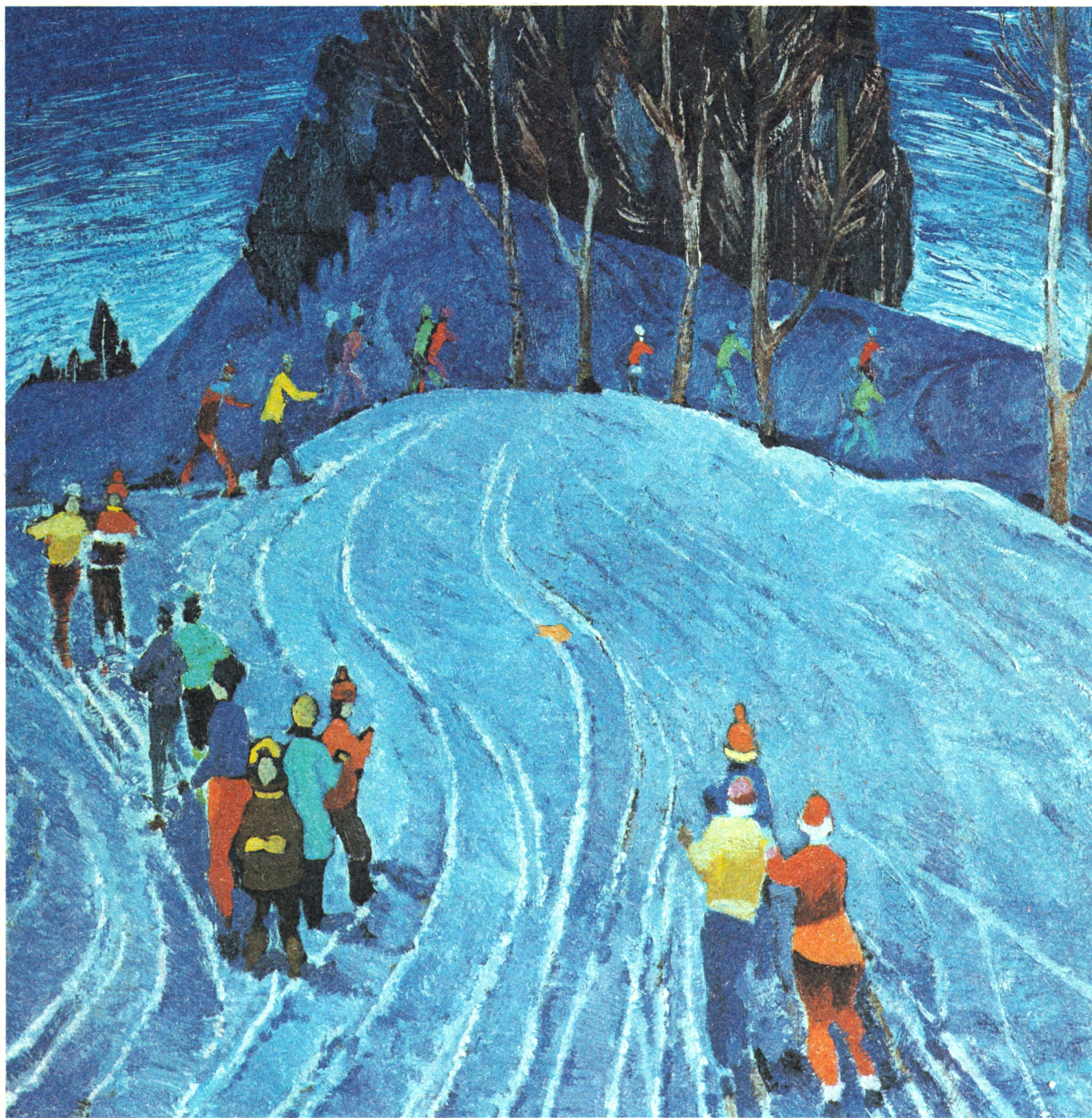
Ульчский, эвенкийский, нивхский языки знает Мария Мионовна Бобик из села Тыр Приморского края. От нее записаны многие образцы местного фольклора: тэлузма — песенные сказки, ихаян — напевы, тумкэвун — ритуальная музыка, исполняемая на ударном бревне... Мария Мионовна негидалка, представительница самой малочисленной народности, насчитывающей сегодня всего пятьсот человек.

Знарок эпического и обрядового фольклора — Тэкчу Оенко. В прошлом учитель нанайского языка, он когда-то обучал азам Андрея Пассара, Кола Бельды и других своих сородичей, ставших ныне деятелями культуры.

Фото Владимира Новикова



Воронин



Юг и север, запад и восток, горы и сугробы, буря и солнце — все соединилось в творчестве художника ГИВИ МАНТКАВА. Южанин, он долгие годы живет и творит в городе, к которому относится с поэтической любовью: «Южно-Сахалинск, Вьюжно-Сахалинск, Снежно-Сахалинск, Нежно-Сахалинск...». В картинах Гиви Манткава на сахалинские сюжеты всегда присутствует южный темперамент: они отмечены сочностью и горячностью красок, в них — радость и яркость жизни, вечная и добрая мудрость.

ГИВИ МАНТКАВА — ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК РСФСР.

ГОРНЫЙ ВОЗДУХ.

Цена 40 коп. Индекс 73413  
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1988, № 10, 1—366.